

В номере:

Личности и гении

Ирен Крекер. **Поэт Юрий Визбор – наша молодость**..... 3

Проза

Вадим Молодых. **Пустые головы**..... 7

Георгий Каюров. **Смертоносное масло** 27

Георгий Никифоренко. **Наполеон** 32

Олег Цуркан. **Мемориал** 36

Олег Маслобоев. **Дожди над Касабланкой** 40

Гость номера

Вадим Росс. **Случай в Шерривуд-холле** 63

Поэзия

Мargarита Москвичёва 81

Андрей Поляков 83

Юлия Винятинская 85

Александр Петруша 87

Дебют

Иван Бану..... 89

Очерк

Виктор Гришин. **А мы выжили, Нинка!**..... 91

Игорь Гамаюнов. **Ястребиная кровь Голубевых**..... 95

Мир приключений

Георгий Каюров. **Жёлтый император** 97

Юмор короткой строкой

Алла Ступина. **Лёгкая рука** 104

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Ольга Бедная, Анна Кашина,
Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Маргарита Сосницкая,
Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Гросул, Надежда Дёмина, Иван Дуб,
Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко, Олег Цуркан.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

**Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дерезинская,
Александр Зингалюк**

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Ирен КРЕКЕР

Поэт Юрий Визбор – наша молодость

20 июня 2015 года в Москве, в театре «Россия» на Пушкинской площади, состоится вечер «А будет это так» памяти Юрия Визбора.

Читаю сообщение об этом, а мыслями ухожу в далёкое прошлое, в ту пору, когда я ещё не знала имени поэта, но уже жила в мире его песен. В родном сибирском городе Новокузнецке, расположенном на берегу реки Томь, его песни знали и пели мои сверстники, поколение, рождённое в пятидесятые годы прошлого века. Проживая в глубокой провинции, мы не мыслили высокими категориями, не ставили перед собой далёких целей, а просто жили: учились, усваивали уроки жизни, пытались постигать тайны окружающего мира, наслаждались природой и радовались солнцу, ветру, песням.

Тогда мы не задумывались о том, кто написал эти песни. Они как бы сами собой неизвестно откуда появлялись, и мы, в процессе пения, запоминали слова, а когда возникала новая возможность, пели их в кругу друзей под гитару или баян, на школьных вечерах или в походах у костра, в пионерских лагерях или в студенческих стройотрядах.

Сейчас говорят, что поэт Юрий Визбор увёл за собой целое поколение в горы, в дорогу, в мечту. С высоты моих лет я понимаю, что так оно и было, так оно и есть. Мы пели тогда в походах у костров: «Люди идут по свету...», «Милая моя, солнышко лесное...» Мы пропитывались романтикой этих песен. Их мелодии, негромкие, светлые, лирические, порой грустные, но без пессимизма, запоминались сразу. Лирический герой был близок нам, он не критиковал, не учил, не вводил свои принципы. Он просто констатировал факты, улыбаясь, а не усмехаясь, рассказывал о том, чем и как мы живём.

У меня своё отношение к песням Юрия Визбора. Я с юности бредила иными мирами. Представьте себе девчонку, которая в шестом классе изучает в Доме пионеров азбуку Морзе и хочет стать геологом. Только сейчас поняла слова артиста Вениамина Смехова: «Драгоценным подарком несуразному племени-времени прожил честно возле нас Юрий Визбор». Человек костра и гитары, он, живя рядом, естественный и открытый, учил нас словами песен преодолевать себя, быть честными, искренними, верными, грести, плыть по жизни, радоваться ей.

Эта его позитивная жизненная философия помогла нам стать такими, какие мы есть. И уже

не в первом поколении его почитатели таланта уходят в горы: от шоу, городских фестивалей, корпоративных вечеров, от скуки, разврата и маразма, проводя фестивали на природе. Одним из таких является Грушинский фестиваль, слава о котором давно дошла до Германии. Сейчас в Германии в кругу друзей мы поём, независимо от места пребывания, «Вечер спрятался на крышу...», «Нет мудрее и прекрасней средства от тревог...», «Ты у меня одна». Эти песни поют всегда хором присутствующие на ежегодном концерте памяти Юрия Визбора в Москве. Песни Юрия Визбора стали частью нашей жизни и, пережив поэта, – народными. Они перешагнули границы государств и вошли в фонд мировой поэзии.

* * *

*«Черная вершина мёрзлой ели
Над вечерней синевой лугов.
Свёрнуты декабрьские метели
В серые перины облаков».*

Эти поэтические строки Юрия Визбора я услышала на литературном вечере, посвящённом поэтам-бардам, в небольшом городе Ахене на юге Германии.

Туда я попала случайно, приехав к знакомым в гости. Увидев на афише портрет знакомого мне человека, я никак не могла вспомнить, откуда я его знаю. Его фамилия мне ни о чём не говорила. Но лицо, волевое и одновременно притягивающее, кого-то очень напоминало. От него исходила такая сильная энергетика, что я не могла пройти мимо. И вот мы с подружкой уже среди гостей, посетивших «Избу-читальню» в этот зимний вечер.

Как сейчас вижу, участники вечера, русскоязычные поэты и прозаики, один за другим выходят на сцену и читают стихи поэта. Ведущая вечера рассказывала о том, что, по словам современников, песни Юрия Визбора, а их более трёхсот, запоминались с одной поэтической строки. И мне подумалось тогда, жаль, что мои дети не присутствуют на этом вечере. Они бы не смогли противостоять магнетизму стиха, его необыкновенной силе воздействия.

*«Ну так что же рассказать о зиме?
То она как серебро, то как медь,
Это холодно, когда без огня,
А кому-то холода без меня.»*

*Синий вечер два окна стерегут,
В черной просеке две сказки живут,
И нанизано рожденье луны
На хрустальное копьё тишины».*

Ведущая вечера объявила, что Юрий Визбор – бардовский поэт, стоящий у истоков авторской песни, актёр, сценарист, прозаик. С опозданием и горечью я узнала, что поэт рано покинул нашу планету с её синими снегами и вечерами, белоснежными шапками гор и чёрно-белыми просеками, где «нанизано рожденье луны на хрустальное копьё тишины». Какие поэтические образы, какое многообразие метафор и эпитетов, не встречавшихся мне ранее! Я во власти его синих снегов.

Я была рада тому, что нахожусь в родной атмосфере русской речи и что посреди Европы смогла состояться встреча-знакомство с песенно-поэтическим творчеством русского поэта, знакомого мне по юношеским годам.

*«Ты уйдешь усталая, слов не говоря,
И погаснет алая зимняя заря,
И дорогу ровную заметёт пурга,
Злые подмосковные синие снега.
Будут ночи темные мчаться без следа,
Как туманы горные будут плыть года,
Но любовь зачалена навсегда моя,
На крутых, отчаянных, мертвых якорях.
Ты не пишешь писем мне,
телеграмм не шлешь,
В незнакомой стороне без меня живешь,
Но однажды вечером, сердце потеряв,
Ты поймёшь, как мечется алая заря.
Мой характер ангельский ты тогда поймешь,
Прилетишь с Архангельска,
с Воркуты придёшь.
На дорогу ровную не мети, пурга,
Стайте, подмосковные синие снега».*

С того литературного вечера прошли годы, но я часто вспоминаю, как совершила тогда ещё одно важное для себя открытие. Внимательно вглядываясь в знакомые черты незнакомца с портрета, я наконец вспомнила: «Да это же артист из кинофильма «Семнадцать мгновений весны»! Кого же он там играл? Ну, конечно же, Бормана».

И ещё один фильм – «Морские ворота» – вспомнился мне в тот вечер. В картине звучала «Песня рыбака», которую я слышала не раз, но теперь пришло время узнать, что и она принадлежит поэту Юрию Визбору. В создании её сли-

лись воедино имена трёх бардов: композитора Виктора Берковского, поэта Юрия Визбора и исполнителя авторских песен Сергея Никитина.

*«Я когда-то состарюсь,
Память временем смоет,
Если будут подарки
Мне к тому рубежу, –
Не дарите мне берег,
Подарите мне море,
Я за это, ребята,
Вам спасибо скажу».*

Значительно позже, находясь в городе Кенцинген на юге Германии, знакомясь по интернету с творчеством бардов Сергея Никитина, Дмитрия Сухарева, Юрия Левитанского, Дмитрия Богданова, Александра Городницкого, я не раз выходила на стихи Юрия Визбора. Они влекли меня простотой слога и стиля, отношением поэта к миру реальных вещей. Он как бы разговаривал со мной, рассказывая об увиденном и услышанном.

*«Друзья мои, друзья, начать бы всё сначала,
На влажных берегах разбить свои шатры,
Валяться б на досках нагретого причала
И видеть, как дымят далёкие костры.*

*Потом придёт зима в созвездии удачи,
И лёгкая лыжня помчится от дверей,
И, может быть, тогда удастся нам иначе,
Иначе, чем теперь, прожить остаток дней».*

Однажды, когда я в очередной раз перечитывала стихи Юрия Визбора, мне подумалось, что если бы я когда-нибудь ещё имела возможность вести уроки литературы в старших классах, я бы непременно познакомила учеников с творчеством бардовских поэтов. Мысленно я составила план уроков, посвящённых творчеству Юрия Визбора.

В начале первого урока прозвучат строки:

«Милая, моя, «Солнышко лесное», Где, в краях Встретишься со мною».

А потом, когда музыка захватит сердца молодых людей, я познакомлю их с судьбой человека, поэзия которого не сможет оставить их равнодушными. Я расскажу ученикам, как поэт, композитор и исполнитель этой песни, родившись в Москве, получив там среднее образование, закончив Московский педагогический институт, став учителем, посвятил много лет туризму, альпинизму и творчеству. Я поделюсь

с ними воспоминаниями о том времени, когда многие мои современники жили песнями Юрия Визбора, заражаясь романтикой дальних дорог. Мы попытаемся составить карту его туристических маршрутов. Сначала отправимся на крайний Север, куда он получил направление на работу учителем русского языка и литературы. Затем в места его службы в армии. Я попытаюсь ввести их в атмосферу моих школьных лет, в пятидесятые-шестидесятые годы двадцатого века. Опираясь на воспоминания современников, мы попробуем понять, кто оказал влияние на становление характера и развитие творческих способностей и когда в юноше зародилась мечта о покорении снежных вершин Кавказа, Памира, Тянь-Шаня. Красными флажками занесём на карту пункты его проживания и непременно послушаем песни: «Мама, я хочу домой», «Бригантина», «Домбайский вальс».

*«Лыжи у печки стоят,
Гаснет закат за горой,
Месяц кончается март,
Скоро нам ехать домой.
Здравствуйте, хмурые дни,
Горное солнце, прощай.
Мы навсегда сохраним
В сердце своём этот край».*

Конечно же, я скажу ученикам, что песня «Домбайский вальс» – это первая песня, исполненная под гитару в космосе космонавтом Александром Иванченковым и что значительно позже, в апреле 2014 года, она прозвучала в исполнении певца Олега Митяева и космонавта Александра Иванченкова на Большом фестивале песни и поэзии «Крепитесь, люди».

А потом мы назначим день похода с ночёвкой в зимнюю тайгу и там, у костра, проведём ночь, исполняя бардовские песни.

Я уже слышу гитарный перебор и слова, запомнившиеся мне с юности, а теперь полюбившиеся и моим ученикам:

*«Снова нас ведут куда-то,
И не ясен нам маршрут,
Видно, горы виноваты –
Не сидим ни там, ни тут.
Снова в гору и по тропам
С рюкзаками за спиной.
Груз под силу лишь циклопам!
«Мама, я хочу домой!»*

На природе у костра я расскажу ученикам, что поэзия Юрия Визбора затронула меня и тем, что он пишет о зиме, о ледоколах и в то же время бредит морем, рыбаками и парусниками. Альпинист, находясь в палатках, у костров, изучая родные просторы, он слагает стихи о простых людях, поёт им песни, излучая добро и свет.

Я думаю, что после таких уроков литературы юношам и девушкам на всю жизнь запомнятся не только слова песен Юрия Визбора, но и он сам, проживший короткую жизнь, но оставивший после себя глубокий след:

*«Смотрите, не забудьте позвонить,
В тот час, когда настанет непогода,
Какое б ни случилось время года,
Чтоб этот час нам вместе пережить».*

* * *

*«А будет это так: заплачет ночь дискантом,
И ржавый ломкий лист зацепит за луну,
И белый-белый снег падёт с небес десантом,
Чтоб чёрным городам придать голубизну».*

Пятьдесят лет, прожитых Юрием Визбором. Разве это срок? В моём понимании, это середина дистанции, в начале которой был разбег, утверждение принципов, открытие истин, а затем начало воплощения их в жизнь... Юрий Визбор ушёл из жизни с половины дистанции, но дай бог каждому сделать столько, сколько сделал он за свою короткую жизнь.

Я каждый день открываю для себя новые и новые страницы его биографии, новые грани творчества. Оказавшись у истоков авторской песни, он явился музыкальным рупором совести своего времени. Он был одним из создателей радиостанции «Юность» и журнала «Кругозор», основоположник жанра репортажа-песни, участвовал в создании сорока фильмов, среди них «Вахта на Каме», «Братск вчера и завтра», «Год 1943» и «Год 1944», писал сценарии документальных фильмов, таких, как «Тува – перекрёсток времени», «Сентябрь в Туве». По сценариям Юрия Визбора снято несколько художественных фильмов: «Год дракона», «Прыжок». В фильме «Июльский дождь» он исполнил три песни, среди них песню Булата Окуджавы «Простите пехоте» и собственную – «Спокойно, дружище, спокойно...» После его смерти опубликованы повести и рассказы, в частности, сборник под названием «Ноль эмоций». Книга

«Я сердце оставил в синих горах» имела тираж 250 тысяч экземпляров.

Я с радостью узнала, что фестивали бардовской песни имени Юрия Визбора проводятся в Тверской области под названием – «Распахнутые ветра», в Архангельской области в посёлке Кизема, в Цейском ущелье – «Цейский вальс». Это неполный перечень мест, где 20 июня проходят дни памяти поэта.

Юрий Визбор остался навсегда в наших сердцах. Он видел дальше нас и хорошо понимал, что всё пройдёт: придут новые времена, другие люди с иным воззрением, другими ценностями. Он любил родину, мир во всём его многообразии, верил в разум человека. Обращаясь к нам, всем честным людям Земли, он искренне и открыто говорит о том, что у него на душе. Его стихи звучат для нас как наказ-напутствие.

«Только песня, пропущенная, как кровь, через сердце, становится высоким, волнующим искусством», – сказал Юрий Визбор. Его песни соответствуют этим критериям. Он остаётся всегда молодым в памяти современников. Об этом строки известного поэта Александра Городницкого, посвящённые памяти Юрия Визбора. Они непременно прозвучат 20 июня в Москве в театре «Россия» на вечере «А будет это так», посвящённом памяти Юрия Визбора, поэта нашей молодости.

*«Нам с годами ближе
Станут эти песни,
Каждая их строчка
Будет дорога...
Снова чьи-то лыжи
Греются у печки:
На плато полном
Снежная пурга».*

Вадим МОЛОДЫХ

*Продолжение. Начало в №4.***Пустые головы***Повесть***Глава 10**

Проснувшись утром и торопясь избежать обхода, Малой «дёрнул» постовую медсестру относительно своей гражданской одежды. Но уже тогда, когда та сначала поинтересовалась, зачем она ему (он не принуждённо рассказал про забытую в кармане «одну вещь»), потом затеяла рассказ о процедуре обращения к сестре-хозяйке, совместном с ней походе в гардероб и прочей материально-ответственной чуши, Антон пронзительно сообразил, что после кровавой поножовщины его одежда стала совсем даже не гражданской – пугающей! Она – одна штанина, по крайней мере, – порезана и залита кровью.

«Чёрт! – кивал он головой с озлобившимся выражением лица. – Не додумался мать попросить принести...»

Медсестра злобу на его лице приняла на свой счёт и стала сначала резко обиженной, но тут же – профессионально ласковой:

– Не расстраивайтесь вы так! Сестра-хозяйка скоро придёт...

Антон же в этот момент тоже подобрел... Но не от магии медсестры и не от предвкушения встречи с сестрой-хозяйкой. Он, вспомнив так – сугубо утилитарно – о матери, снова будто бы увидел её вчерашнее заплаканное лицо, почувствовал к ней такую жалость, памятно всплывшую из его слабого детского прошлого, когда они оба – мать и сын – неполноценные и несчастные бессознательно поддерживали друг друга своей искренней жалостью. Мать так и осталась там же – в своей доброте, ибо она была её естественным состоянием – сутью её души, а он ожесточился. Давно и тоже естественно до такой степени, что конкретно вот сейчас сначала подумал о необходимости её помощи в деле и только потом о начальном ужасе, который охватит её, когда она представит – а она представит обязательно! – почему его парадная одежда стала после драки негодной. И о возможном конечном – всеобъемлющем, фатальном! – кошмаре, если она эту одежду ещё и увидит! И ради чего он собирается жертвовать её покоем? Ради дела? Какого, к чертям, дела?! Это что – дело?! Психоз, мания преследования, больше ничего. Устремление воспалённого сознания...

«Да! Но ключи-то в пиджаке остались... Если не потерял... Нет-нет, там! Надо забирать... По-любому! А тряпки можно и здесь оставить... В больничном доберусь!»

И снова о матери... Точнее, о ней как единственном человеке, на которого он может до конца рассчитывать в её самоотверженности. Он взрослый уже мужчина, по сути-то, одинок... Совершенно! Ни женщины верной и смелой в своей любви и верности, ни друга... Одна мать! Да и она... Можно ли... Есть же предел её самоотречению ради него. Для неё он далеко за гранью собственной смерти – это понятно... Но для Антона он ведь не так и далёк, рубеж её возможностей. И дело даже не в том, что ей недолго на этом свете осталось жить, а в слабости её как таковой, изначальной, в полном согласии с которой она всю жизнь и прожила. А теперь она во взрослой уже жизни сына и сама для себя неожиданно от своих стараний-усилий ломается. Не выдюжит собственной готовности на всё. Переживания – одно, другое, а на третьем – бац! – инфаркт... Или инсульт! Кровоизлияние в мозг... Мозг... А есть ли он у неё, мозг-то? Никогда ведь не проявлялся... МРТ ей сделать? А толку!

«Фу ты, чёрт! Точно психоз...»

Антон смотрел сквозь лицо медсестры, пытаясь всё-таки всмотреться именно в него и отвлечься от навязчивых мыслей. Увидел. Милое... Улыбка красивая... Губки полненькие... Растягиваются, а сочности не теряют. Глаза серые... Или голубые? Неважно! Просто маняще-лукавые. Сама своему трёпу не верит. Глаза-то не улыбаются. Себе на уме девушка... Хитрая! Уменьшечка даже! Далеко пойдёт. Впрочем, оно ей надо? Замуж – дети, квартира, машина, отпуск... Хотя... Мозги-то вроде есть... Вон как разговорилась! Стандартно, впрочем... Шармом накрыла... Природой женской... Зачем тебе мозг? Не нужен ведь – всё заранее ясно.

«Фу ты, чёрт! Опять...»

– Что случилось? Почему вы здесь?

Это был доктор. Умытый и свежий, словно всю ночь проспавший в большой и чистой постели, а не пару часов в одежде на диване. Умел человек – привычен был – посуточно дежурить, да ещё и опериро-

вать. Травматология крепких выбирает.

– Да вот...

И сестричка коротко доложила суть. Малой не перебивал. Смотрел на врача до тех пор, пока тот не взглянул на него.

Была в его взгляде какая-то неловкость. Словно бы врач сожалел о вчерашнем чрезмерном откровении... Вот только чьём? Своём или его, Малого? Был и интерес – док явно хотел увидеть в глазах Антона продукт переваренного за ночь незаконченного вчерашнего разговора – либо жажды продолжения, либо, наоборот, стоп-сигнала. Сестричка отчиталась...

– Ну что же... Пойдёмте. У меня есть ключ.

И как только они отошли от поста, док шепнул:

– Вы что, сбежать хотите? В смысле, уйти...

И сказано это было таким заговорщическим тоном, будто зав. отделением и сам не прочь в бега податься подальше отсюда, а потому готов посодействовать пионеру в этом благородном риске.

«Да он не только хирург, – шевельнулось в голове Малого. – Он ещё и психолог!»

– А как же нога?

– Ну вы же видите – я иду и почти не хромаю... Я даже в спортзал собираюсь... её разминать, чтоб как надо срасталась.

Шутка вышла грубоватой.

– Вы, батенька, забудьте о спортзале недели на три... А лучше – на месяц, чтоб наверняка! И дело даже не в ноге, а в сотрясении мозга. Нельзя вам пока дёргаться.

– А вдруг его там нет, док... Вы тому тоже сотрясение мозга в диагноз поставили, а горшок-то пустой оказался...

Медик отреагировал для Малого неожиданно – он хлопотливо вскинулся:

– Как кстати вы вспомнили о нём! Давайте «услуга за услугу». Я вас отпущу... Даже одежду дам – ваша вся в крови... Но после того, как вы съездите со мной на заседание комиссии горздрава. По этому делу... Как непосредственный свидетель произошедшего несчастья, которое я никак не мог ни предвидеть, ни предотвратить. Так ведь?..

Он замедлил шаг и повернул-наклонил голову к Антону, обозначая приглашение к владению тайной:

– ... А ещё станете свидетелем большого собрания пустоголовых... Будут сейчас решать, что со мной делать. В полном соответствии, заметьте, с утверждёнными нормативными правилами – у них на всё есть инструкции и положения: и на награды, и на наказания. По их логике развития, чем ответственнее пост, занимаемый человеком, чем больше в его работе нормативных актов, тем менее он нуждается в собственном мозге и, следовательно, в понимании сути своего занятия... Однако то, что себя, например, за низкие подоконники наказывать нельзя, они даже своими пустыми головами понимают...

Малой не то чтобы подчинился доктору, он – только соглашался. Но во всём! Даже в его просьбе поехать в больничной униформе, под которой особенно сиротски смотрелись Антоновы штиблеты – ну не в тапках же ехать, в самом деле! Малой снова, к своей радости и удивлению от этой радости, убеждался, что доктор не чужд психологизмов.

Ехали недолго и поначалу молча. Но Антон заметил, увидев прикреплённый к зеркалу заднего вида бейджик доктора, который тот в больнице не носил почему-то:

– Редкое у вас имя, док... Родители в молодости поклонниками Америки были? Стиляги, типа?

– Наоборот!

Доктор даже как будто проснулся и встряхнулся – дежурство давало-таки о себе знать.

– Они меня Фомой назвали! Представляете? Я же близнец... Второй за братом на свет появился – вот и Фома. Всё детство мне испортили. Это я уже сам Томасом переименовался... Значение то же – родителям не обидно, но не так кондово, согласитесь...

– Значит это, вы Америку любите? Или Англию?

– Люблю – не подходящее слово... Как можно любить географическое место? Любить можно человека – женщину, мать, отца, ребёнка... Любить можно искусство – музыку, живопись... Но даже эти две любви обозначают разные эмоции... Ещё третья есть как фигура речи – любовь к родине... А что это такое? Вернее спросить, как это?

– Это когда человек, например, будучи лишённым её, остро ностальгию чувствует.

– Так ностальгию и на родине чувствуют! По молодости... По первой любви... По детской беззаботности... Привязка к местности тут не причём! Патриотизм – это уловка правителей. Бессмысленная

теперь-то, когда границы открыты. У меня брат в Америке живёт. Да-да, тот самый, которого я близнец... Так вот мне туда ездить хочется явно больше, чем ему сюда – обратно, то есть. Показательно, правда? Давно уже надо патриотизм планетарный культивировать... Но как это? Никто толком сформулировать не может, потому что любое правительство способно мыслить только узко – в рамках границ, географически очерчивающих пространство для поборов. На глобальность ни у какого правителя мозгов не хватит! Ведь даже если кто-то и лезет за пределы своих границ, то только с той же целью – поборы расширить. У них по определению мозги в средневековые остались... Приехали.

Антон всё же почувствовал непреодолимую неловкость за свой жалкий вид, как только увидел фасад официального здания, наполненного, конечно же, приятными на вид прилично одетыми людьми, с которыми он и призван контрастировать.

– Но идти-то всё равно придётся! – видя его нерешительность, убеждал доктор. – Я не предлагаю вам там сидеть в таком виде и ждать, когда вызовут. Покажитесь вместе со мной вахтёру на входе, чтоб пропустил, когда надо будет – когда я звякну. Кстати, ваш номер телефона?

Томас Петрович так по-деловому чётко всё делал и говорил, что Малому трудно было возразить. Да и зачем? Раз уж приехал вместе с ним! Антон странным образом чувствовал некую сладость в душе от убедительной необходимости подчинения... Впрочем, в подчинении ли дело? Скорее, в доверии. Доктор, вольно или невольно, шёл «отмазывать» и его тоже! Несчастный случай, дескать. Грех ему не помочь... Но в то же время Антон боялся сам себе признаться, что он не только по необходимости на доктора уповаает... Ему нравится доверять!.. Малой даже пытался перебить эти удобные мысли привычной практикой сугубого людского коварства.

«А интересно всё-таки, знает этот Томас(!) Петрович истинную суть дела или только для убедительности меня взял? И если знает, то что у него на уме? Ну «отмажется» сейчас, а дальше что? Телефон взял! Надо теперь ждать звонка с шантажом с какого-нибудь «левого» номера? Ну не такой он дурак... С мозгами дружит... Посмотрим-посмотрим...»

И Антон, снова сев в машину и глядя вслед удаляющемуся медику, совершенно явственно ощутил желание узнать, есть ли у того самого мозг в черепной коробке.

Глава 11

От нечего делать включил радио. Песенки-песенки... На родном и иностранных языках. Одни и те же! Подумалось, если бы исполнители поменялись местами и песенками, то никто бы подмены и не заметил. Воистину, «люди не знают, чего они хотят, пока им этого не предложат»... Задуматься о собственных желаниях некогда... Или просто лень! А зачем? Думать-то? Трудно это... И неинтересно, если ничего придумать не получится... Столько очевидных соблазнов вокруг!

Так, стоп! Вот вроде связная безнотная человеческая речь... Новости! Антон сделал погромче. Диктор, демонстрируя бесстрастность в каждом звуке – так учили, рассказывал об открытии, сделанном на днях в Институте мозга... Малой даже испугался... Не новости как таковой, а её совпадения со своей актуальностью... Потом сумел твёрдо рассудить, что это опять же воспалённое восприятие заставляет его обращать внимание на такие совпадения. Стал слушать, вроде как отвлечённо... Диктор вещал в продолжении:

– ...Пока это только предположения, отмечают исследователи, но уже однозначно можно утверждать, что приписываемая до сих пор мозгу роль весьма преувеличена. Нет в нём никаких особых, порой даже мистических, функций и загадок. Мало того, говорят учёные, жизнеспособность человеческой личности не зависит напрямую от мозга. И осознание себя собственно как личности не находится в непосредственной связи с мозгом. Более того, личность – это понятие сугубо абстрактное, навязанное прежними псевдонаучными заблуждениями. По сути, мозг – далеко не основной орган человека, как, положим, желудок или кишечник, а, скорее, вспомогательный. С этих новых позиций его и надо рассматривать в исследованиях, которые продолжаются. И в заключение о погоде...

Малой испуганно удивился тому, как его в свете последних событий и связанных с ними мыслей поразила эта, в общем-то, рядовая новость из жизни науки. Ну ковыряются там умники... Ну режут они чужие мёртвые мозги на дольки... Ну в микроскоп смотрят на нервные клетки... Интересно им! Пусть занимаются... Но, думая так, Антон сам себя уличал в лукавстве – не факт исследования его поразил, а вывод! Пусть даже предварительный, но уже заявляемый официально – в новостях, то есть через пресс-службу. Это теперь новый научный тренд! Всё, что не будет в него вписываться, объявляется лженаукой. Такое уже было... И не раз! Надо думать, что мозги даже в такой работоспособности, в которой они

теперь у большинства людей находятся, уже тоже мешают. Это пока они мозг вспомогательным органом объявляют, чтоб не огорошивать сразу, но так ведь и до «ненужного рудимента» риторика дойдёт. Основания-то для неё есть! Сам ведь видел... И не только Антон – многие уже!

Телефон завибрировал. Прозвучала команда на подъём и объяснение, где находится малый зал заседаний. Заседаний!.. Всё предельно серьёзно! Встряхнув волосы пятернями и пошевелив-погримасничав лицом в зеркальном отражении, решительно вышел, захлопнул дверцу, нажал кнопку на пульте – запер машину. Слава богу, близко никого не встретил в коридорах власти – опасался этого! – и без стука – зачем стучать, это же не кабинет, а зал! – распахнул половину двойной красивой двери.

– Здравствуйте. Моя фамилия Малой.

Объявил сразу и только потом осмотрелся.

Стол в зале были расставлены явно не для заседания – овалом, они стояли полукругом, который перекрывал малейшие попытки нерегламентированного пространственного зрения выйти на свободу. И прямо, и слева, и справа за каждым отдельным столом сидел отдельный человек – член комиссии. Войдя в зал, некто сразу попадал в плен этого полукруга, обозначенный специальным стулом без стола – ни к чему ответчику! пусть уязвимость свою физически чувствует. Стул стоял в эпицентре сконцентрированных на него строгих взглядов членов комиссии общим числом в пятнадцать человек. При этом между собой их взгляды никак не пересекались без специальных поворотов голов, что не принято.

Как только Антон закрыл за собой дверь и повернулся, то невольно затормозил в своём предполагаемом движении к эшафоту. На то и рассчитывали! Паралич воли обязателен для правды... Антон же ещё и вспомнил о своём внешнем виде! Но пока его как свидетеля представлял и вставал, освобождая заветный стул, доктор, Малой сумел взять себя в руки.

– А вы пока свободны, Томас Петрович, – проговорило светлое пятно во главе полукруга. – Подождите за дверью. Мы вас пригласим. Спасибо.

Эдак они доктора, замешкавшегося на выходе, выпроводили. А то, может, он сдуру ассистировать в допросе свидетеля собирался. Не надо! Здесь люди грамотные и опытные – не в таких вопросах разбирались. Это имелось в виду только в тоне – нарочито вежливом и безапелляционном: вали отсюда! Подыши там пока, а то снова вызовем, вдруг воздух глотать начнёшь в инфарктном удушье.

Антон сел и попытался увидеть лица. Не вышло! Пятна! Светлые безмолвные пятна примерно одного размера. На некоторых, впрочем, что-то такое поблёскивало – это были украшенные серёжками женские пятна. Во внимательной к нему тишине он даже успел подумать, что у этих пятнадцати не только мозгов – у них и лиц как таковых нет.

«Как они точно по радио про человеческую личность-то говорили! Нет её как таковой... Здесь-то уж точно! Сейчас и из меня выдавливать начнут...»

– Скажите, больной Малой... – вкрадчиво заговорило главное пятно, но сразу же показательно по-доброму осеклось. – Пациент Малой... Так, пожалуй, лучше будет к вам обращаться...

Все заулыбались. Опять же показательно по-доброму.

«Ещё один психолог!» – мелькнуло в Антоновой голове.

– Скажите, пациент Малой, вы видели, как случилось несчастье?

– Да.

– Расскажите нам... С самого начала.

– С самого начала как я в больницу попал?

Антон специально выбрал для ответа агрессивный тон, чтобы не раскисать, чтобы собраться во внимании, не поддаваясь на обещающие сладость общения проникновенные уловки.

– Не-ет, – улыбка в сиропе. – Только о происшествии.

Антон включил теперь нудный повествовательный тон и заговорил по продуманной бездоказательной версии. При этом его перебивали, конечно, но к удивлению Малого больше не уточняющими вопросами, а репликами-цитатами различных нормативных документов. Антон, к примеру, заговорил о том, что по звуку за своей спиной слышал, как несчастный зашёл в кабинку туалета...

– И что там происходило?

– Известно что! Струя журчала...

И тут же раздался шелест быстро перелистываемых страниц, и затем молодой женский голос с самого края полукруга:

– Согласно приказу номер такому-то от такого-то числа, месяца, года, мужской туалет должен быть оборудован писсуарами.

– Скажите, пациент Малой, там были писсуары?

– Да, были.

– А зачем же он в кабинку зашёл?

– Не знаю.

Потом Малой рассказывал, как он вытирался своим большим полотенцем и не мог видеть шатающегося бедолагу. Сразу же шелест страниц – цитата:

– В соответствии с распоряжением Минздрава – номер, дата – все стационарные больные должны быть обеспечены постельным бельём и полотенцем.

– Скажите, вам выдали больничное полотенце?

– Да, выдали.

– А почему вы им не воспользовались? Оно меньше... Вы бы смогли увидеть возможное несчастье в его, так сказать, рождении!

– Так потому и не пользовался, что меньше! Откуда мне знать о надвигающейся беде? А это мамино полотенце... Отделение-то не инфекционное, а травматологическое – передачи разрешены, в том числе и полотенца.

– Да-да... – задумалось главное пятно. – Это очевиднейшая недоработка министерства! Отметьте отдельным пунктом в протоколе необходимость выйти на Минздрав с предложением пересмотра норматива по полотенцам в отделениях. Этот пункт надо доработать! Обязательно! Шутка ли – люди уже гибнут из-за беспорядка... Кто-то с таким полотенцем в умывальник придёт... Кто-то с эдаким... С этого всё и начинается! Всё должно быть четко и жёстко регламентировано! Иначе это какой-то бардак, а не больница получается, товарищи!

Так и поговорили... Малой вышел из зала, напрочь забыв о докторе, о своём внешнем виде – он, похоже, никого из комиссии не удивил – вообще, обо всём, так его переполнили тяжкие подозрения, что эти люди как раз таки в отсутствие собственных мозгов пытаются всё в бумажках расписать. Но это невозможно! Должны же они понимать... А тут – оп-пачки! Понимать-то и нечем...

– Ну как впечатление? – с вопросом доктора Малой вернулся в реальность.

Тот спрашивал без какого-либо беспокойства в голосе, словно бы дело его лично нисколько не касалось и он за ним наблюдал со стороны... Он как будто был уверен в Малом. Но почему? Антон даже взглянул ему в глаза – ничего кроме удручающего выражения по типу «Вот видите!» там было не видно. Может, конечно, это усталость сказывалась, но Антон так не думал. Ему хотелось доверять и верить доктору.

– Убедились? – по-другому спросил-уточнил врач.

– Да... Пожалуй...

Глава 12

Доктор предложил Антону вернуться в больницу, чтобы соблюсти канцелярские приличия: написать добровольный отказ от дальнейшей госпитализации, перейти на амбулаторный режим и оформить больничный лист. При этом перечисление мотивов возвращения звучало так неторопливо и вкрадчиво, словно док жалел, что их мало. Попросту говоря, он явно не хотел отпускать Малого из больницы. По крайней мере, так сразу. Как будто что-то ещё хотел сказать (или услышать?!), но ждал наступления решимости и просил пока не торопиться.

Антон от этого понимания даже холодок волной внутри себя ощутил – почему-то не под сердцем, а под желудком. Однако лицо врача выражало полную предрасположенность – Антон это ещё из своего дефицитного на дружбу детства усвоил – видно, когда человек определённо хочет сблизиться.

Да и аргументация железная – больничный-то надо открыть!

– У меня и переоденетесь... Тряпки от больных иногда остаются...

– В связи со смертью?..

– А хотя бы! – доктор так открыто, но без вызова, соглашался, что Малой проникся к нему ещё большей симпатией. – Что тут такого? Мы же не с мёртвых снимаем... Да даже если бы... Предрассудки всё это...

– Так человеческое сознание под пробку набито предрассудками!

– Э-э, нет, Антон! – доктор, наверное, впервые назвал его по имени. Но даже если и не впервые, то произнёс имя первый раз не как лечащий врач. – Я ещё, может, соглашусь, что они вбиваются в голову сознательным путём, но там-то они становятся совершенно бессознательными.

– А вы уверены, что они вбиваются именно в голову?

Док остановился в ходьбе и рукой придержал инерцию Малого.

– Какой хороший вопрос! Сознаться: вы случайно задали? Или специально? Если второе, то вы потрясающе точный риторик... А если первое, то вы вообще – гений!

Антон готов был спорить на что угодно и с кем угодно – хоть с самим собой! – по поводу искренности восхищения в глазах... Чьих? Он – Томас... Петрович ещё пока... явно переставал быть для Малого только доктором и становился всё больше просто Томасом... И даже без Петровича!

– ...Это ведь сродни рефлексу представлять мозг как некое скопище... хранилище... склад... кладовку, забитую вперемешку нужным и ненужным. Ненужное потому и не выбрасывается, что всё – вперемешку! Страшно, выбрасывая, случайно что-то нужное прихватить... А?! Как вам метафора?

Томас совершенно приободрился после бессонной ночи. Даже шаг убыстрил.

– Да и не метафора... И не сродни, а рефлекс и есть! Рефлексы... С совершенно точно заданной и ожидаемой реакцией на раздражение... Рекламы, к примеру... Любой пропаганды! Она что, именно в голове откладывается? Кто сказал? Так принято думать... В голове, дескать, самый большой сгусток нервов... Ну и что?!

Это было сказано уже на пути к машине, но так эмоционально и с остановкой – даже с дёрганьем за рукав Антона – что становилось ясно: доктора постигло озарение, и он остановился бы под его воздействием даже будучи в полёте.

– А у собак сгусток нервов поменьше... Но они тоже реагируют и выполняют условные рефлексы. А у птиц – ещё меньше! У рептилий... Насекомых... То есть мозги-то как аппарат мысли и не нужны!..

– Да, но с другой стороны, для того, чтоб хотя бы запомнить все эти регламенты, нужна память. А что есть память, как не функция именно мозга? Кроме того, большой объём памяти, заполненной отдельными битами информации, требует, во-первых, упорядочивания, чтобы можно было найти нужный бит, когда потребуется, и, во-вторых, умения мыслить, то есть работать мозгом, чтобы складывать нужные биты один с другим и выводить их в требуемую общую картину.

– Да не нужна им и память тоже! – воскликнул со злобой доктор. – Секретари, референты и помощники им нужны, чтобы в нормативных дебрях рыться, где всё расписано. В действительности всеми процессами эта «пехота» управляет. Как состроит мозаику из нормативов, так дело и пойдёт.

– Точно! – обрадовался Антон. – Поэтому всё и получается через жопу! Сплошной примитив. Ведь гармония симфонии сложнее и интереснее попсы. Но интереснее она только для того, кто способен эту гармонию воспринять, то есть для того, кто способен мыслить на таком же, как сама симфония, сложном уровне. А у нас всё пытаются упростить – не себя поднять до степени сложности мира, а мир опустить до уровня своей глупости. И так в любой области человеческого знания!

– Знания – да! Но заговорив об искусстве (симфония – суть искусство), надо бы говорить о чувствах, то есть не о рациональном, а об иррациональном начале в человеке...

– А это неважно! – Антон понимал, что доктор не возражает, а наоборот, подстёгивает его убеждённости. – Не надо отделять одно от другого. Человек-то, пусть даже абстрактный, один – с обоими своими началами. Вот и надо говорить о нём – о конкретном человеке!

Малой даже плечи расправил и как будто стал выше. Томас улыбнулся:

– Так человек у нас абстрактный или конкретный?

– Общая теория выводится из и для абстрактного человека. А применяется для исследования конкретного Ивана Петровича Сидорова. Всё законно – всё по правилам... Должна же быть какая-то общая система... координат или периодическая – как угодно называйте... с базовым нулём, чтоб из него и исходить. Я бы назвал это сравнительной системой... Но система обязана быть! Иначе хаос.

– Согласен, – доктор снова активно задумался. – Но проблема в том и заключается, что за система образуется в мозгу человека – своя (как результат собственной мыслительной работы) или привнесённая (навязанная извне мозга этого человека). Навязанную-то, выстроенную уже кем-то, воспринимать легче, чем свою самостоятельно выстраивать, даже если посторонняя навязана не с благими намерениями. Думать всегда трудно. Особенно поначалу.

– Да, безусловно! Вот и имеем, что за огромное число людей – потенциальных личностей – думает всего одна, взявшая на себя функцию пастуха. Ну, или пастыря, как его необходимо для себя любить называть паства, являющаяся, по сути, тем же стадом абсолютных и абстрактных в своей массе скотов в человеческом облики.

– Как вы их приложили... – доктор не стеснялся своего восхищения.

– А чего церемониться-то?! Оно же, стадо, невольно передоверяя свою, доверенную богом функцию мозга другому – единственному лицу, награждает его тем самым и невероятной по масштабу привилегией управления с выгодой для этого конкретного единственного лица. И рождает таким образом противоречие, выражающееся, в частности, в простой зависти. Дуализм ситуации: думать не хотим, не умеем и учиться уметь не собираемся, но ты – думающий – высовываться не смей. Будь как все – как любой скот из общего стада!

– Точно! И для регулировки сбалансированности этой двойственности мало-мальски идеальная система людских взаимоотношений не найдена до сих пор.

– А идеальная – это когда управляющее лицо не может развивать своё личное благополучие, не развивая тем самым благополучия общего? Так? Такая система невозможна, ибо человек не идеален.

– Возможно... Что она невозможна, – скаламбурил доктор. – Но совершенствование, как бы то ни было, идёт всё-таки! Где эволюционно, а где и революционно...

– Это полное совершенство недостижимо. Но и совершенствование, использующее одну и ту же изначальную базовую систему, бесконечным быть не может. Любая система имеет свои функциональные пределы.

– Вы полагаете, что мы их в нашей системе жизнеустройства уже достигли?

– Похоже на то... Слишком очевидной и массовой становится деградация. Я имею в виду отсутствие мозга.

И чтобы немного взбодриться и мысленно сплясать на этой вершине пессимизма, Антон добавил с ухмылкой:

– Помнится, в начале разговора вы это прогрессом назвали.

– Да-да... Вот для разного рода «пастырей», с их точки зрения сохранения стабильности привилегий, – это, конечно же, прогресс. Но с точки зрения чистой науки как субъекта истинного прогресса – это не то что деградация, это вообще нонсенс! Человек без мозга – не человек!!!

И тут он перешёл на конспиративный, впрочем, громкий и горячий шёпот, которым, не в силах сдержаться, выкладывают первому встречному вселенскую тайну-сенсацию – опровержение всех догм:

– Слушайте, Антон... Так наши с вами безмозглые, выходит, ничем от насекомых не отличаются! Даже – от простейших одноклеточных!!! Те ведь тоже жрут, спят, размножаются... И всё! Что ж они – тоже люди?!

В его глазах уже горело безумие, которое он словно бы пытался затушить вспененной влагой, блестящей на губах.

– Успокойтесь, вам же машину вести...

Не сказал Антон, а заявил, пытаясь снять горячку, но голос его, заражённый возбуждением, дрогнул-таки.

Однако помог.

– Да... Да, вы правы. Поехали.

Док довольно спокойно вырулил с парковки, выехал на улицу, но забираться в левый ряд не стал, а остался в правом – неспешном. Успокоился.

– Кстати, об отличиях... Я убеждён, что должны быть внешние отличия.

– Вы о чём?

Доктор снова начал горячиться.

– Послушай, Антон! Чё мы с тобой как на рауте? Давай на «ты» уже... А? Давай...-те?

Малой глянул на него – абсолютно открытый взгляд, правда, не на Антона, а на дорогу – на Антоне мелькали только фрагменты взгляда – но и на дорогу он смотрел тоже честно – ехали хоть и медленно, но хлопотно, машин много. Естественный ответ на дружелюбие:

– Давай...-те!

И вот взгляды на секунду встретились. Оба расхохотались и хлопнулись ладонями.

– О чём речь, спрашиваешь? О том, что у безмозглых обязаны быть внешние отличия от нормальных людей. Слишком серьёзный изъян, чтобы никак не проявиться.

– А с чего вы взяли... ты взял, что это изъян? Мозг, да ещё самостоятельно работающий – это ненужная в устоявшемся мироустройстве вещь. Рудимент. Как копчик или аппендикс.

– То есть ты хочешь сказать, что это именно они как раз более прогрессивны?

– Можно сказать и так... При существующей заданности, когда тебя с детства регламентируют, самостоятельно думать и придумывать стало незачем... Вот тебе и эволюция...

Антон, когда озвучил эту вполне логичную вещь, сам осёкся, испугавшись её простоты и очевидности.

– И именно поэтому в наше время наблюдается такой напряг с гениями...

Это док вложил ещё один кирпичик в стену отчуждения безмозглых. И Малому это понравилось – он продолжил с поправкой на «вновь открывшиеся обстоятельства дела»:

– Кстати... Природа гениальности ведь так до сих пор и неясна. Чего только ни делали: и мёртвые головы вскрывали, как консервные банки; и мозги умерших гениев на дольки резали – рассматривали в микроскоп; и взвешивали целиком; и сравнивали – ничего не ясно. Одно известно – от веса уж точно не зависит...

– И от наличия...

– Что?

– Я говорю: почему бы не предположить, что и от наличия тоже?

– Да ну?! – Антон изумился до бледности.

– А что? – док продолжал провоцировать. – В могиле Гоголя при перезахоронении его головы не оказалось... Почему бы не допустить, что её... изъяли, скажем так, чтобы не обнаруживать отсутствия в ней мозга?

– Да ну?! – снова повторил Малой с ещё более яркой интонацией. – Кто такой коварный-то? Заговор, типа? Бросьте. Это всё обычные колдовские штуки! Всем известно, что Гоголь был мистик... Да и как, простите, без мозгов такую литературу создать?! Абстрактно он мыслил очень ярко!

– Ярко, ярко... Но есть свидетельства очевидцев, рассказывавших, что Гоголь, когда работал, был в состоянии транса – не здесь на Земле, не среди людей, не в общей – их, людской – реальности, а в своей какой-то! До того как встать за свою конторку, он в транс входил или уже в процессе работы – неизвестно. Но «тащило» его по полной программе!

– На подобных фактах основывается теория, что мозг не рождает мысли... Вернее, не мозг их рождает.

– Да?! А кто... Или что?

– А они уже есть...

– Как это?

– Да так же примерно, как это в теории может быть со временем – оно просто есть, а мы все в нём движемся... Причём заметьте, в одном направлении. Но если в одном можно, грубо говоря, туда, значит, должно быть можно и обратно! Мы просто ещё не знаем, как... Так и с мыслями – они уже есть. В информационном поле – типа, «мысли в воздухе витают»... У высшего разума... В россыпях господа бога... Называйте это скопище, как хотите! Они есть, эти биты информации, и они общедоступны. А мозг каждого конкретного человека – это своего рода антенна, которая их и улавливает. Всё зависит от настройки антенны: один ловит симфонию, другой – попсу; один – теорию относительности, другой – карточную аферу. Гоголь, наверное, особым способом настраивал свою «антенну», чтобы точно ловить нужное ему.

– Наверное, наверное... Красивая теория... Но и она не объясняет природу гениальности...

– Но зато она объясняет, вернее, подтверждает материальную природу мысли... Ну или, по крайней мере, её волновую природу.

– Да... Пожалуй... Приехали.

Медсестра на посту:

– А к вам посетитель! Ждёт... Я сказала, что вы уже едете...

При этом она излучала такое счастье, словно посетитель – к ней! И не просто посетитель, а принц! И не просто в гости зашёл, а замуж зовёт! Интересно...

Ну, не совсем принц, но почти – Кира. С полным пакетом гостинцев и виновато-рассеянным выражением лица.

Антон от неожиданности – он в процессе формирования новой дружбы в серьёзных разговорах и думать о нём забыл – тоже слегка растерялся, возвращаясь в прошлое, но наконец и обрадовался.

– Ну и отлично! – доктор подытожил встречную мизансцену. – С ним и уедешь. Вы нас... э-э... Кирилл, да, спасибо, подождите ещё пару минут. С вашим другом всё не так плохо, как вы думали, судя по пакету. Праздновать сбережённую жизнь товарища и проводить разбор полётов будете уже не здесь...

Видно было, как виноватое беспокойство схлынуло с Кирилла, и он повторил в точности:

– Ну и отлично! Спускайся – я в машине...

Подхватил пакет, достал оттуда самый яркий апельсин и, очаровательно улыбаясь, подарил медсестре. Та, смущённо глядя на доктора, покраснела, но, видя улыбку шефа, взяла. Кира подумал секунду и достал ещё и шоколадку. Ещё подумал и поцелуй ей всё же сделал воздушным, а не в руку и тем более не в щёчку.

Глава 13

Антон вкратце рассказал в машине Кире историю своего геройства, уже и так тому известную после звонка жены подруге Светке. Однако Кира сам для себя неожиданно – сказывалась то ли постбанкетная похмельная стыдливость, то ли неудобство за своё всегдашнее благополучие, а скорее, и то и другое – заявил:

– И что, Светка тебя не навестила? Вот крыса!

Антон, вспомнивший о некоей Светке только в процессе своего рассказа, резонно возразил:

– Как она навестит-то? У неё и телефона моего нет... У нас не было сцены прощания с продолжением... Не успели.

Тем и ограничились. Кирилл теперь тем более уже не стал рассказывать, что Светка, по словам жены, впечатлилась Антоном и собиралась его навестить, повод-то – ранение – вполне приличный для порядочной женщины. Может, даже сегодня бы и пожаловала с визитом милосердия... Но как теперь сказать-то?! После вопроса-недоумения и тем более «крысы»? Кирыша даже выругался на себя мысленно за своё наигранное участие (не дай бог, Антон «раскусил!»!), целью которого было очевидное мелочное самовыпячивание, поблагодарив друга в конце за то, что Светка ему по фигу.

Заехали по пути в магазин. Кира взял коньяк. Машину во дворе у дома Антона припарковал так, чтобы уже не брать её сегодня – мол, «пить будем много и душевно». И вообще, во всём его поведении Антон улавливал какую-то вину. Поначалу это трогало. Но когда Кира участливо стал пытаться облегчить «раненому» заботу о закуске, то не выдержал постигшего раздражения:

– Что случилось? Чё ты суетишься? Как будто Родину случайно предал... Сядь! Я не инвалид.

Кирыша натужно ухмыльнулся. Сначала чокнулись за благополучный исход. Следом почти сразу – за здоровье. Ну и пошло... Бульканье, чавканье... Разговоры... Сигарета, зажигалка... Всё – как обычно, вроде...

Но Антон так и остался с тем же раздражением, которое всё труднее удерживалось в жёстком волевом плену, растворявшемся этиловым спиртом.

И вот оно... Случилось! То, к чему, как оказалось, всё и шло – мысли, ощущения, эмоции...

В очередной раз возвратившись из туалета, Кира вдруг поменял лицо на пятно. Бледное, невыразительное, бессмысленное. На нём были точки – глаза, шевелящаяся дырка – рот, отростки по бокам – уши... Но это было пятно, а не лицо! Такое же, как там – в горздраве утром – пятнадцать пятен.

Антон даже головой потряс – не помогло. Сходил умылся, утёрся, глянул, вернувшись – пятно. Впрочем, против света смотрел... Щёлкнул выключателем, но искусственный свет не пересилил естественный. Пришлось убеждать себя, что это алкоголь, смешавшийся с наркотическими последствиями. Задумавшись и выстраивая в пьянеющей голове эту единственную версию-объяснение, очнулся только когда тоже пьяный Кира в паническом испуге уже всей пятернёй больно хватал его мясистую кожу на запястье:

– Антон! Антон! Тоха!!! Что с тобой? Очнись!

Малой встряхнулся, поболтал губами, как верблюд. Увидел то, что хотел – лицо, слава богу:

– Всё нормально... Нормалёк... Нагрузило чё-то...

– Отъехал-то куда? Так смотришь... Странно... Страшно даже. Глаза – стеклянные!

И сразу же пьяно шутя – Кира бывает молодцом:

– Остекленел, что ли?!

И обоюдный пьяный... не хохот, конечно, а прерывистый шип и сип из открытых ртов. Но по паре раз всё же хохотнули – разрядились.

Ещё что-то пили из Антонова запаса... Ещё что-то ели из холодильника... Что-то говорили... Курили... Спорили о чём-то...

Детали рассосались и слились в унитаз. Антон не помнил, как и чем всё закончилось. Как Кира вызвал такси. Как ушёл, оставив дверь открытой настежь. Кто и когда её закрыл... Может, сосед, зайдя в открытую и увидев пьяного участкового, диагонально валявшегося на разложенном диване...

Ничего этого Антон утром не помнил. Он помнил только одно – пятно вместо лица.

И можно было бы списать это на пьянку, как во время оной это и делал... Но на протрезвившуюся голову этот успокоительный самообман не работал – сразу проступали пятна из комиссии. Трезвая голова требовала объяснений! Сам их выстроить не мог. И Антон, не особо напрягаясь, позвонил доктору Томасу:

– Привет. Как дела? Что нового? А у меня есть... Да, по нашей теме... Надо поговорить...

Они понимали друг друга уже накоротке. Зачем лишние слова, если есть общая тайна...

– ...Договорились. До связи.

Не знал Антон и новостей из жизни друга... Снова пьяным вернувшийся вечером домой Кира впервые нарвался на истеричный скандал по этому поводу...

Взгляд выглянувшей из кухни Дианы в мгновение пережил многоступенчатую метаморфозу: интерес – разочарование – брезгливость – злоба – обида. Прозвучал впитавший и выплеснувший по порядку сразу все эти эмоции вопрос:

– Это ты в больнице с другом так нажрался?!

Следом пошли шепотливые звуки, из которых торчали заострённые, как иглы, концы «с» и «ц», затухавшие в своём свисте по мере удаления Дианы к окну.

– А машина где?

– Тебе-то что? – искренняя обескураженность Кирилла...

Пока обескураженность... На последней грани беззлобия. И тут же:

– Это моя машина! – со звучным подчёркиванием принадлежности.

И этот детонатор сработал! Взорвалось... Вернее, взорвалась... Диана!

– А здесь, вообще, всё – твоё!!!

Осколками разрыва стали брызги слёз и слюны. Вспышкой – взмах рук. Треском и раскатами разрыва стал истерический крик:

– Здесь ничего моего нет! Здесь даже я сама себе не принадлежу! Тебе!!! Твоя вещь! Что хочешь, то и делаешь! Как хочешь, так и издеваешься! С-ско-т-ци-на-а...

И снова «с» и «ц», но теперь через струи и потоки влаги и прижатую к лицу ладонь.

Кира был не то что в недоумении – он был в прострации. Он стоял, покачиваясь и нежно трогая рукой стену прихожей, и пытался сообразить, что с ним самим от премьеры Дианиной домостроевской истерики стало – он протрезвел или, наоборот, усугубился. Кира не знал, как себя вести... Кинуться утешать любимую? Так он же пьяный, а ей вроде как противно – она-то трезвая. Отвалить аккуратно в сторонку – обидится – наплевать ему, дескать.

Он в задумчивости над дилеммой даже хохотнул неосторожно, вспомнив не к месту весёлую сторону понятия «женская логика».

Заполненное Дианой пространство кресла у окна, невидимое мнущемуся в прихожей Кириллу, мгновенно стало и неслышимым. Он едва успел снять с лица улыбку. Из комнаты выглянула заплаканная, но уже не плачущая Диана:

– Смеёшься, значит? Тебе смешно... Совсем мозги пропил.

Удовлетворившийся её очевидным успокоением, Кирилл бухнулся на стул снимать ботинки.

Скандал в его горячей фазе кончился. Взрыв утих. Муж и жена разошлись по разным комнатам. Он – прилечь, забыв обо всём. Она – присесть, чтобы спокойно всё запомнить.

Часть II

Глава 14

Пустоголовый гопник, убитый по неосторожности Малым в больнице, отсутствием мозга его не удивлял. Очевидный дегенерат, чья деградация стала в перевёрнутом мире признаком биологического прогресса... И даже не парадокс «прогресс – деградация» как таковой занимал голову Антона после памятного разговора с доктором в автомобиле.

Он вспомнил-заинтересовался тем самоубийцей, с которого всё и началось. Тоже ведь был безмозглый, но отнюдь не гопник. Кто же он?

Малой зашёл в отдел полиции навести справки. Якобы по службе – его, дескать, участок, ЧП на участке. Но чтобы узнать как можно больше, вести себя решил неофициально – по-приятельски.

Он не хотел думать о себе как о настоящем исследователе. Убеждал себя в праздности своего интереса, называл его мысленно любопытством, но прекрасно понимал – чувствовал, что в его голове пытается зародиться не уловимая пока в рамки даже не версия, а теория. Её не может не быть при таких-то делах! Она уже зудит и вибрирует. Она требует выхода в ясность.

– Да ничего особенно интересного, – состроив гримасу безразличия и профессионально пытаясь восстановить хоть какой-то крючок, которым покойная личность зацепилась за память, ответил знакомый опер из отдела полиции. – Предприниматель... Купец... Торговал чем-то... Сейчас не вспомню... То ли крупной, то ли туалетной бумагой – не один ли хрен?

– Ну, это официально... А не официально? – Малой сделал ударение на приставке «не» с такой доверительной улыбкой и с таким обезоруживающим взмахом бровей, что опер не мог не улыбнуться в ответ.

– Скажи ещё, что ты должен знать всё, что происходит у тебя на участке...

– Вот именно! Служба есть служба... – участковый ещё и подмигнул, приглашая коллегу на сеанс корпоративного цинизма и повышая тем самым степень доверия до максимальной.

– Ладно... Пошли покурим.

Но ещё когда шли на выход из здания, опер заметил:

– Но интересного, ей-богу, ничего нет. В смысле, криминального...

И когда уже прикурили и уселись под навесом в беседке, продолжил:

– Бюджетные бабки через него перегоняли. Под любой проект – хоть строительный, хоть образовательный, хоть медицинский... Специалист широкого профиля, так сказать... В смысле, контора у него всеядная. Фирма его «консалтинговая». Подставная, чисто. «Стиральная машина». Но всё по уму – по закону. Тендер-шмендер, заявка-шмазаявка, конкурс-шмонкурс, проект, защита, статья финансирования – всё, в общем. Никакого криминала! Даже мелких нарушений нет – незачем. Опасно даже! При перекачивании бабла из бюджета в карманы всегда соблюдается особая щепетильность и уважение к закону. Готовится проект. Утверждается, как положено, депутатами. Выделяются по специальной статье деньги... Всё! Остальное его дело как подрядчика... А он не строитель, не медик, не учитель – он никто. Попка! И он... якобы он... уже потом, после основного договора, заключает договора с реальными деятелями, настоящие хозяева которых – как раз депутаты те самые и люди из администрации. И подряд идёт по вполне приемлемым ценам – никакого завышения! – всё тип-топ, я ж тебе говорю. Прибыль исключительно за счёт объёмов производства. А гарантия их получения – железная! Короче, никакой изобретательности, ничего интересного... Виноватых нет, потому что вины никакой нет – преступления не было.

– А чего ж он тогда застрелился?

– Ты не поверишь!..

У опера в глазах огонь зажёгся, когда он в ответе повернулся лицом на Антона, у которого от этой живости что-то такое манящее даже жилы в груди потянуло: «А говоришь, ничего интересного... Ну!»

– Любовь у мужика, прикинь! Безответная! Или ответная, да не очень. Солидный уже хрен. Небедный. При понтах – ему же тоже неплохо как посреднику при дележе перепадало... А вот, поди ж ты! Порылись мы там в его закромах... Баба его... Вернее, не его... Короче, хрен поймёшь... То любовь у них, то разрыв... И долго так! Много лет. Эта его мадам к нему-то явно равнодушна, но в то же время замужем за другим. Потом опять не замужем – опять с ним... Снова разрыв... И так несколько раз. Мы её нашли. Понаблюдали за ней – в открытую ж не будешь подъезжать – скажет: какое имеете право? Я замужем (а она, в натуре, замужем), мало ли что у меня с покойным когда-то было?! Идите на... И будет права. Баба красивая! Ну и замучила мужика... Депрессняк поймал, да и застрелился. Так, а что? Работа – хрен поймёшь – как у «шестёрки»: тебе говорят – ты делаешь. Гордость же должна быть у человека. Любимая женщина – та же история: то ли она твоя, то ли она чужая – непонятно. Сломался. Надоело.

– А ствол?

– Чистый. Пробили его по базе – ничего на нём нет... Где купил, как? Нашёл, типа! В лесу... – опер привычно и мрачно пошутил. – Теперь уже не узнаешь. Вещдок самоубийства. Дело закрыто. А что, нужен ствол?

– Нет-нет... Информация нужна.

– А всё, нет больше информации.

Малой поблагодарил и распрощался.

Что узнал? Как будто ничего особенного. Вроде как неинтересно – обыденно... Это как посмотреть! Нечасто взрослые, опытные люди от несчастной любви стреляются... Не только от неё, конечно – тут у него всё в кучу, «в натуре, депрессняк» – но и от неё в том числе!

А что эта информация даёт? Только то, что в любви мозги – не главное. Много это или мало? А чёрт знает! Впрочем, почему?! Дядька-то уже взрослый давно был – не только он сам, а и гормоны его помудрели... Интересно, а если бы у него мозг был-таки, стал бы он себя убивать? И всегда ли только безмозглые себя убивают? Не-ет, не может быть!

И Малой почему-то сразу вспомнил Маяковского. Вернее, тот был первый, кто пришёл ему на ум. Тоже ведь и женщина была, и нелады с самим собой в своём деле. Но мозги-то у Маяковского были!!!

Однако разве можно сравнивать! Маяковский был поэтом. Слова и предложения моделировал. Красоту делал... Не всегда понятную... И не всем... Но цель имел такую! А этот? Предприниматель... Барыга! Деньги – его цель. Ему было даже не важно, чем заниматься, лишь бы бабло шуршало.

«Так, стоп!!! – замер Малой. – Маяковский же не в голову выстрелил! Он сердце пулей пробил. А

почему? Интересно... Знал, может, что-то про себя? Да нет – бред это. Что он мог знать? Но в голову-то ему после смерти никто не смотрел. А если он сам не хотел, чтобы смотрели? Нет, серьёзно! Это же стереотипно – убить себя в голову. Я ведь тоже вот не сразу вспомнил, что он не в голову стрелял...»

Рассуждая таким образом, Малой прервался на телефонный звонок. Незнакомый номер...

– Да.

То ли детский, то ли женский, но в любом случае идиотский голос – явно ненастоящий:

– Антон Малой, вы получили письмо? – фамилия была произнесена правильно.

И сразу же, словно подбадривая себя, незнакомец непонятного пола и возраста произнёс эту же фразу в утвердительной форме:

– Вы получили письмо...

– Ка-кое письмо? – успев растеряться от неожиданности, ставшей таковой в дальнем углу ожидания, быстро мчась по сериальным фрагментам памяти и беря себя в руки, ответил вопросом Малой.

– Бросьте кривляться, – голос нервничал-таки, судя по торопливости. – Это мы вам писали... – с ударением на «мы», из чего Малой смог предположить, что звонит одиночка. – Слушайте, Антон Малой... – опять полное обращение, как не принято, имя-фамилия, наверное, специально для отвлекающей, искусственной особой приметы. – ...Сохранение в тайне произошедшего в туалете травматологического отделения будет стоить сто тысяч долларов. Срок – неделя. Куда и как – сообщим. Повторять не буду. Затянете – факт станет известен. И уж точно не полиции.

– Послушайте! Сто тысяч долларов – несуразная цифра. Откуда?!

Он остановил свой эмоциональный трёп – толку-то говорить в пустое пространство. И тут же выделил первое обнадёживающее противоречие: «мы писали», но в конце «повторять не буду». Точно одиночка! Уже хорошо. Чем это лучше, додумывать не стал – другими соображениями увлёкся:

«Та-ак... Номер абонента – вот он. Ничего примечательного. Симка-то, поди, уже в мусорную урну полетела... А почему в урну? С улицы разговор шёл – гул был слышен, машины... Та-ак... Ну в любом случае начинать надо с телефонистов... Рано я из отдела ушёл. Придётся возвращаться... Плохая примета, чёрт!»

Антон вдруг поймал себя на том, что про «плохую примету» он подумал не отвлечённо по тысячеклеточной традиции мракобесия, а совершенно серьёзно – испуганно, словно бы раньше не раз убеждался в справедливости правила не возвращаться.

Упрекнул себя в мнительности. Но по приходу обратно в отдел удивил дежурного не только своим возвращением, но и просьбой посмотреть в зеркало в дежурке.

Снова оказавшись в отделе полиции – теперь по другому поводу – Малой очень быстро начал себя костерить за глупость: «Какого чёрта я сюда, дурак, за помощью попёрся?! Нашёл, где помощь искать – в ментовке!»

И действительно, вполне прогнозируемая реакция его знакомых и даже приятелей (друзей у него там не было, то ли потому, что там дружба в принципе невозможна из-за людоедской сути организации, то ли потому, что Малой и сам с трудом сдружился с кем-либо) выражалась в выкатывании насколько это возможно глаз из орбит и вопроса-недоумения «Как это можно без санкции-то?!». Служивые могли не только незаконные действия, но и законные – профессионально обязательные даже! – свои действия делать строго по приказу, а не по служебной обязанности. Но среди тех, кто приказывает, у участкового были даже не приятели... Да и знакомые только наполовину – он их и о них знал, а они о нём – совсем необязательно. Впрочем...

Прежде чем Антон окончательно убедился в своей суетливой ошибке и начал её исправлять, уйдя из отдела для самостоятельного расследования в незаконном режиме, его успели вызвать к начальнику.

– В чём дело, господин участковый инспектор? – полковник с пропечённым в солярии лицом, напоминавшим жареный пельмень, сразу обозначил служебные позиции.

Вытягивать руки по швам Малой, одетый в «гражданку», не стал, но и демонстративно «борзеть» – тоже. Хотя хотелось... Ох как хотелось! Так, как никогда раньше – до удивления. Но захватил интерес: Антону вдруг представилось, что у полковника лицо не пельмень, а пятно.

– Вы о чём коллег просите? О проведении следственно-оперативных мероприятий. Так?

Малой кивнул – вилить или тем более отказываться смысла не было – полковник сам бывший опер.

– Ну а почему в таком неофициальном порядке-то? Потерпевший есть? Заявление есть? – Малой потряс головой – не про себя же рассказывать! – Ну дак, а в чём же дело тогда?!

Даже если возмущался полковник театрально, являя миру – и себе как его части! – представление

максимальной законопослушности, то делал это до такой степени убедительно, что это его «ну дак!» звучало, как будто с «м» в начале.

Затем начальник отдела рассыпался пятиминутной лекцией из области воспитательной работы с личным составом, в конце которой подошёл к Малому вплотную, склонился к его уху и прошептал:

– Сам, Антоша, сам... И тихо... А как раскрутишь дело, тогда и докладывай – победителей не судят... Мало того, ещё и незаконные действия помогают узаконить...

И сразу же, сделав шаг назад, в голос... Командирский:

– Идите пока. Почитайте ещё раз закон «О полиции»... Пусть он вообще у вас станет настольной книгой. Это будет вам напоминать обязанности и, главное, права участкового уполномоченного. Свободны.

И характерный жест-отмашка рукой: «Пшёл вон». Хотя... После искреннего шёпота, скорее всё-таки, менее пренебрежительно: «Вали отсюда».

Выходя из кабинета в приёмную, Малой подумал, что полковник стал для него Полковником, который своими беззвучными словами почти стёр из воображения, как тряпкой с доски, пятно-блин, вертикально стоявший на бюсте-подставке с золотыми погонами. А финальный во встрече жест смахнул и развеял все осыпавшиеся остатки-пылинки этого нечеловеческого образа, оголив-таки под пельменем ещё и человеческое лицо.

– Ну сам, так сам! – сказал он вслух, когда за ним закрылась входная дверь в отдел. – Сразу было ясно.

Взгляд в студенческую юность – Антон

– Здравствуйте, Антон, – услышал он как-то в коридоре уверенно-правильный голос за спиной и повернулся с вопросом на лице.

Перед ним стоял в дешёвой пиджачной паре и отработанно оптимистично улыбался университетский активист из числа студентов. Иван Петрович Сидоров. Ни больше ни меньше. Именно так в паспорте. Именно так в студенческих разговорах. Иногда просто одно слово – «активист». Точнее, конечно, было бы «карьерист», ибо туповат и учение подменяет общественной незаменимостью, но в «карьеристе» все было бы слишком прямолинейно, без изящества. «Активист» был приятней для ушей эстетствующих во всём молодых людей – студентов университета. Так вот это Активист его окликнул. Антон кивком ответил на приветствие и сохранил вопрос на лице: чем могу, дескать?

– У меня к вам, разговор, Антон. Важный. Даже не просто разговор. Предложение. Серьёзное.

– Слушаю вас, Иван Петрович.

– Может, мы не здесь пообщаемся? Может, к нам в штаб пройдем? Там удобнее будет.

«Кому?» – подумал Антон и согласился.

В штабной комнате Активист, сняв пиджак и повесив его на высокую спинку директорского кресла, привычно удобно уселся за свой начальственный стол и жестом функционера пригласил Малого садиться на один из приставленных к совещательному закруглению стульев.

– Вот о чём я хотел бы с вами поговорить, Антон... э-э, как по отчеству?

– Можно просто Антон.

– Так вот, Антон... Мы в штабе всегда находимся, так сказать, в гуще событий. Держим руку на пульсе общественной жизни университета, – Активист завел свою дежурную предварительную «бодягу». – А как же? Мы должны точно знать, чем живёт и дышит, так сказать, студенческая среда. Мы как активисты обязаны рулить и направлять вектор общественных настроений в нужное русло. Мы должны консолидировать здоровые силы студенчества вокруг себя, сеять позитивный настрой и патриотический энтузиазм. Согласитесь, Антон, что учёба для самой прогрессивной цели всегда продуктивнее, чем безотносительная учёба. Учёба ради учёбы. Мы подсказываем молодым людям самую благородную цель их занятий – служение отчизне...

Антон потянуло в сон, но он крепился. Иван Петрович Сидоров – демагог, конечно, и надо сказать, начинающий пока демагог. Что называется, без огонька. Убаюкивает больше, чем на подвиги массы сподвигает. Но он уже подающий большие надежды – фигура официально влиятельная, несмотря на свою сатиричность. Поэтому надо держаться. Хотя Антон уже догадался, о чём пойдёт главная речь. Он не просто бодрился – он уже обдумывал свой ответ.

– ...Вы согласны со мной, Антон?

– Вполне.

– Так вот... Сама жизнь заставила нас, так сказать, ха-ха, присмотреться к вам, Антон, повнимательнее. Вы – лучший студент на выпускном курсе. Вы уже даже ведете научную работу. Вы заслужили

большой авторитет среди не только товарищей, но и преподавателей. Они прямо в восхищении от ваших способностей, скажу вам откровенно. Одним словом, вы нам подходите.

– В каком смысле? – Малой специально «включил дурака», чтобы не раздражать общественно-деятельное начальство своей пронизательностью.

– Я предлагаю вам работу в нашем штабе. Сразу оговорюсь – в наше время это очень важно и это нормально – деятельность в рамках нашей общественной организации самым благотворным образом отразится на вашей дальнейшей карьере. И, вероятно, не только в стенах альма-матер, но и дальше по жизни, так сказать. Насколько мне известно, у вас нет серьёзных «толкачей» в жизни. Вы ведь вдвоём с мамой живёте и высокопоставленных родственников у вас нет. Правильно?

Активист недвусмысленно смотрел на Малого. Он даже не пытался прикрыть цинизм в глазах.

– Да. Всё верно. Она у меня одна... И я у неё один.

– Ну вот видите. Значит, положенная мне информация верна. Не зря, так сказать, мои штабные свой хлеб едят. Ха-ха-ха.

– А что я должен делать?

– Ну пока давайте просто присмотримся друг к другу. Притрёмся, так сказать, ха-ха. Походите на наши заседания. Послушайте наши решения. Вникните в наши методы. Может, вы сами для себя решите вначале, что для вас наиболее интересно. У нас ведь работа не из-под палки. Человеку должно быть по-настоящему интересно то, что он делает. Тогда и отдача будет максимальная. Вы согласны со мной, Антон?

– Вполне.

Антон потом с усмешкой представлял себя в роли студенческого активиста и даже почему-то с повязкой на руке. Стать новым хуньвэйбином ему казалось не просто стыдным, но и смешным. Если над ним как над «ботаником» поначалу смеялись вырвавшиеся во взрослую, мало контролируемую родителями, жизнь другие студенты, то со временем его безусловные успехи заставили их примолкнуть в уважении к его незаурядным способностям. Но общественная деятельность, бессмысленность, глупость и комизм которой держались на самой вершине кретинизма, ничего кроме реально-общественного «фи» не вызывала.

С другой стороны... Нельзя в этой дурацкой псевдоактивности видеть одну только сатиричность. Влиятельность-то туповатого в учёбе и умело циничного в жизни «активиста» видели и осознавали все. И никто не мог открыто и высокомерно рассмеяться ему в лицо. Боялись. Все боялись! Даже преподаватели! Поэтому терпели его и тянули по всем учебным дисциплинам. Значит, в его бессмысленной деятельности был-таки некий смысл. Уж он-то точно не затеряется после получения диплома, который нужен «активисту» исключительно для анкеты. Он-то ведь себя и дальше видит в роли общественного деятеля. Политика! Руководителя какой-нибудь партии! Депутата! Кандидата! И протчая, протчая, протчая... Поэтому он тоже согласен терпеть общественное университетское презрение. И терпение его держится и крепится простой, известной фундаментальной формулой: «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним».

А что? В этом точно есть смысл. Антон понял, что не станет пренебрегать «активистом». Более того, он живо вольётся в эту «общественную деятельность». Он разовьёт не просто активность – он поставит её на новую организационную основу. Он сделает так, что реально-общественное «фи» в его адрес просто не успеет родиться. Вместо него появится если не уважение, то страх. Который, впрочем, тоже включает в себя уважение пусть и другого, животного, свойства. А он, Антон Малой, заменит самого главного активиста. Да. Так и только так! Если уж выхода нет и надо что-то делать, то делать это «что-то» надо по полной программе и на максимально возможном уровне. Чтобы окружающие в восхищении снимали шляпы. Главное в этой работе – это демонстративная убежденность и твёрдость во взгляде. Тогда окружающие и думать не смогут о предполагаемом его цинизме. Вернее не так... Цинизм-то ведь никуда не денется. Но при нужном антураже «дурак его не заметит, а умный про него не скажет».

Очень скоро Малого познакомили со штабным куратором... вернее, Куратором. Да, именно так. С большой буквы! В его облике явственно проглядывалась старая службистская выправка. Он умел приветливо улыбаться, и от его улыбки собеседник одновременно потел и мёрз. Куратору понравилась активность и инициатива молодого человека, взалкавшего порядка в стенах альма-матер. Юноша ведь всей своей сутью служил живым примером для оболтусов и ряженных куриц, в силу возраста неправильно ещё понимавших, что такое настоящая свобода. Свобода быть полезным Отечеству (с большой буквы, разумеется!). Не всё в высказываниях энтузиаста бесспорно, конечно, но общая направленность, вектор инициатив – верный. Надо только молодому человеку теперь чаще встречаться с Куратором. И не только в штабе активистов из числа студентов университета, а и лично, в неформальной, тэсээть, обстановке. В парках, к примеру, скверах. А что? Прогулки на свежем воздухе располагают к размышлениям о жизни,

о мироустройстве, о своей роли, об обязанностях и связанных с ними правах. А для начала надо бы ввести в действие прозвучавшее предложение товарища Малого об организации студенческой дружины. Добровольной, конечно же! Причем дружины общеуниверситетской... Конечно, конечно! Зачем замыкаться в рамках только одного курса? Ведь надо дружиной охватить всё студенчество. Пусть она будет организована по хорошо известному и отработанному принципу, суть которого проста... Ах! Товарищ Малой знает суть этого принципа. Ну что ж? Тем лучше. Надо только продумать механизм поощрения наиболее активных, деятельных и продуктивных дружинников. Надо, чтобы они были не только примером для других, менее сознательных своих товарищей, но пусть они станут и объектом зависти. Да-да, а как же?! Надо чётко показать, что государство любит тех, кто любит его и не жалеет времени и сил для его благополучия и процветания. Кстати!.. Надо бы решить вопрос с особыми приметам... в смысле, признаками дружинников. Наверное, не надо изобретать велосипед, а надо вернуться к старому, испытанному приему – к нарукавным повязкам (кто бы мог подумать?!) с соответствующей аббревиатурой. Товарищ Малой согласен? Ну и чудно! Пусть готовит организационный проект. Кадры... Полномочия там... Права, обязанности. Надо будет его обсудить, внести коррективы... Ну и... Товарищ Малой должен быть готов возглавить студенческую дружину... Так её и назвать, наверное: ДСД – добровольная студенческая дружина. Нет! Не надо с заглавной буквы. В простом, рабочем режиме... Без лишнего пафоса.

– Я вот о чём хотел бы с вами поговорить, уважаемый Антон, – во время очередной регулярной «планёрной» прогулки спокойно заговорил Куратор. – Ваши успехи в руководстве ДСД заметны и бесспорны. И не в статистике дело. Хотя и она говорит о многом: повысилась дисциплина студентов, как следствие, улучшились показатели успеваемости, в правильном направлении растёт общественная активность молодежи. Это всё хорошо. Но это можно считать закономерными начальными успехами организации, обусловленными во многом эффектом новизны. Я бы сказал, даже неожиданности для общей массы учащихся, привыкших к так называемой «студенческой вольнице». Когда молодежь в её безответственности ограничивают преподаватели – это одно. И совсем другое, когда она испытывает контроль за собой со стороны своих товарищей. Для неё это неожиданный и даже пугающий фактор. Согласны со мной?

– Да, – ещё бы Малой был не согласен! Тем более что это так и есть.

– Но... – Куратор остановил свой неторопливо уверенный шаг и резко повернулся лицом к подшефному собеседнику. – Со временем... Причем довольно коротким временем! Студенты привыкнут и освоятся в новых для них условиях. На то они и студенты – передовая, тэсээть, часть нашей славной молодёжи. Самая грамотная и мыслящая её часть. А человек, ведь, такая скотина, которая ко всему привыкает и приспосабливается. Прямо как клопы и тараканы, честное слово. Согласны со мной?

– Да.

– А раз они привыкнут и научатся жить в новых условиях, то обязательно появятся неформальные, тэсээть, лидеры или просто демагоги-ловцы некрепких человеческих душ. Это закон. Они всегда есть, какие бы благие цели ни ставились перед обществом. Заметьте, благие эти цели не для тех, кто их ставит, а для самого этого общества, не до конца способного понять, в чём его благодать! В нашем случае – студенческого общества. Всегда найдётся некто, кто станет подобно шавке на слона лаять. И ладно бы, если бы этот лай был конструктивной критикой. То есть, отвергая, предлагал бы свои методы по достижению нашей общей благородной цели. Не-ет!!! Они, эти злопыхатели, будут целенаправленно выискивать возможные, а чаще даже надуманные, минусы в любой передовой общественной инициативе. И ладно бы, коли так. Не одно масштабное дело без организационных и функциональных издержек не обходится. Все эти «кухонные разговоры» были бы нам, как у вас говорится, «по фигу», ведь собака лает, а караван идет. Но!.. Я не зря сказал, что студенческая, академическая университетская среда – это не простая серая масса тупых и убогих людишек, для которых за счастье иметь тряпку с брендом, японскую машину и путёвку на банановый остров летом. Не-ет, чёрт возьми! Это в большинстве своём эрудированная и высокоинтеллектуальная среда молодых и непуганых ещё людей, умеющих думать и анализировать происходящее вокруг них. Чтоб им!..

Куратор так разнервничался от собственных слов, что закончил вступление в основную, наставительную часть «планёрки» вполне искренне. Ему пришлось даже немного помолчать, чтобы успокоиться. Они, словно отец с сыном, неспешным шагом прошли мимо обледеневших скамеек тихого сквера.

– Так вот... – опять остановившись, повернувшись и растянув рот (только рот и ничего более!) в своей фирменной улыбке, снова спокойно заговорил Куратор. – Мы должны всё знать не только о настроениях, царящих в студенческих головах. Мы должны точно знать о возможных грядущих изменениях в векторе этих настроений. Мы должны точно знать направление этого вектора. И, что особенно важно, мы должны

всё знать о тех, кто в принципе способен задавать какие-либо направления этому вектору. Мы просто обязаны знать всех властителей человеческих дум в курируемой среде. Мало этого, мы должны влиять на них нужным для общего дела образом. Согласны со мной?

Малой судорожным кивком головы и выражением подобострастных глаз показал, что он не просто согласен – он согласен всецело! Но наигранное подобострастие тут же сменилось искренним испугом, потому что губы Куратора опять стянулись и сузились, глаза даже не остекленели и не стали холодно-змеиными – они стали металлическими, а голос – хоть и оставался тихим, но оглушающе вибрировал в самом мозгу Малого.

– Тогда, мой юный друг, не надо поручать своей личной гвардии вести за мной слежку. Ограничьтесь, к вящему нашему удовольствию, сбором данных в рамках оговорённых нами пределах. Иначе я тебе, сука, хребет сломаю. Идея твоя с личной гвардией, конечно, хорошая. Но она настолько логична, что очевидна. Так вот и используй её строго по делу. Всё!

Куратор поймал под руку начавшего терять равновесие подчинённого, интуитивно понявшего свой перебор и осознавшего крах ещё и не начавшейся карьеры, встряхнул его и с улыбкой развернул в обратную сторону.

Когда Малой ушёл чуть ли не приставными шажками обессиленных ног, Куратор сразу же, пока не забыл-не закрутился, взял мобильный телефон и послал пустую СМС на номер своего самого доверенного сексота из числа студентов. Это служило вызовом на встречу. Тайную, агентурную встречу.

Глава 15

Окинув взглядом улицу, чтобы избавиться от мешающих теперь свежих впечатлений, Малой двинулся в офис телефонной компании.

На улице словно бы стало теплее. Солнце пыталось развеселить своими лучами скукоженных прохожих, привыкших смотреть только себе под ноги и не привыкших улыбаться. Получалось у Солнца плохо.

Только в одной встречной компании лица внимательно слушавших своего приятеля людей были растянuty в соответствующую, предвосхищающую веселье, гримасу, тотчас же сменившуюся открытыми в ржачке ртами, почти одновременно опрокинутыми вверх в злом, как будто натужном смехе. Видно, анекдот был... Похабный! Или социальный – только они вызывают такой злобный смех.

Малой же чувствовал некий оптимистичный подъём. Настроение – отличное! Мент-полковник выдал карт-бланш. Шёпотом! Прослушки опасается. Именно поэтому над анекдотами из жизни смех может быть только злым. С ненавистью к такой жизни и с обречённостью. Причём не важно, в каком социальном слое прозвучал социальный анекдот – смех всегда злой. Злобный! Мент «пасёт» беспогонных граждан. Но на его золотые погоны всегда найдутся погоны поярче, которые «пасут» его самого. Логично было бы подумать, что у этих окончательных – крайних – погон жизнь в таком её виде не должна вызывать злбу. Они же крайние сверху! Они же её – жизнь такую – и блюдут. Фиг там! И эти тоже ржут над анекдотами не радостно, а злобно. И обречённо! Как все.

Однако вот нужная дверь. Участковый уполномоченный снова вернул сознание на службу – теперь незаконную, – а потому стал вдвойне строже. Даже «ксиву» переложил в карман поближе.

– Здравствуйте, – корку в нос, чтоб разглядели погоны, но не успели прочитать должность. – Мне нужен ваш начальник. И побыстрее, пожалуйста.

Вышел некто мужского пола, молодой, с внешностью и распечатанным на лбу мироощущением менеджера.

– Здравствуйте, – коротко корку в нос. – Меня интересуют личные данные абонента вот этого номера.

– Простите, а в какой связи?

Малой удовлетворился обеспокоенным взглядом старшего менеджера и заинтересованными взглядами клерков в глупой униформе – только клерков, клиентов не было, а иначе пришлось бы Малому вести себя не так нагло – мало ли кто тут клиент... А теперь же, не мигая и глядя прямо в глаза, пугая ещё сильнее – а куда деваться? – негромко произнёс:

– Пройдёмте к вам в кабинет. Там и поговорим.

Через несколько минут из зала была вызвана кассир-оператор, работавшая в нужный Малому день, и он, оставленный в кабинете начальника с ней наедине, подверг её немилосердному, погружающему в истерику допросу. Переживаемый беднягой девчонкой стресс заставил её вспомнить некую старуху. Она смогла даже её описать. Впрочем, без особых примет. Антон примерно такого и ждал. Не записал, а запомнил паспортные данные старухи и двинулся по её адресу, оставив связистам массу впечатлений и

поводов для разговора, которые им поведает коллега и о которых будет молчать их шеф. Что ж... Пусть посплетничают – хоть какое-то разнообразие в их унылой офисной жизни.

Глава 16

В подозреваемую квартиру соваться без разведки было нечего. Можно было бы наблюдать за подъездом, не прячась, но Малой был интуитивно уверен, что следить надо секретно. Он даже мог сам себе объяснить причину этой, сродни чувственной, уверенности – ему предвкусалось (а может, хотелось?) увидеть здесь знакомую личность.

Однако не на травке же лежать с биноклем в зарослях кустарника! Неплохо бы, конечно – ведь дозор продлится неизвестно сколько... Но вот именно поэтому вопрос о непривлечении внимания к себе самому стал главным.

Изнутри это был двор как двор – газоны, проезды-проходы, машины, детская площадка с песочницей, бабули-мамаши с карапузами. Ну и лавочки, конечно же... Но они как место дислокации отметались сразу.

Антон вышел со двора и отправился по его периметру с внешней стороны домов. Кафе... Кафешка... Кафетерий. То, что нужно!

– Здравьете.

Продавщица... Нет, пожалуй, буфетчица вполне приветливо ответила и сама спросила, что ему угодно.

– У вас летняя площадка работает?

Она удивилась:

– Да... Но сейчас же не сезон.

Антон сделался безапелляционно наглым:

– Сезон, сезон! Вытаскивайте столы-стулья из подсобки и расставляйте...

– Но...

– ...И не там, где обычно – не на улице, а во дворе.

Буфетчица, начиная уже привычно ориентироваться в своём многотрудном жизненном опыте, по инерции всегдашнего протеста успела всё-таки спросить-воскликнуть:

– Да с какой стати-то?!

Сразу же её взгляд упёрся в ограничитель любого протеста в виде полицейской корки с форменным портретом уполномоченного наглеца.

– Н-но... Это надо не со мной решать...

– А с кем? Зовите!

– С директором... Н-но его нет.

– Значит, вы сейчас здесь главная. С вами и решили. Действуйте!

Она позвала с кухни повариху, и они вместе зашевелились, забросив стряпню-торговлю и бормоча, что тоже, мол, мужик называется – стоит и смотрит куда-то во двор, а бабы столы-стулья вытаскивают, ящики-коробки затаскивают, вениками-тряпками машут, наводя приличествующую заведению чистоту. Хорошо хоть зонтики тут вставлять некуда, а то и их бы пришлось тягать-ставить... А если дождь? Где и как потом мебель сушить? Директор убьёт! Надо ему позвонить...

Тот узнав, что в его отсутствие хозяйством распоряжаются не просто посторонние, а менты, сказался срочно занятым по налоговым вопросам и поручил буфетчице самой «разруливать напруг с ментами». И чтобы всё было тип-топ. И с ментами, и с мебелью! «Иначе... Ты поняла!»

А у прилавка уже люди скопились. Нервничают. Обеденный перерыв проходит. А в этой всегда приветливой лавчонке-забегаловке что-то непонятное происходит... И Валя (Зина-Клава) нервная какая-то... И завсегдатаи, гаранты ежедневной выручки, разворачиваются уже и уходят в направлении ближайших конкурентов. А Валя (Зина-Клава) с навсегда испорченным настроением и подругой по перекурам – поварихой окончательно утверждают в мысли, что «все менты – козлы».

Антон, однако, смягчил женскую эмоцию, неожиданно и великодушно расплатившись за кофе. Но тут же её снова утвердил, забрав со стола буфетчицы газету с кроссвордами.

Сидеть пришлось долго. Уже и кофе – даже дармовой, в конце концов не помогал. Антон начал зябнуть. Терпел. И дотерпел-таки!

В подъезд зашёл за отделением – Томас.

– Ах ты, с-с-с...

Прерывисто от дрожи просвистел сам себе сексот. Поднялся и на нетвёрдых, задубевших ногах вошёл в кафетерий, чтобы выйти через парадный вход и найти машину злодея, который тоже – понятное дело – прятался и поэтому не въехал на ней во двор.

Машина стояла недалеко. Антон, не задумываясь, злобно качнул её, спровоцировав сигнализацию. Спрятался за дерево. Повторил, когда тревогу отключили из окна. Потом опять. И так ещё три раза, пока наконец не вышел к машине взволнованный – то, что нужно! – доктор. И как только он разблокировал двери, Малой выскочил из укрытия и, обхватив его, чтоб руками не дёргал, впихнул-вкинул на водительское сиденье, а сам прыгнул на заднее.

Док, хотя и успел увидеть Малого, но усилившееся новым недоумением волнение не позволяло ему сконцентрироваться и что-то предпринять в свою защиту. В итоге он был сзади за шею прижат к подголовнику сиденья и дёргаться мог только руками-ногами.

– Тихо, тихо, док. Заводи, поехали.

– Куд-куда? – прокудахтал натужно Томас спёртым голосом.

– А без разницы. Будешь меня катать, пока всё не расскажешь.

– Ш-што всё? – теперь док шипел.

– Вообще всё! И не вздумай дёргаться. Не забывай, кто я... Я как раз на службе... Провожу следственно-оперативные мероприятия...

– Как-какие, на хер, мероприятия?! – приходя в себя и меняя растерянность на злость, «закакал» доктор теперь уже вполне по-мужски.

– По выявлению преступника! Поехали!!!

Слегка ослабив захват, Малой дал Томасу возможность тронуть машину с места и выехать на дорогу. Помолчали.

– Ну!

– Что ну? Ты с ума сошёл!

– Рассказывай, сука!

– Да что рассказывать-то?!

– Не станешь по-хорошему – станешь по-плохому, – приговорил друга по ментовской инерции Малой с противным чувством несогласия с самим собой, когда ещё только на уровне бездоказательных, интуитивных ощущений становится понятно, что всё это зря.

Профессиональная же привычка утверждала, что самое время пригрозить шантажисту так, чтобы он понял вдвойне незаконный трагизм своего положения, когда не только он – преступник, но и объект его вымогательства начал действовать против него сам по себе, безо всяких глупостей вроде Уголовно-процессуального кодекса, а потому ни перед чем не остановится. Однако Антон опасался «кипежа» с его стороны в этом случае и потому терпеливо решил играть роль законника:

– Ты понимаешь, док, что под статью залетел? Это срок, док! Это крах всей твоей жизни! Рассказывай всё. Только чистосердечное признание может тебе помочь.

– За что срок?! Преступление-то в чём? Что ты несёшь? Или теперь что, любовница – тоже уже преступление? Дожили...

– Не вилай, док, ты понимаешь, что встрял...

Последнюю фразу Малой произносил, уже поймав за хвост возможную разгадку своих внутренних неладов, но показывать своего наступающего понимания ещё не собирался.

– Какая любовница? Кто?

– Да в чём дело в конце концов?!

– Я задал вопрос.

– Н-ну, ладно... Только между нами, Антон, по-мужски... Лады?

– Колись, док! Не тяни кота за яйца...

Тот остановил машину у бордюра, словно для набора решимости, но заговорил до банальности обыденно:

– Да ничего особенного... Господи! С медсестричкой у меня шашни. Роман!.. Она это так называет... Хочется ей романтики... – Пауза. – Ты-то тут при чём?

Док, очевидно, начал строить свои догадки в том же романтическом направлении – неправильные догадки:

– У тебя на неё виды, что ли? Бат-тюшки! Я ж не знал! Да и лямур у нас до тебя начался... Так что извиняй... Коли так-то...

В одном своём соображении доктор был, безусловно, прав – в том, что Антон действовал сейчас самостоятельно. Томас даже откровенно и нагло – пугающе! – расслабился под рукой участкового.

Хотя... Почему пугающе? Его, доктора, зато теперь в возможной панике с привлечением посторонних, настоящих ментов на службе, можно не опасаться...

Но и смягчать свой «наезд» сразу нельзя было – вдруг Томас «включил дурака»... Довольно умело, надо сказать, включил и сейчас «стрелки переводит». Молчание, однако, затянулось. Да и стоять тут нельзя было. Доктор молча и медленно опять поехал.

– Так это ты к ней, значит, приехал?

– Не к ней, а на квартиру... Снял я квартиру...

Герой-любовник удивлённо посмотрел в зеркало заднего вида. Мгновенное его прозрение стало затуманиваться новыми вопросами: за кем следил Малой, за ней или за ним? А если за ним, то с чего вдруг?

– А она там?

– Нет! – доктор отреагировал так быстро, что для Антона звук ответа брякнул ложью, словно в пустом ведре. – Слушай, Антон... Давай, ты успокойся... Нет её там, правду тебе говорю... Это не её дом... А где её, я даже и не знаю – незачем мне... Она говорила, что с родителями живёт... Я бы туда в любом случае не пошёл бы... Ну что мне, с родителями знакомиться, что ли?!

Соблазнитель чуть было не добавил в сердцах «На... они мне нужны!», но сдержался, дабы личную трагедию несчастного влюблённого не усугублять своим несерьёзным к ней отношением. Антон между тем отметил, что они всё больше отдаляются от заветного двора. Мало этого, оклемавшийся от внезапности доктор, по виду сначала принимавший его за психа, уже перестроился из правого ряда в центральный и ехал теперь вполне себе уверенно.

– А на фига вам квартира? Работы, что ли, не хватает?

Он всё-таки отпустил доктора совсем – не хватало ещё вляпаться куда-нибудь.

– Ну, Антон... Девушка же... Это для умудрённой замужней какой-нибудь – трижды уже замужней! – встречи на стороне романтичны. Служебный роман, то да сё. Дежурство, новая недомашняя обстановка, острота, адреналинчик – вот её романтика, которая усиливает-украшает желание... Когда скрип старого домашнего дивана вызывает только мысли о покупке новой мебели... А это! Девушка же совсем! Для неё романтика пока ещё – это свой дом, в смысле, без родителей... Свой муж... То да сё... Ну, я и согласился квартиру снять... Не покупать же ей!..

На последней фразе, неосторожно и цинично вырвавшейся-таки из контролируемого плена риторики, Томас осёкся и замолчал.

– А кто хозяин этой хаты?

– Да бабка какая-то... Я толком и не знаю... А зачем тебе?

Малой снова уверенно завёл руку за шею водителя, давая понять, что тот рано расслабился. Машина опасно вильнула.

– Да это не я договаривался! – заголосил испугавшийся доктор. – Это она! Я только деньги даю.

– А не боишься переплатить?

Молчание. Непонятно было, от чего: то ли от угаданного червячка в мозгу доктора, то ли от его не предполагавшегося ранее наличия. Антон надавил посильнее... Не рукой – вопросом:

– Или девка такая сладкая, что о деньгах даже думать не хочется?

– Это нетактичный вопрос, – только и придумал, что сказать на это доктор, будучи снова испуганным и максимально осторожным в высказываниях насчёт дамы.

– Ладно. Расслабься, док. Во сколько у вас стрелка?

– С кем?

– С любовницей! С кем... Свидание когда?

– Антон, перестань! – джентльменская решительность была озвучена весьма истерично. – Я тебя прошу...

– О чём?

– ...Она здесь не при чём! – вторым и главным смыслом этого возгласа было «Я здесь не при чём!».

– Успокойся, док. Раз ты приехал, значит, и она придёт. Поворачивай обратно, вези меня назад. И тогда всё – можешь быть свободен. Ты мне больше сегодня не понадобишься.

– Нет! – Томас опять справился с волнением.

– Что значит нет?

– Нет! Не поедешь ты туда...

– Ах ты!..

Антон снова попробовал придушить доктора, но теперь тот стал откровенно сопротивляться. Завозились. Водитель вертелся, пытаясь выскользнуть-вырваться, изгибался и упирался – то в педаль газа, то в педаль тормоза. Машина с коробкой-автоматом дёргалась и виляла недолго. Резко припустив и забрав влево, она правым крылом вскользь прошла по впереди идущему бамперу, врезалась в отбойник, разделявший встречные полосы и остаточным заносом развернулась под небольшим углом почти против движения – так, что лобовая и левая боковая, водительская, сторона стали встречными для идущих сзади машин.

Последнее, что, перед тем как выскочить, видел Малой – это был тяжёлый грузовик с многометровым капотом впереди кабины. Последнее, что он слышал, когда уже выпрыгнул подальше от дороги и поближе к бордюру на разделительной полосе, – это был предсмертный резиновый визг резко и однозвучно смятой, словно фольга с растаявшей шоколадкой, машины доктора, протаскиваемой ещё с полсотни метров людоедскими колёсами дизельного монстра.

Когда всё закончилось и стихло, Антон обнаружил себя сидящим на асфальте с отсутствием каких бы то ни было признаков каких бы то ни было травм. Вообще ничего! «В рубашке родился...» Одна неприятность – одежду теперь придётся чистить...

Успев упрекнуть себя за неуместную мелочность – шоковую, очевидно, – он подбежал – даже не прихрамывая! – к эпицентру... Эпицентру чего?

Трагедии, как оказалось. Прибывшие спасатели вскрыли своим «консервным ножом» жестянку и достали то, что было до аварии доктором.

Антон даже не мог дать себе отчёта в том, что сам факт гибели как таковой его совершенно не трогал. Он с поистине маниакальным упрямством судорожно стал протискиваться сквозь гущу спецов в униформе. Он расталкивал и материл не стесняясь тех, кто его удерживал, предполагая его шоковое состояние. Он наконец вырвался из цепких рук бывалых медиков из «скорой» помощи, но увидеть то, что хотел и на что невольно – подсознательно уже – рассчитывал, так и не успел. Он даже уколом транквилизатора не был избавлен от постигшего его враз ощущения фатальной и непоправимой теперь недостачи чего-то в жизни. Он скрипел зубами от злости и слабости – он хотел и не смог посмотреть внутрь головы доктора Томаса. И теперь никогда так и не сможет узнать, был у того мозг под черепом или нет!

Продолжение следует.

Георгий КАЮРОВ

Смертоносное масло

Памяти блокадницы
Раузы Ахмедовны Галимовой

Санкт-Петербург жил преддверием празднования Дня Победы. Выбеливались бордюры и деревья в скверах. То тут, то там стали появляться флаги на зданиях и на столбах. Поперёк проспектов натянули кумачовые растяжки с белыми буквами. Невысокие дома центральных улиц хорошо освещались солнцем; создавалось впечатление – весь город светится. И не мудрено, ведь триста лет назад сам Пётр I, планируя столицу – всё продумал до мелочей, даже то, какими должны быть номера на домах. Отдельным императорским указом было прописано, на какой высоте и какого размера должен быть номер, «...дабы с другой стороны улицы можно было обозреть».

Увидел бы Пётр родной город в двадцать первом веке, не узнал бы: раскинулось ныне его детище высотными кварталами, приросло пригородами – Царское село, Петергоф, Кронштадт. На окраинах, в спальных районах, уплотнительная застройка достигла предела: сотки стоят так близко друг к другу, что жителям нижних этажей с самого утра приходится включать в комнатах свет.

Ефросинья Георгиевна перебралась в Кронштадт несколько лет назад. Муж умер, а на одну пенсию, даже с блокадными субсидиями, содержать просторную квартиру в центре становилось накладно. Да и о муже всё напоминало в старой квартире. И хотя пенсионерка мало что понимала в инфляции, о которой говорили каждый день по телевизору – от президента до их начальника ЖЭКа – она никак не могла взять в толк, почему при плохом Сталине цены на всё каждый год снижались? Пусть на пять или хотя бы на два процента, но снижались. А при нынешней власти, что же?

Ефросинья Георгиевна привыкла вставать рано. Вот и сегодня будильник не успел прозвенеть, а она уже открыла глаза. Всю жизнь прожила и не пользовалась будильником. Бывало на смену приходилось подниматься в четыре утра. Они с мамой никогда не опаздывали, даже в блокаду – голодная, обессиленная, продрогшая от холода – едва забрезжит рассвет, как ноги сами опускались с кровати. Рабочие подметили – маленькая Фрося никогда не хныкала. В обязанности её, десятилетнего подростка, входило собирать стружку, а по выходным вставала совсем рано, чтобы после ночной смены помочь маме убрать в цехе. Всякий рабочий, проходя мимо Фроси, смягчал взгляд опухших от бессонной, напряжённой ночи глаз. И обязательно клал мозолистую ладонь ей на голову, а то и молча протягивал кусок замусоленного сахара. Шестьдесят лет отдала дорогому заводу Ефросинья Георгиевна – заслуженный работник отрасли, ветеран труда. Отрывалась только на учёбу. Окончила семилетку, потом техникум, отработала практику на заводе, поступила в институт и снова вернулась на завод, но уже инженером-конструктором. Здесь и свою вторую половинку встретила, здесь и вся жизнь прошла...

Будильник стала заводить после смерти мужа. Его это был будильник.

Женщина взяла в руки пузатые часы и приподняла ближе к подслеповатым глазам. В шестьдесят пятом году, как раз к двадцатой годовщине победы, выпустили эти часы, у них имелась и юбилейная надпись на циферблате. В тот день пришёл муж с работы, с ночной смены, ещё подумала – чего задерживается? Важно так встал посреди комнаты, а за спиной что-то прячет:

– Скажи, Фрося, что придаёт человеческому жилищу уют? – сказал он, а глаза аж горят от задора.

– Чистота, удобная мебель, – стала она тогда гадать. – Многое что.

– Всё правильно, – заулыбался муж. – Но есть одна вещица, которую поставишь в квартире, даже пустой, – и сразу становится уютно.

– Не теми, – поторопила она мужа, сама загораясь от любопытства.

В последнее время Ефросинья Георгиевна каждое утро вспоминала тот случай, и становилось ей тепло и приветливо на весь день. Она и сейчас заулыбалась, как тогда, много лет назад.

– Смотри! – воскликнул муж и поставил на стол вот этот самый будильник с блестящим из нержавеющей стали звонком-шапочкой.

Как замороженные, смотрели они на пузатую вещицу. Тиканье часов разливалось по всей квартире и словно обволакивало уютом.

Припадая на правую сторону, Ефросинья Георгиевна прошла на кухню. Последний год нога совсем перестала слушаться, за день расходится, вроде ничего, а по утрам боль в суставе простреливала до мозга, как будто штырь какой-то просунули через всю спину.

Женщина не спеша завтракала, прихватывая каждую крошку со стола и прислушиваясь к чему-то. Наконец чаще захлопали двери парадной. Это соседи отправлялись на работу. Ефросинья Георгиевна одобрительно закивала головой. Она специально искала вариант квартиры на первом этаже и рядом с парадным входом.

Убрав посуду, она подошла к календарю и оторвала вчерашний день. На новом что-то было написано. Вернулась в комнату за очками и включила свет.

– Субсидии, – без звука прочли её губы, и уже в голос женщина воскликнула: – Батюшки, уже субсидии подошли.

Ефросинья Георгиевна собралась, надела пальто, шапку и уже в дверях вспомнила – не взяла паспорт.

Усталая, уже в который раз женщина обходила квартиру, открывая ящик за ящиком, шкафчик за шкафчиком, и никак не могла найти – куда положила его?

– Надо же, – раздосадованно шептала она и останавливалась, от волнения придавливая слева под мышкой. – Всегда лежал в уголке на этой полке. Куда же я его сунула?

Она снова и снова просматривала все места, куда могла бы положить злополучный документ. Даже заглянула в шифоньер и переложила вещи.

– Может, между простынями? – гадала она. – Нет. Я же всегда кладу его в одно место, – и возвращалась в комнату к секретеру, чтобы ещё раз просмотреть на полках.

Поиски затягивались. Пришлось снять пальто, от волнения и паркости лицо женщины покраснелось. Она даже попереставляла всю посуду на кухне и зачем-то заглянула под чайник. Ведь прилипает же ко дну подставка?!

– Могла же и тут оставить?! – предположила она. – Неужели потеряла?

Неожиданная догадка, пришедшая на ум, сильно кольнула в сердце, и женщина обессиленно опустилась на стул.

– Где же я могла его потерять? – нервно закусив губу, она едва удерживала слёзы. – Ходила за пенсией. Может, на почте оставила? Мороки-то восстанавливать паспорт. Без паспорта и не похоронят. Там ещё карточка, которую муж любил.

Ефросинья Георгиевна пробежала глазами кухонную утварь. Взгляд остановился на нескольких хлебных крошках на столе, и она в сердцах смахнула их на пол, скребнув по столу кожаной обложкой.

– Господи! – воскликнула женщина и уткнулась лицом в заветную книжицу. Только теперь она увидела её. Всё то время, пока искала паспорт, он находился у неё в руках.

Ефросинья Георгиевна открыла алюминиевый флакончик с валидолом и снова улыбнулась. Этому флакончику десятки лет. Муж всегда говорил: «Что ты держишь это старьё? Выброси. Есть уже современные, полиэтиленовые». А она купит новые таблетки и переложит их в этот флакон. Казалось, в нём надёжнее. С годами стал он как талисман – если рядом, значит, всё будет в порядке.

Резкий мятный вкус подуспокоил взволновавшееся сердце, и Ефросинья Георгиевна отправилась за субсидиями.

В парадной столкнулась с племянником.

– Ты чего так с ранья? – улыбнулась племяннику женщина.

– Здравствуйте, тётя Фрося. Мать отправила. Привёз вам гостинцев.

– Возьми ключ, – Ефросинья Георгиевна протянула мужчине паспорт.

– Что это?

– Извини, – виновато улыбнулась женщина. – Держу в руках, чтобы не потерять. С утра что на меня нашло, не знаю. Всю квартиру перерыла, проискала его, а он в руках. Вот ключ. Всё оставь на кухне. Потом разберу. Можешь не разуваться! – крикнула вдогонку племяннику Ефросинья Георгиевна.

- Может, вас подвезти? – предложил племянник, возвращая ключ.
- Куда мне спешить? Немного расхожусь.
- Ладно. Поеду я. Спешу на работу.

Выстояв небольшую очередь в банке, Ефросинья Георгиевна получила деньги и пересчитала.

- Теперь можно и погулять, – приветливо улыбнулась она кассиру.

Солнце припекало по-весеннему. Женщина уже собиралась было повернуть на свою улицу, но край глаза выхватил блеснувшую вывеску продуктового магазина «Магнит» и направилась к нему. Она была спокойна и слегка рассеянна.

У входа в магазин, ещё раз пересчитав деньги, женщина вошла. С утра покупателей было мало, продавцы скучали.

«Как хорошо, что придумали эти тележки, – порадовалась женщина, укладывая сумку в малый отсек. – И опереться можно, и покупки нести не надо».

Она медленно обходила полки, выбирала продукты, подолгу рассматривала на упаковках даты, когда они произведены.

– Девушка! – обратилась она к пробежавшей мимо продавщице. – Очки забыла, какое тут число?

- Там всё написано, – бросила на ходу та и скрылась в подсобке.

Ефросинья Георгиевна снова порылась в сумке, пытаясь найти очки. А вдруг так же, как с паспортом – лежат где-то рядом на видном месте? Даже пересчитала деньги. Осмотрела и тележку, вдруг вывалились? Не нашла. Пришлось выбирать продукты наугад.

- Вам пакет пробивать? – звонко спросила кассирша.

– Спасибо, не надо, – виновато улыбнулась пенсионерка. Почему-то ей стало стыдно за эту молоденькую девочку, и она потихоньку, внимательно посмотрела ей в лицо.

«Совсем юная. Почему же такая грубая?» – подумала женщина и тут же почувствовала резкую дрожь в сердце. Ефросинья Георгиевна тяжело перевела дыхание, взяла сдачу и, опираясь на тележку, направилась к выходу.

- Женщина! Можно вас попросить пройти сюда? – на выходе её остановил охранник.

– Да, пожалуйста, – подняв глаза, согласилась женщина и последовала за широкой спиной стража порядка, увозившего тележку с продуктами и сумкой.

К нему на подмогу присоединилась молоденькая продавщица. Выскочившая из подсобки так же резво, как и забегала в неё.

«Совсем девчушка, как я после войны, – отметила про себя Ефросинья Георгиевна. – Мы тоже были такими же беспомощными».

Но у девчушки на этот счёт было своё мнение. Она бесцеремонно раскрыла сумку и стала в ней рыться.

– Простите, что-то случилось? – растерянно поинтересовалась женщина, обескураженная поведением этой, по сути, ещё ребёнка.

– Нет ничего, – вызывающе объявила девчушка, с ухмылкой в глазах взглянув на охранника.

- Внимательно смотри, – посоветовал тот и поднял сумку.

- Ага, вот! – воскликнула продавщица.

- Женщина! – охранник злорадно уставился на неё. – У вас чек есть?

– Да-а... есть, – растерянно произнесла Ефросинья Георгиевна, всё ещё не понимая, что происходит. – Сейчас найду, – она стала рыться по карманам, но не находила его, машинально взялась за свою сумку, но охранник грубо одёрнул её.

- К сумке не прикасаемся!

- Почему же? – совсем оробев, пролепетала женщина. – Это моя сумка.

- Это уже улика, – парировал охранник.

- Какая улика? – едва смогла произнести пенсионерка, задыхаясь от волнения.

- Что с ней разговаривать, – поддержала охранника продавщица. – Вызываем полицию.
- Зачем полицию, – едва держась на ногах, проговорила женщина. Ей стало невыносимо душно, воздуха не хватало, и она расстегнула верхнюю пуговицу пальто.
- Вот это видите? – торжествуя, воскликнула продавщица, помахав перед лицом покупательницы кассовым чеком. – Здесь нет масла!
- И что же? – едва дыша, проговорила женщина.
- А вот здесь оно есть, – и продавщица, подкатив тележку, указала пальцем на две пачки масла, которые лежали на дне.
- Я, наверно, забыла про него, – попыталась объяснить Ефросинья Георгиевна, дрожащей рукой проведя по своей щеке. – У меня есть деньги. Я заплачу.
- Она потянулась за сумкой, в которой лежал кошелек с деньгами, но одёрнула руку, заметив, как охранник тут же надвинулся на неё.
- Это уже будете объяснять полиции, и им платить, – равнодушно заявила продавщица и, убегая, бросила охраннику: – Иду звонить. Запри её где-нибудь, пока не приедут.
- Что же это мы воруем?.. – протянул охранник.
- Да я... да я... – никак не могла найти слов пенсионерка.
- Пройдёмте, гражданочка, – неумолимым тоном сказал охранник и указал рукой, куда следует пройти. – До приезда полиции посидите здесь.
- Сынок... то есть, простите... – проговорила дрожащими губами Ефросинья Георгиевна. – Мне бы глоток водички.
- Преступников у нас за казённый счёт и кормят, и поят, – отрезал охранник. – А наше заведение – частная собственность, за всё надо платить, – и закрыл дверь на ключ.
- Оглядывая коморку, в которой она оказалась, Ефросинья Георгиевна вспомнила мамин платяной шкаф. В блокаду она пряталась в нём от бомбёжек, а позже и от голода. Бывало уткнётся лицом в мамино платье, и от этого не так голодно становилось.
- «Что же теперь люди подумают? – одолевали тяжёлые мысли Ефросинью Георгиевну. – Соседи обязательно узнают. Что же, я воровка какая? Дожилась, полицией в войну пугали, и вот теперь на старости лет к ним сама попаду, – волнение усилилось и отдалось тяжестью в сердце. Ефросинья Георгиевна поискала по карманам заветный алюминиевый флакончик. – Видно, забыла свой талисман в кухне. Слава богу, паспорт при мне».
- В этот момент открылась дверь. В свете дня в проходе стоял охранник и прибывший наряд полиции. Молоденький полицейский, в звании лейтенанта, увидев преклонного возраста женщину, растерялся и, не понимая, что тут происходит, взглянул в улыбающуюся физиономию магазинного цербера.
- Мамаша, подождите секундочку, – прикрывая дверь, попробовал лейтенант успокоить женщину.
- Вы тут в своём уме! – вспыхнул он. – Это, что, вора поймали?!
- А я что? – растерялся охранник, не ожидая такой реакции офицера полиции. – Мне скажи, закрой в каморке, я и закрыл.
- Витя, оставь его, – поспешил успокоить коллегу второй патрульный. – Всё равно заявка зарегистрирована у дежурного. Давай, забираем её к нам и там разберёмся.
- Пойдёмте отсюда, – протягивая к женщине руку, сказал молоденький полицейский, зло зыркнув в сторону охранника.
- Я не могу, – со слезами на глазах произнесла Ефросинья Георгиевна. – Вроде как ноги не слушаются.
- Мы вам поможем, – полицейские подхватили женщину под руки и медленно повели к выходу. Здесь уже собралась толпа зевак.
- Что там, что? – слышались возгласы из толпы.
- Вора поймали, – объяснил кто-то.
- Ой, как не стыдно, а ещё пожилая женщина, – пристыдил женский голос.
- Сегодня все воруют, даже старики, – поддержал другой.
- У Ефросиньи Георгиевны от этих слов подкосились ноги, она едва не упала. Ей было стыдно поднимать глаза на людей. Обида за несправедливые подозрения жгла ей грудь.
- Уже в машине она неожиданно посмотрела светлыми глазами на полицейских и тихо сказала:

– Скоро всё закончится.

– Закончится, мать, – тяжело вздохнув, отозвался лейтенант. Он не мог выдержать взгляда женщины и отвернулся.

– Вы не должны так вздыхать, – тихо сказала Ефросинья Георгиевна. – Вы, молодое поколение, должны жить с поднятой головой.

Полицейские не ответили, в машине нависла свинцовая тишина.

– Не кори себя. Правильно, что мы её забрали, – постарался успокоить коллегу второй патрульный. – Ты видел рожу этого жлоба?

– Видел, – тяжело вздохнул лейтенант. – Кстати, ты документы его проверил?

– Проверил. Лимита.

– Как его фамилия?

– Сергей Галицкий, – полицейский зло ухмыльнулся. – Па-анич.

– Вот жлоб! Ничего, мать, всё будет хорошо, – обернувшись, лейтенант попробовал успокоить женщину. – Мы их всё равно победим. Паша, что-то с ней не то, – толкнув в плечо коллегу и не сводя встревоженных глаз с лица женщины, проговорил лейтенант. – Останови машину! Гражданочка, гражданочка! Что с вами? Как её имя-отчество?!

– Не знаю. Пульс проверь.

– Нет, – ощупывая запястья, нервно выпалил лейтенант. – Канарейку включай и быстро в больницу.

– Сейчас, мигом. Она тут за углом.

– Дежурный, дежурный! – орал по рации молоденький полицейский. – Свяжитесь с больницей, пусть срочно готовят реанимацию. У нас пострадавшей плохо.

Полицейская машина резко затормозила у дверей приёмного покоя. Там уже стояли санитары с носилками. Потянулись минуты ожидания.

Пищала рация. Дежурный вызывал их наряд, но оба полицейских сидели в машине, молчали и не двигались с места. Они смотрели на вышедшего из дверей врача. Тот обвёл глазами двор, остановил взгляд на полицейской машине и безнадежно скрестил руки...

Георгий НИКИФОРЕНКО

Наполеон

Шёл 1941 год. Фронт приближался к нашей авиабазе и уже в последний момент нас, семьи лётчиков, эвакуировали в Ярославль, а затем в Чкалов – Оренбург. В 1944 году, после освобождения наших оккупированных земель, мы вернулись к родителям моей мамы.

Выжженная земля. Из брёвен нашего дома немцы построили блиндажи. В здание, напротив нашего дома, попала бомба при наступлении советских войск. Мы, дети, любили играть в воронке от этой бомбы. Однажды я неожиданно наткнулся на чёрный предмет, который немного торчал из земли. Извлекли, почистили, отмыли, и это оказался прекрасный бюст Наполеона чёрного цвета. В руке у него был свиток. Но сам свиток был разбит осколком авиабомбы и остался только остов – металлический штырь...

Фронт приближался к Москве. Шли упорные бои. Немецкий капитан, командир одного из соединений, особенно рвался к Москве, чтобы на Красной площади установить бюст Наполеона. Это была его заветная мечта. И вдруг остатки его обескровленного соединения были выведены в глубокий тыл, а затем и его самого оставили там для поддержания немецкого порядка. В небольшом городке капитан поселился в тёплом деревянном доме, где на видном месте у окна установил бюст Наполеона. Хозяев дома он выгнал в сарай. Всю свою злобу за недооценку его военных способностей и неосуществлённую мечту он возмещал на русских людях, оказавшихся в оккупации. К сожалению, нашлись предатели. Известили. Несколько советских и партийных работников повесили, других расстреляли. Периодически и по доносам капитан с солдатами обходил дома, выискивая партизан и рабочих, которые отказывались работать в железнодорожном депо по ремонту паровозов или в паровозных бригадах. Кого из укрывшихся рабочих находил, жестоко избивал и заставлял работать под угрозой расстрела вместе с семьёй. Но был и свой интерес, высматривая молодых девушек. Однажды он зашёл в дом моей бабушки, у которой были три дочки. Старшая уже была в десятом классе. Зная его интерес, бабушка на день мазала сажей лицо старшей дочери, представляя её грязнулей и дурочкой. Капитану показалось это подозрительным, и он спросил: «Что с ней? Если она заразно больна, то я сплю твой дом вместе с твоей дочкой. Я пришлю врача». Вскороности пришёл немец-врач. Заставил раздеться. Внимательно осмотрел. Сказал: «Здорова, но девочку нужно хорошо вымыть. Иначе капитан сделает то, что обещал». Врач ушёл. Капитан больше не появлялся.

Героическими усилиями Советской армии фронт двинулся на Запад. Шло освобождение и этого городка. Немецкий капитан пытался организовать оборону, но советская авиабомба взорвала дом вместе с ним. Осколком бомбы частично досталось и Императору. Вот тот металлический штырь и спас бюст Наполеона, и осколок повредил ему только шляпу. Символично, что Наполеону, даже в бронзе, придя к нам вторично как завоеватель, достался таки осколок советской авиабомбы. Да, наша земля не примет врага, ни в живом виде, ни в бронзе! После освобождения городка хозяйка дома сама не могла похоронить останки капитана и позвала на помощь своего родственника. Это был не молодой, но ещё крепкий мужчина. Он внимательно осмотрел останки и сказал, что ещё должна быть часть тела. Стали искать и уже под развалинами крыши дома по запаху нашли. На корпусе тела с пристёгнутыми ремнями лежала кобура с пистолетом. Отстегнули ремни, извлекли. Пистолет оказался цел. Обойма с полным комплектом патронов. Мужчина сунул пистолет в карман куртки и сказал: «Дай этот пистолет мне, я знаю, что с ним нужно сделать». Женщина в знак согласия только махнула рукой. Где копать могилу? Задумалась. Осмотрела весь огород. А где Самусь схоронил того немецкого лётчика, которого сбили и который приземлился у него на огороде, а потом хлопцы его убили лопатами и вилами? Где-где, там же в углу его же огорода. Он же сам сюда прилетел нас убивать. Ну, тогда давай копать вот в этом углу огорода. А судьба пистолета? Она решилась достаточно быстро. Буквально на другой день на приёме у начальника милиции

хозяйка со своим родственником рассказали о судьбе немецкого капитана, которого многие видели и помнили, передали его пистолет с пожеланием использовать его при расстрелах предателей и полицаяв: «Кровь за кровь, смерть за смерть».

В трудные послевоенные годы взорванный дом отстроили, и опять у окна на видном месте стоит бюст Наполеона. А каждую весну посаженная на могиле капитана вишня была вся в белом наряде. Ягоды никогда не собирали и не ели. Они висели всегда долго, вызревали, а потом на солнце сохли и опадали...

Шли годы. Я учился в школе, университете, переезжал, но память нет-нет, да возвращалась к бюсту Наполеона. Мне очень хотелось побывать в Германии, ближе познакомиться с её народом и, возможно, кому-то рассказать о немецком капитане. Должны же быть у него отец, мать и другие родственники. Не один раз мысленно я возвращался к этому бюсту с вопросом, почему немецкий капитан хотел на Красной площади установить именно бюст Наполеона?

Я уже работал во ВНИИ и по линии научного туризма неоднократно бывал в Германии. После распада СССР по приглашению дирекции института, с учётом моих научных работ, много лет вместе с женой, переводчиком немецкого языка, работали в Западной Германии. У нас сложились доверительные отношения с немецкими коллегами – учёными на базе совместных работ для фирм из США, Канады, Японии, Германии и др. Однажды, в пивной праздник под общий благоприятный настрой я рассказал коллегам историю про бюст Наполеона. Слушали с большим интересом. Когда наш пивной бочонок опустел, немецкие коллеги стали утверждать, что этот капитан не немец. Такого просто не могло быть!

Прошли ещё годы. И вот были опубликованы секретные материалы о том, кто воевал против СССР в 1941-1945 годах. Стало известно, что почти вся Европа воевала против СССР, в том числе и тысячи французских солдат. В материалах было отмечено, что особенно упорно они защищали Имперскую Канцелярию в Берлине, где находился Адольф Гитлер. С учётом этого последнего секретного материала стало ясно, что тот немецкий капитан – это был француз в форме немецкого капитана. Да, история опять повторилась. Его знаменитый предок, Император Наполеон, когда-то сказал: «Зачем я шёл к тебе, Россия, Европу всю держа в руках?» История доказывает, что опыт предков необходимо почитать как святое писание!

Возможно, где-то во Франции у него и сейчас живы родственники, которые, может быть, и не знают, что ОН своим посещением СССР оставил нам на память и СЕБЯ, и бюст Наполеона!

Иван Андреевич – рабочий и солдат

Стояли тёплые майские дни 1936 года. Делегация работников завода, будучи в Москве, получила от М. Калинина добро на открытие нового автозавода имени С.Кирова. Отмечали торжественно, а затем пошли трудовые будни...

Вот уже и первый юбилей завода. Май 1941 года. Из ворот сборочного цеха выезжали новенькие автомашины, здесь же за воротами стоял Иван Андреевич в белой рубахе-косоворотке и особенно внимательно прислушивался к работам моторов. Он на слух определял, все ли цилиндры мотора работают, и при случае указывал, какой из них вышел из строя. Это был свой заводской Левша, а в детстве подмастерье сапожника.

Впервые Ваня увидел движущийся трактор в деревне при вспашке земли во вновь созданном колхозе. Поражённый ревушим двигателем трактора, он избегал за ним десятки километров. Страсть к моторам сорвала молодого парня, сапожника и гармониста, из родной деревни в город на завод...

Только успели отметить юбилей, как грянула война. Срочная эвакуация: демонтаж станков и оборудования, погрузка в вагоны и отправка на Восток. Что невозможно отправить – взрывали. Иван Андреевич в составе бригады сопровождал последний состав с оборудованием. Однако этот эшелон попал под бомбёжку и был практически уничтожен. Дальнейшее продвижение на Восток уже было перерезано передовыми немецкими войсками. Часть ко-

манды, оставшейся в живых после бомбежки, приняли решение пробиваться домой, ведь там остались их дети и жёны. Обратная дорога была долгой, трудной и опасной.

Иван Андреевич тоже вернулся. Родные сообщили, что здесь прошла колонна немецких солдат и танков. Действительно, забор и огород смяты танками, а наружная дверь дома разбита и сорвана. На воротах завода немцы повесили объявление: «Всем явиться на работу. За неявку – расстрел!» Несколько человек уже повесили. Иван Андреевич оборудовал под полом тайник-каморку и занялся сапожным делом. Надо было как-то выживать. Сына посадил у окна следить, чтобы кто-то из немцев или полицаев не вошли в дом, когда отец работал. Но уж так бывает, что сын просмотрел. Немец с винтовкой ввалился в дом и со словами *Warum bist du zu Hause?* (почему ты дома?) погнал отца на завод, подталкивая винтовкой. Там, на заводской площадке уже давно были изготовлены и ждали своих жертв несколько виселиц. Связав руки и накинув петлю на шею, стали ждать немецкого офицера и переводчика. Переводчик был из своих с конструкторского отдела. Он сказал, что Иван хороший гармонист и отличный специалист – на слух определяет работу мотора. Офицер приказал принести гармонь. Сняли петлю с шеи, развязали руки. Прослушав игру на гармошке, офицер сказал: «*Ich schenke dir das Leben!*» Переводчик перевёл: «Я дарю тебе жизнь!» Иван Андреевич глубоко вздохнул, и эти слова запали в память на всю жизнь. Офицер приказал: «Завтра быть на работе. Не придёшь, расстреляю тебя, твою жену и детей!» На бывшем автозаводе немцы организовали ремонт танков и машин.

Враг приближался к Москве. Шли тяжёлые бои на подступах, и немцы уже планировали её взятие и дальнейшую судьбу этого большого города. В дом Ивана Андреевича ввалился тот же немец, но уже пьяный, и стал требовать шнапс, чтобы выпить за взятие Москвы. Издеваясь и оскорбляя, он был в восторге от того, что Москва вот-вот падёт. Не выдержав, Иван Андреевич стал доказывать, что они не увидят Москвы, как ты не видишь своих ушей. Немец не понимал и только твердил: «*Ich verstehe nicht*» (я не понимаю). Тогда Иван Андреевич поднёс зеркало к лицу немца и стал ему показывать: «Вот видишь свои уши, а убрав зеркало, ты их не видишь. Вот так ты не увидишь Москвы, как не видишь своих ушей». Наконец-то немец смекнул, схватил винтовку, ткнул в спину Ивану и со словами «партизан» погнал его на завод. И опять петля верёвки оказалась на шее. Снова помог переводчик, якобы солдат не правильно его понял. Угроза быть повешенным отступила...

Приближалась зима. Дверей в доме не было, а висела и слабо спасала мешковина. Как-то в обеденное время дети Ивана присмотрели на стройке новые двери. Когда рабочие и немцы ушли на обед, они подхватили эти двери и волоком притащили домой. Вернувшись с обеда, немцы обнаружили, что дверей нет, и по следу на земле пришли к дому, где у крыльца лежали новые двери. Немцы заставили отца отнести двери на завод. Офицеру сообщили, но он уже не стал разбираться и сказал: «Ты плохой отец, Иван, если твои дети воруют. Я не могу их наказывать, так как они ещё малые». И солдату: «Доставить Ивана в блок экзекуций и дать 200 палок». В просторной комнате здоровенный рыжий немец приказал Ивану снять штаны и лечь на лавку. Привязав ноги к лавке и выбрав гибкую деревянную рейку, немец приступил, а Иван начал считать про себя. Когда палка опустилась на счёт 200, немец спокойно отвязал ноги, а Иван Андреевич потерял сознание. Когда он пришёл в себя, была ночь. В доме было тихо. В лунном свете увидел, что комната пуста. Попытался встать, но не смог. Сполз с лавки на пол. Задница была вся липкая от крови. Нашёл штаны и перекинул себе на шею. Ползком на четвереньках по ступеням с четвёртого этажа спустился и пополз домой. Всю ночь жена не отходила от мужа. Утром побежала на завод умолять, что муж не может идти. Дали мазь. Выжил.

С освобождением города нашими войсками всех мужчин отправили в штрафные батальоны и со словами «Искупить свою вину кровью» направили в первую линию наступающих 1-го Белорусского фронта.

Я уже был студентом и на летние каникулы приезжал в Белоруссию. Иван Андреевич хорошо знал свои места: криницы, луг, лес, где растут ягоды и грибы, Днепр. Я любил его рассказы о детстве, заводе и войне, особенно когда мы ходили по грибы. Он был несколько раз ранен, но здоровый от природы организм быстро восстанавливался, и опять фронт.

Под командованием маршала Г. Жукова 1-му Белорусскому фронту было приказано штур-

мом взять Берлин. Среди бойцов штурмового отряда был и наш Иван Андреевич. Проскочил в подъезд дома и прямо на второй этаж. Ударом ногой в дверь вбежал в комнату. Квартира выглядела, как кто-то в ней живёт даже сейчас, когда там, снаружи идёт бой, а передовые части уже завязали бой за Рейхстаг. Это были уже последние аккорды войны. Для безопасности Иван прошил шкаф из автомата и дал очередь под кровать. Пока выглядывал в окно, появились перепуганные пожилые немец и немка. В их суете Ивану показалось что-то странное и с каким-то чувством самосохранения он бросился к кровати и сорвал перину с одеялом. Там лежал светловолосый молодой немец, ноги которого были перевязаны бинтами. Немец и немка бросились к Ивану: «Рус, рус, рус, это наш сын, он ранен на Западном фронте, он воевал против американцев». К этому времени мы уже искупили свою вину и были настоящими солдатами в погонах. Теряя своих товарищей и видя, что оставляет враг после себя, у нас практически исчезло понятие жалость. Мы чётко усвоили формулу войны: «Или ты, или тебя!» Иван навёл автомат и оттянул затвор. Пожилой немец бросился целовать ему руки и сапоги. Немка побежала и принесла золотые кольца, часы, цепочки. Мгновенно память высветила 1941 год, немецкого офицера и его слова, обращённые ко мне. Иван опустил автомат, глянул в глаза раненому солдату и сказал по-немецки: «Ich schenke dir das Leben», повернулся и выбежал из квартиры на улицу. Бой за Рейхстаг продолжался...

Отгремели бои, и уже где-то в конце лета 1945 года в воинскую часть, где служил солдат Иван, стали приезжать санитарные машины с ранеными и оборудованием госпиталя. Выяснилось, что под покровом ночи немцы напали на один из наших госпиталей и ножами зарезали всех раненых, медсестёр и врачей. После этого случая все госпитали были размещены под защитой воинских частей.

На исходе своей жизни Иван Андреевич как-то высказал мне свои мысли о войне: «А ведь Сталин точно знал, какому фронту поручить штурмом взять Берлин». Именно в 1-м Белорусском фронте было много белорусов, которые боролись в партизанских отрядах или были в оккупации, а у многих родственники были подвергнуты издевательствам: замучены, отравлены газом в машинах-душегубках, повешены, расстреляны, живыми сожжены в домах. Сталин был уверен, что именно эти солдаты не подведут и возьмут Берлин штурмом. Вспомни, Жорж, именно белорусы уничтожили гауляйтера Белоруссии, подложив ему мину прямо в постель! Какая смелость, какой героический поступок, рождённый ненавистью к оккупантам!

Олег ЦУРКАН

Мемориал

Рассказ

*«Я люблю свою страну
и не желаю причинять ей вреда.
И никогда не причиню.»*
Из интервью В. С. Высоцкого
американскому телеканалу CBS.

Сердце сжалось, замерло на мгновение, потом раздалось и лопнуло с резкой болью. Горячая, тошнотная волна разлилась в груди, подкатила к горлу и, задержавшись, отхлынула обратно. Сердце рваной медузой колыхнулось в волнах кровавого прилива. От внутреннего толчка Семёна качнуло, но, подхваченный Генкой, он удержался на обмякших ногах.

– Ты чего, Семён? Что с тобой?

Семён хотел ответить, но из горла вырвалось клокотание, в булькающих переливах которого явственно различалось одно только слово – «цех».

– Ну, съехал и съехал! – Генку, казалось, исчезновение цеха нисколько не тронуло. – Не вешаться же теперь. К тому же не мы одни пострадали. Рабочие тоже утром поглазели на пустые стены, пошумели, да и разошлись. А что зря глотки рвать? Хозяевам звонили, а те как в воду канули. Заказ отдали, деньги получили, а рабочим заплатить – так это не обязательно. И сторожу досталось. Он на выходных помогал всё демонтировать, грузить, а ему даже спасибо не сказали.

Кровь шумела в ушах. Слова Генки доносились приглушённо, будто издали.

Ещё в пятницу забитый оборудованием цех работал в полную мощь, а сегодня, в понедельник, придя вечером на работу, Семён увидел абсолютно голое помещение. Тёмный, обесточенный полуподвал. Даже занавески на окнах сняли.

«А как же я? Деньги? Зарплата?» – вспыхивало в уме Семёна и расходилось радужными кругами.

Он долго искал работу и три месяца назад наконец нашёл. Мало того, что по специальности, так ещё и заработок обещали приличный. Правда, официально не трудоустроили, наговорив про трёхмесячный испытательный срок, но Семёну запись в трудовой книжке была не важна. Главное, чтобы платили хорошо. А уж Семен не подведёт. Смущало только, что работать приходилось в ночную смену и зарплату никогда не выдавали целиком. Хозяева подбрасывали авансы и всё обещали сегодня-завтра рассчитаться сполна. Семён жил надеждой, и вот теперь все его планы рухнули. Он стоял, оцепенев, у дверей совершенно пустого полуподвала и не имел сил пошевелиться. Потеря заработка ощущалась настоящей катастрофой. И так в долгах как в шелках, а тут ещё зима на носу. С чем вернуться к домашним? Что, кроме оправданий, принести семье?

– Ты, мужик, духом не падай! – невозмутимо поучал Генка. – А делай вот что! Домой придёшь, замути настойку. Самогон на анальгине. Сначала сразу стакан ахни, а потом по глотку цеди. Лучшего средства от хандры ещё не придумали!

Он вгляделся в лицо Семёна.

– Да ты слышишь ли меня? Самогон дома есть? – и отмахнулся. – Ладно, пошли. Тут недалеко.

Генка подхватил Семёна под руку и повёл за собой. Генкиному напору Семён не сопротивлялся.

Они поднимались в гору, дворами, между незнакомых пятиэтажек. Продвигались медленно, почти наощупь. В конце ноября темнеет рано, а фонари не горели. Жидкий оконный свет увязал в непроницаемости ночи. Нависшие над дорогой ивы сгущали тьму. Растрескавшийся асфальт мстительно скалился грязным щербом, коварно поплёскивал подмерзающими лужами.

– Сейчас за дом свернём, и пришли, – обнадежил Генка.

Круглосуточный магазинчик пугливым нищеводом приютился на первом этаже студенческого общежития. Тесное, грязное помещение делилось пополам узким деревянным прилавком. Позади прилавка уныло выстроились стеллажи со спиртными напитками, пакетами чипсов и консервами. Сбоку от входной двери во всю длину окна подобием барной стойки растянулась широкая доска. Большое окно немдытыми стёклами слепо тарачилось на ярко освещённый проспект. На другой стороне проспекта в ограждении кованой решётки величественно лежал Мемориал воинской славы «Вечность».

«У нас в Молдове при дороговизне водки самогон самое то», – заговорщицки подмигнул Генка, когда,

бесцеремонно порывшись в карманах Семёна и добавив своих денег, вскладчину купил полуторалитровую пластиковую бутылку. Продавать запрещённый алкоголь Генке, как всегда, не боялись.

«Ну, тяпнули!» – разлив по одноразовым стаканчикам вонючую жидкость, бодро предложил Генка.

Ничего кроме новой волны тошноты самогон не вызвал. Семёна передёрнуло от отвращения. Генка же, напротив, хоть и скривился, но вид являл вполне довольный, как человек, преодолевший неминуемое, но почётное испытание.

– По второй? – бодро предложил Генка и потянулся наливать.

Семён отрицательно замотал головой и в знак отказа накрыл стакан ладонью.

Пить не хотелось.

Генкино общество тяготило Семёна. Он и на работе не очень с ним ладил, а после закрытия цеха общаться с пьянчужгой не тянуло и подавно. Печально вздохнув, Семён безучастно уставился в окно. Полноводная река проспекта утопала в жёлтом свете уличных фонарей. Свет струился сверху, искрился на поверхности заиндевевшего асфальта, отблёскивал в стекле и лаке проносащихся автомобилей.

Но Семён не видел света. Взгляд скользил по чёрным кронам деревьев, по возвышающейся над ними пирамиде из пяти каменных винтовок – центральному сооружению кишинёвского Мемориала.

«Эх, ребятушки-солдатики, – с отчаянием думалось Семёну, – повезло вам, братцы. Впереди враг, позади поруганная Родина. Было и за что жить, и за что умирать. А сейчас? Не стало места подвигу, великому светлему чувству, яркой вспышкой озаряющей существование человека. Жизнь постылая. Вкалываешь от зари до зари и ни о чём кроме заработка не мечтаешь. Всё крутится вокруг денег. О героической жизни, тем более о героической смерти никто уже не помышляет. Смерть если и настигнет, то не будет ни почётной, ни величественной. Забитой клячей рухнешь в борозду и сгинешь там никем не замеченный».

– Ты чем на мертвяков глазеть, пил бы лучше, – проследив за взглядом Семёна, посоветовал Генка.

Семён никак не отреагировал. Перед ним туго стянутые берегами проспекта, теснясь и бурля, неслись навстречу друг другу автомобильные потоки. Воздух наполнился гулом двигателей, змеиное шуршание шин разрывалось возмущёнными сигналами клаксонов. И над всей этой суетной толкотней на другой стороне проспекта возвышались в торжественном молчании стройные сосны Мемориала. Почётным караулом они берегли покой тех, кто сложил головы в яростной схватке с фашизмом. Одиночные огни мемориальной подсветки указывали нахождение братских могил, скромно освещали надгробные плиты и памятники павшим советским воинам.

И жизнь Семёна перед величием совершённого солдатами подвига, перед чёрной громадой ночи показалась вдруг мелкой и бессмысленной. Лишённая высокой цели, она представлялась сейчас тусклым светом фонаря в непроглядной ночной тьме. Слабым, безжизненным и недолговечным. А вечным оставалась тьма и возвышенное существование тех, кто ушёл в неё, приняв смерть ради жизни на земле.

«Были же люди! – у Семёна перехватило дыхание. – Герои! А сейчас? Вот я, к примеру. Тряпка! Слюнтяй! Как десять лет назад мебельную фабрику закрыли, так с тех пор маюсь неприкаянный и ничего путного придумать не могу. То на одного дядю поработаю, то на другого. А так, чтобы самому артель организовать или коммерцию – кишка тонка. Характера только и хватает от одного буржуя к другому уйти. У нас же как? Горбатиться до мути в глазах, света Божьего не видишь, а тебе, как собаке, зарплату обглоданной костью бросят, не нравится, мол, проваливай. На твоё место в секунду замену найдём! Кругом-то безработица лютая».

Не хватало воздуха. Семён вдохнул полной грудью, но от нервной судороги дыхание прервалось и сдавленное голосовыми связками выдало тонкий предательский всхлип.

– Э, ты чего? – Генка весело болтал с продавщицей, но, услышав стенания Семёна, тут же откликнулся. – Выдыхай, мужик! А ещё лучше – пей! – он грубо вырвал из рук Семёна стакан и плеснул самогона. – Захмели тоску! Обмани организм! А на мертвецов не пьясь. Им Мемориал отгрохали, вот пусть лежат и спасибо ещё скажут, что не взрывают, как в Грузии.

– Я тебе взорву, – весело пригрозила продавщица. Она проворно лузгала семечки, сплёвывая шелуху в одноразовый стаканчик. – У нас в праздники самая касса. Зарботка меня лишить хочешь?

– С тебя не убудет. Всё равно к этому придём. Не получилось в Кишинёве на День Победы гей-парад устроить, так с другой стороны подъехали. Теперь 9 мая Днём Европы провозгласили. Германия и Франция после войны какой-то торговый договор подписали, а нам радуйся от этого.

– Мы-то здесь с какого бока? В правительстве с ума посходили, что ли?

– Весь мир с ума сошёл! – категорично изрёк Генка. – И мы в особенности. Как советскую Родину отобрали, а ничего равновеликого взамен не оставили, так у людей разброд в головах и начался. Уже

не знаешь, чему верить. Столько информации, голова кругом идёт. Вон у сторожа в каморке газета лежала. Пишут, Жуков в начале войны собственноручно расстреливал отступающих солдат и командиров Красной армии. Да я и по телевизору видел... по каналу этому... как его? – Генка запнулся, вспоминая. – Американский, но с русским переводом... Хистори! – выпалил он, вспомнив. – Так по нему рассказывали о мести красноармейцев жителям Германии за зверства немцев на оккупированных советских территориях. Как советские солдаты убивали стариков, женщин и детей.

– Брешут, – презрительный плевком шелухой показал отношение продавщицы к Генкиному рассказу.

– Кто его знает. Но дыма без огня, сама понимаешь, не бывает. Сейчас столько о злодеяниях большевиков твердят, что по сравнению с ними фашисты выглядят не такими уж и страшными. И я не удивлюсь, если вся советская эпоха на поверку окажется большим паскудством. Как и вообще вся наша история.

– А ты, Генка, историком после какого стакана становишься? После первого или второго?

– Чем издеваться, послушала бы умного человека! – вмиг посерьёзнев, возмутился Генка. – Я же не только этикетки читаю! Народ с панталыку сбивают. Американцы с европейцами талдычат, мол, русские – плохие. И я верю! Русские перечат, мы – хорошие. И я снова верю! Совсем запутали. А не дай Бог война, чью сторону принять?

– Выбери, – продавщице не было никакого дела до Генкиных сомнений. – Одним задом на всех стульях всё равно не усидишь. Баба, которая всем даёт, как называется?

Магазинчик сотрясся от пьяного Генкиного смеха.

– Молодец! Уела! – отпор продавщицы вернул Генке весёлое расположение духа. – А если я не хочу выбирать? Не верю я больше ни вашим, ни нашим. Если мне плевать на всех? И на америкосов с их жвачкой свободы, и на комиссарские выдумки о славных героях? Понаставили они цацки каменные: мемориалы да монументы. А была бы моя воля, я бы всем подряд памятники поставил: и правым и виноватым. На то и демократия, чтобы идолов плодить!

– Ты ещё не выпил? – заметив нетронутый стакан, Генка переключился на Семёна. – Обидеть меня хочешь?

Чтобы отделаться от пьянчуги, Семён приложился к стакану.

«Сволочь! – давась вонючей сивухой, подумал он о Генке. – Так легко отречься от славы дедов, трудового подвига отцов. Презреть тех, кто не щадил себя ни на войне, ни на советских стройках. В сибирской мерзлоте. В грязи и сырости таёжных болот. В огне космодромов и поту шахтёрских вахт».

Зловоние самогона выворачивало нутро. Желудок возмутился, сжался в кулак и затвердел камнем. Изнутри по глазам ударили молотом, и новая волна тошноты, сильнее прежней, подкатила к горлу.

«И я! Я такая же сволочь, как Генка! Протяни мне в одной руке деньги, а в другой историю страны – выберу первое! Потому что семья! Потому что детей надо поднимать! А вы пишете, что хотите, только жить не мешайте!»

Отвращение к самогону вылилось в отвращение к себе, Генке, к этому грязному, унылому месту, которое в сравнении с одухотворённой близостью Мемориала казалось ещё более грязным и унылым.

Семён скривил страшную гримасу, зажал ладонью рот и рванул на улицу.

Генка нашёл его за углом общежития.

– Полегчало?

Семён платком снял с губы паутинку слюны, разогнулся и задышал часто и глубоко. Ноябрьский воздух спасительно охлаждал грудь.

– А ты слабоват, – темнота скрывала Генку, но насмешливая интонация рисовала на его лице высокомерную ухмылку. – Тебя, вижу, как в подвале шибануло, так до сих пор и не отпускает. Но раз начал пить, надо продолжить. Не то впустую начал.

– Нет, – с трудом выдавил Семён. – Домой пойду.

Генка раздумывал недолго.

– Ладно, – легко согласился он. – Только самогон не забудь.

Генка сжал пустую часть бутылки. Сивушный дух вырвался наружу, но крышка, закружив по резьбе, пресекла его путь.

– Держи, – смятая бутылка оказалась в руке Семёна. – О рецепте моём не забудь! Пачку анальгина как в литре самогона растворишь, дай часок настояться. Потом накати стакан залпом. А уж остаток по глотку добивай. И главное, не занимайся самолечением! Действуй строго по методу. Утром проснёшься другим человеком. А чтобы настойка пошла впрок, дальше живи, как гонщик на плакате: не гони, а избражай гонку. В смысле к сердцу ничего не принимай. Тогда никакая хворь не одолеет.

К троллейбусной остановке Семён почти бежал. Казалось, быстрый шаг избавит от омерзительного привкуса самогона, поможет сбросить змеиную шкуру опьянения. И главное, отвлечёт от тяжёлых раздумий о потерянной зарботке, грядущем безденежье и хлопотах с новым трудоустройством.

Но мысли настойчиво возвращались к цеху. Семён корил себя за близорукость, излишнюю доверчивость. И, упрекая себя в невнимании к плохим предчувствиям, всё больше погружался в трясину самобичевания.

«И что я за человек? – отчаяние захлёстывало Семёна. – Понимал же, связываюсь с проходимцами, а не поостерёгся. Лишний раз не подумал! – и тут же, оправдываясь, мысленно воскликнул. – А что собственно думать, когда человека специально загоняют в такие условия, чтобы он помышлял только о пропитании! Вот я и пашу! Вкальваю! Хоть кем! Хоть где! Хватаюсь за любую работу! И кроме неё меня ничего уже не интересует. Ни кино, ни театры. Про книги я вообще молчу. Я даже телевизор включаю не ради интереса, а чтоб уснуть скорее. Для меня сон – единственная радость. Жизнь так и катит: работа – сон, работа – сон. И обкатает меня в тупую, равнодушную чурку, исповедующую мечту большинства: денег занять побольше, да и жить припеваючи».

Семён почти прошёл квартал Мемориала, когда боковым зрением уловил неясное движение. У основания каменной пирамиды, на постаменте в виде пятиконечной звезды горел ровным пламенем Вечный огонь. Красный камень сомкнутых над Огнём винтовок отсвечивал тёплым светом и напоминал лампаду перед святой иконой бессмертного солдатского подвига.

Блики Вечного огня прогнали отчаяние. Семён устыдился своей мягкотелости, слабохарактерности. Одержимость выживанием воспринималась теперь суетным копошением, пустым, ничего не значащим делом, которое выхолащивало душу. А бездушие, какие бы времена ни наступили, опасно всегда: в тяжёлые оно ведёт к озверению человека, во времена изобилия – к оскотиниванию его. И другого выбора современное мироустройство не предоставляло.

Душа же Семёна не принимала такого порядка. С трепетом взирая на мемориальную лампаду Вечного огня, Семён испытал неодолимое желание перекреститься. Но творить крест с самогоном в руках посчитал кощунством. Он шагнул к ближайшему газону и резким движением свинтил у бутылки крышку. Струя самогона ударила в подмерзающую землю.

«Простите меня, солдаты, – раскаяние переполняло Семёна. – Что-то я раскис совсем. Расклеился. Это всё страх нищеты. Беспомощности. Гонит в любое ярмо. А по затюканности, рабской забитости долго и новый фашизм пропустить. Но вы не переживайте, фашизма я не допущу. Не для того спасён вами, – и пока самогон с недовольным бормотанием выплёскивался из бутылки, Семён повторял. – Спасибо вам, солдаты! Вечная вам память и Царствия Небесного! Вечная память!»

Олег МАСЛОБОВЕВ

Тридцать восемь лет. Родился в Москве, образование высшее, инженерное. Пишет с 20 лет (стихи, проза). Основные публикации: журнал «Волга» (1995), альманахи «Край городов» (2001), «1000 лет России» (2003), «Врата Сибири» (2004). Сетевые издания.

Дожди над Касабланкой

Роман

Резкий автомобильный сигнал и хриплый надрывный окрик:
– Проезжай, мудака! Чо встал!

Гриша сгорбился, быстро глянул на светофор, который горел еще красно-желтым, и лишь вспыхнул зеленый – даванул на газ. Вскоре справа от его «девятки» пролетела «audi» с тонировкой, переднее водительское стекло было опущено, и он успел разглядеть перекошенное злобой лицо крикуна, но почему-то Грише хотелось назвать это лицо рылом...

Сколько же в Москве стало придурков! Но ведь там их не будет?! Конечно, не будет! Гриша с этими мыслями успокоился и покатил дальше, рассекая колесами осеннюю жижу на дороге. Из магнитолы автомобиля по-прежнему лилась приятная мелодия и интригующий голос шансонье. На английском он пел о какой-то Касабланке, о счастливом городе влюбленных, где идут синие дожди... «Где это, Касабланка? – подумал Гриша. – Здорово бы там оказаться...»

На город опускался сумрак, впереди светились желто-тусклые огни московской окраины, спальный район. Вот и еще надо скоротать один вечер... Пить Гриша не пил, читать надоело, Интернет не затягивал. После работы он возвращался обычно никакой, а осознание того, что завтра опять на работу, добивало его на оставшийся вечер окончательно.

Гриша был женат. Зачем женился – он и сам толком не понимал, просто женился и всё. Жена Марина неглупа, немного красива, но отсутствие общих интересов и мечты разобщало их, впрочем, это несколько не вредило семейному союзу, так как по сути нечему было разобщаться... Марина, как большинство русских женщин, верила в то, что жизнь хороша, если у нее кожаная сумка, стильные джинсы, плащ, шуба, кое-какая бижутерия и деньги на мелкие расходы. Говорить с мужем она соглашалась только об улучшении жилищных условий, детях и поездках к морю. Как воспитывать детей, как обеспечить их, она понятия не имела и считала, что это Гришино дело. О будущем детей и о том, что ждет их на родине, она рассуждать не хотела, подобные темы нагоняли скуку. Разговоры о виртуальных материальных благах, наоборот, ее раззадоривали, она умилялась грандиозным планам разбогатеть, глаза блестели... Гриша сначала поддерживал подобные темы, потом – надоело, и говорить стало в общем-то не о чем.

Марина открыла входную дверь, мило улыбаясь, подставила пухлую щечку для поцелуя, спросила:
– Ужинать будешь?

Гриша утвердительно кивнул, прошел в кухню, плюхнулся на стул.

Ужин для него был своеобразным обрядом, он ел все подряд... От нездорового переполнения желудка ночью его мучила изжога, сон был отвратительным... А утром – опять на работу. Гриша с ностальгией вспоминал детство в деревне, куда он порой выезжал на отдых. Парное молоко, удивительно свежий, чуть сладковатый воздух, прохлада вечера и сон словно нег... Проснувшись, чувствовал себя воистину божьим творением – человеком, способным сделать себя и мир прекрасней и добрее. В восемьдесят пятом по его деревне прокатилось чернобыльское облако, превратив все дары природы в предметы с повышенным содержанием радиации.

– Захаровы новую машину купили! – выкрикнула Марина, сидя перед телевизором в комнате.

– Да? Ну и хорошо, – сказал Гриша.

– Тебе ничего не интересно! – вздохнула Марина. На что Гриша выдал вопросы по списку: «какая марка? сколько стоит? год выпуска?» После чего они уже оба обратились к телевизору и долго молчали.

Гриша первым решил прервать тишину, которая слегка угнетала.

– Я сегодня в Интернете с одним парнем познакомился. Живет в Уругвае. Сам русский. Мы с ним переписывались в аське. У него дом недалеко от океана. Причем уехать в Уругвай и получить там гражданство довольно просто, а уж с уругвайским гражданством – хоть в Канаду, хоть в Австралию. И на работу возьмут...

– А сколько билет до Уругвая стоит? – спросила Марина.

– Две тысячи долларов в оба конца.

– Ха! Не налетаешься... Только на билеты и работать.

В такие моменты Гриша понимал, что ему еще на многие блага цивилизации работать и работать, и от этого становилось тоскливо и противно на душе. Он в который раз гневно начинал размышлять над тем: почему он, молодой, неглупый человек с университетским образованием не может найти достойного применения у себя на Родине?! Эти размышления, как правило, затухали быстро. Каждое размышление, по мнению Гриши, должно заканчиваться каким-либо руководством к действию, потому что пустые размышления – это удел мечтателей и неудачников, к которым Гриша никак не хотел быть причастным. Он злился на себя: пора прийти в своих размышлениях к понятной и реальной схеме действий. «Что-то нужно же делать! – стучало в его голове. – Так жить нельзя! Годы идут, силы уходят... Ах, черт!»

Перед сном, уже в постели, Гриша с тихой радостью прислушался: Марина мирно посапывала, сегодня она очень быстро заснула, значит, никаких приставаний, никаких напрягов.

Перед самым сном Грише почему-то вспомнился школьный случай: девочки-одноклассницы решили объявить ему бойкот. В старших классах историю преподавал у них чудаковатый учитель Адриан Тимофеевич, и поэтому история для девочек считалась самым последним предметом, они в основном листали на уроке комиксы, повернувшись спиной к классной доске – это было символом отваги...

В это время в стране заканчивалась советская власть и во всю мощь шло «ускорение», модным было опять за что-то бороться. Гришина школа – объявила конкурс на лучший класс. А лучший класс – это, естественно, без двоек. Но на одном из уроков этот самый Адриан Тимофеевич попросил Лену Шубину назвать республики, вошедшие в состав Югославии. Лена сначала даже не поняла, неужели ее посмели спросить, к тому времени она среди девочек была вожаком. Шубина поднялась со стула, тупо огляделась и попыталась что-то мямлить. Ее подруга Света Демина достала учебник и начала шептать Лене подсказки. Гриша, сидевший сзади, взял и сказал, причем громко: «Демина подсказывает!» Адриан Тимофеевич услышал, дело это пресёк и объявил: «Демина – «два!». Девочки опешили. Учитель продолжил: «Ну тогда попросим Расторгуева ответить на поставленный вопрос». Гриша встал. Девочки волчицами смотрели в его сторону. Поначалу Гриша смутился, да еще девичий оскал... Он неуверенно начал: «Хорватия, Сербия...» Девочки, увидав рядом с Гришей открытый учебник, злобно завизжали: «Расторгуев, закрой учебник!» Гриша закрыл и негромко продолжил: «Черногория...». Но тут уже и учитель смотрел на Гришу с надеждой, видно, ему тоже хотелось поставить девочек «на место». Тут у Гриши проснулось второе дыхание, и он, на удивление себе и радость Адриану Тимофеевичу, перечислил оставшиеся республики без запинки. Учитель не без гордости объявил: «Расторгуев – «пять!»

После этого гневу девочек не было предела, они пустили по партам тетрадный листок с воззванием объявить Расторгуеву бойкот. Сначала сбор подписей шел активно, ученики любили развлечения подобного рода, особенно если в этих развлечениях надо было кого-нибудь унижить. Так вот, предвосхищая моральное уничтожение Расторгуева, девочки весело переговаривались, и вдруг листок с подписями стал быстро возвращаться к инициаторам заговора. Когда он вернулся к Лене Шубиной, лицо у нее вспыхнуло и жутко искривилось. На листе кто-то нарисовал ярко и грубо большой мужской член. Заговор превратился в комедию.

2

С историком после этого случая Гриша даже немного сдружился. Адриан Тимофеевич был педагог потомственный, из семьи интеллигентной.

Как-то после уроков Гриша заносил журнал в кабинет истории. Адриан Тимофеевич был один. Неожиданно поинтересовался у Гриши:

– Ну, что, Расторгуев, тоже в комсомол поступаешь?

– Поступаю, – ответил Гриша.

– А зачем ты туда поступаешь?

– Ну, как зачем? – удивился Гриша. – Может, потом – в партию. Чтобы потом на работу взяли...

– А разве без партии на работу не берут? Твои родители партийные?

– Не-ет, – ответил Гриша.

– Вот видишь, их и так на работу взяли...

– Но комсомольцы – это актив общества, – вдруг заявил Гриша, вспомнив лозунг в райкоме комсомола.

Адриан Тимофеевич тихо рассмеялся. Потом вздохнул:

– Когда-то молодые, активные комсомольцы довели до инфаркта моего отца, директора школы, фронтовика, человека чести.

– Как же они так довели? – изумился Гриша. – Директора?

– Когда мой отец шел по школе – все замирали. Муха пролетит – слышно было, так боялись, – не спеша стал рассказывать Адриан Тимофеевич. – Ты не думай, что страх это плохо. Ведь что такое страх – это понятие безусловное, не разрешающее каких-либо вольностей или осмысления. Как только страх начинают осмыслять, так все, конец всему. Тогда твори, что хочешь: хочешь – круши, хочешь – воруй. Перед кем ответ держать?.. Боялись отца сверх меры, конечно, напрасно. Наш человек только власть силы понимает в буквальном смысле – грубой физической силы. А у отца – только взгляд, только слово убеждения... Это как с Богом, не Бога бояться надо, что он с неба колотушкой по темени ударит, а себя бояться надо.

Гриша хихикнул: слова про колотушку ему показались занятыми.

– Смешного тут не много, – серьезно сказал Адриан Тимофеевич. – Люди, которые над отцом издевались, себя наказали сами. В детях их – наказание... – Он подошел к окну и, поглаживая бородку-клинышек, продолжал: – Отец был человеком еще из того времени... Он еще при царе гимназию закончил и многое оттуда привнес в свою работу. Жил по заповедям... Да только времена-то менялись... Вот ты, Расторгуев, родителей уважаешь? – неожиданно спросил историк. И тут же, не дожидаясь ответа, продолжил: – Не уважаешь. Потому что толком не знаешь, что такое уважение. И не твоя в этом вина! Некому было тебе это уважение привить... Если разложить понятие «уважение» по пятибалльной шкале, то получится, что твои родители уважали своих родителей на «троечку», ты – своих на «тройку с минусом». Теперь прикинь, насколько будут уважать тебя твои собственные дети. А все потому, что воспитывают тебя те, кто в Бога плюнул... Эти люди грань преступили. Они в душе как рассуждают, если наши отцы, деды в Бога плевали и им за это ничего не стало, давай-ка и мы испробуем. Вот и испробовали на своем директоре...

– Что же они такое сделали? – нетерпеливо спросил Гриша.

– Слух пустили, что отец школьной мебелью дом обставляет.

– И чего было дальше?

– Дальше – создали комиссию. Пришли домой. С товарищеским заданием провести упреждающий обыск. Естественно, ничего не нашли, но этого было достаточно, чтобы отец надломился. Активистам только этого и надо было...

– Почему же ваш отец не защищал себя?

– Ты пока этого не понимаешь. Его должны были защищать! Но система была настолько иезуитская... Отца можно было обидеть недоверием, едким смешком, гадким намеком. А самое главное, он понял, что заступиться за него некому. Вот это его и добило. Костяк школьного коллектива составляли его ровесники и, как он думал, единомышленники. А оказалось всё наоборот... Он надеялся: заступись, скажи, нет, просто нет, тебе же ничего не будет! Тридцать седьмой год давно позади, и дело-то вообще не политическое. Ан нет, все промолчали, все сделали вид, что это их не касается. Плевать, что уронили чужую честь...

Позже, когда уже учился в университете, Гриша вспомнил эти слова историка. В стране уже наступила перестройка, совершенно другая, как он думал, эпоха. И вот однажды в университете, где он учился, на занятии религиоведения преподавательница стала спрашивать студентов – кто крещеный, а кто нет. В основном отвечали: нет.

Когда черёд дошел до Гриши, он, будучи крещенным с младенчества, не задумываясь, почти машинально, ответил – «нет».

Что же это такое, думал он потом, вспоминая эту историю, ведь никто с пистолетом не стоял у него за спиной, поруганий по учебе быть не могло, повлиять это на карьеру тем более... Но он произнес: «нет».

Чтобы оставаться в стороне, незамеченным... Зачем, ради чего?! Кто или что заставило так поступить? У Гриши даже мелькнула мысль: что в тридцать седьмом многие непонятно зачем доносили.

3

«Ну всё! Сегодня обязательно сделаю что-нибудь для отъезда...» – решил поутру Гриша и бодро собрался на работу. Но вскоре загрустил: его ждала длинная дорога в переполненном метро с несколькими пересадками. По служебным надобностям ему предстояло съездить на другой край Москвы, на склад к предпринимателю Виктору Соломоновичу.

Гриша даже подметил, что в последнее время в его жизни все светлые мысли, идеи и начинания как будто кто-то или что-то дробит, измельчает, а после «сжирает»... Ему не хотелось быть похожим на мечтателя, строителя воздушных замков, хотелось от любой идеи получить хотя бы малый результат. Он вообще считал, что мысли могут материализоваться. Но пока нужный результат не получался. Гриша долго об этом размышлял, затесавшись в угол в тесном метро.

Соломоныча он застал в гневе.

– Беспредел какой-то! – возмущался тот, расхаживая по своему кабинету. – Прихожу утром, а управляющий складом заявляет: для вас, Виктор Соломонович, неприятный сюрприз. Мы поднимаем арендную плату... Я им: с чего вдруг?! Обоснуйте! А он мне: руководство приняло решение... А я ему: так это ж методы Политбюро «приняли решение»! – Соломоныч взмахнул руками. – Ты, Гриша, только вдумайся в эти ужасные слова – приняли решение. А о человеке опять забыли! Вернее – и думать не хотят. Видите ли, они решение приняли, – горячился Соломоныч. – А ты работай как хочешь. И так с хлеба на воду перебиваемся... Захватили склад и свои порядки заводят. А что, они все это строили? – Он махнул рукой, словно очерчивал складские помещения с высокими сводчатыми потолками и толстыми стенами из красного кирпича. – Да это еще при царе-батюшке построили. Потом коммунисты пользовались. А теперь – эти уроды...

– Да что вы, Виктор Соломонович, – вмешалась в разговор Любка, помощница Соломоныча, которая тоже была в кабинете. – Россия – это страна, где решения обсуждать не нужно, даже вредно. Надо со всем соглашаться.

– Да уж, – подхватил Соломоныч. – Я больше скажу, надо просто уезжать... Другого не дано, если не согласен...

– Вы почти со всем не согласны, – многозначительно усмехнулась Любка, – только вот до сих пор не уехали.

– Не уехал... – тяжело выдохнул Соломоныч. – В этом и боль моя. Если решил что-то, надо доводить до конца. А то, как говорится, «потом будет мучительно больно»... Я хотел уехать – жена отговорила. Перестройка началась, телевизоры цветные, видеомагнитофоны, кассеты с боевиками пошли. Она и говорит: куда ж мы от этого всего поедим? Вот еще немного, и холодильник импортный купим, куда ехать-то?!

Пока Соломоныч это говорил, он даже как-то осунулся, постарел что ли. В эту минуту Грише даже стало его жаль. А может быть, себя жаль.

В прошлый приезд Гриши Соломоныч утверждал, что успех можно создать, призвать, накликасть на себя, если непременно его желать... Или же быть пассивным, инертным, думать о сиюминутном, жить по принципу «я человек маленький, поел, поспал и то слава Богу». Сегодня он продолжил свою тему:

– У нас большинство людей представляют из себя что? Да ничто, инертную массу! У них на работе какая задача? Да никакая! Чтобы день рабочий побыстрее прошел, лишь бы ничего не делать, лишь бы начальство не доставало. А от работы они хотят одного – побыстрее бы пенсия... Сам посудите, – обратился он к Грише, – что можно ожидать от таких людей? У них же это в генах. Еще коммунисты желание работать отбили. Ведь раньше как было? Работает, не работает – зарплата у всех одна... У меня на прежней работе тетка в подчинении одна была, так она по две недели на больничном сидела, потом день работает, потом опять две недели болеет. И все по закону... Коллеги, конечно, на нее волком смотрели, начальство зуб точило, но ничего не сделаешь, закон есть закон.

Любка на сей пассаж тоже усмехнулась. Была эта Любка здоровая, дородная баба. Даже Соломоныч, достаточно толстый мужик, по сравнению с ней казался каким-то недоделанным. Все у этой Любки было по-русски широко, вольно, без лишних формальностей. Соломонычу она часто возражала. Не утерпела и теперь:

– Что-то, Виктор Соломонович, я вас не пойму. – Вы же ярый антикоммунист, а говорите как Павлик Корчагин. Хоть прям сейчас на стройки пятилеток... Вот я считаю, что человек должен, наоборот, стремиться жить тихо, незаметно. Делать свое дело добросовестно, никого не ругая и не проклиная: ни

людей, ни Бога. А то что же будет, если кругом только активные да изворотливые разведутся? Как же тогда жить нормальному человеку?

Соломоныч насупился:

– Ты сама это придумала? Или где-нибудь в церкви научили? Это там вас все терпенью тренируют. Ну, давайте, давайте. Сама ничего не нажила и дети твои также проживут... Это уже через гены передается. Твоих предков столетия в крепостном праве держали, а потом еще советская власть...

Тут Любка встrepенулась, пошла в контрнаступление:

– Вы советскую власть попусту не трогайте! Кто стройки великие осилил, кто Магнитку? Да, люди не доедали, не досыпали, в сырости гнили, а дело делали, да какое дело!.. Вот у меня мать учителем была. Современные учителя ей в подметки не годятся. Она же за каждого ученика переживала, а сколько она тетрадок на проверку домой таскала. Сидит ночью под ночником – работает, каждую загогулину, каждую букровку проверит, чтобы все точно было. А если кто из класса отстающий, так после уроков с ним маялась. Душой за дело болела... А как кончилась советская власть да пошла перестройка, так все и покатилося... Никому настоящее дело стало не выгодно...

Победы в этом словесном поединке Гриша так и не дождался. Уходя от Соломоныча, он почему-то думал о том, что перестал читать, хотя в детстве очень любил и посвящал этому занятию кучу времени, а уж о музеях и театрах вообще думать забыл... Новое время как будто подсунуло ему кучу новых забот, причем весьма неприятных. Появился страх, о котором он раньше и не подозревал. И главный страх – потерять работу, лишиться денег. А без денег не прожить... Сейчас даже в долг никто не даст.

– Расторгуев! – окликнули его у метро. Гриша обернулся:

– Мигель? Откуда ты здесь?

Перед ним стоял университетский сокурсник, испанец армянского происхождения.

– А не пойти ли нам ради встречи в какой-нибудь кабак? – уже через минуту после дежурных фраз предложил Мигель.

– Я не против, но мне на работу надо. Сейчас не могу.

– Без тебя все дела встанут? – пошутил Мигель.

– Дела не встанут, а вот начальник...

– Ладно, можешь не объяснять... сказал Мигель. – Давай после работы. Встретимся у метро, где-нибудь посидим спокойно. У меня к тебе дело есть...

Впервые за долгое время у Гриши появилась новая запись в записной книжке сотового телефона.

4

В офис Гриша старался входить походкой бодрой, свидетельствующей о том, что у него много дел и рабочий день буквально расписан.

Начальник Сергей Анатольевич Куприянов, высокий крупный мужчина с большими зальсынами и толстыми губами, любил, когда все сотрудники были чем-то заняты. Тех, кого замечал праздно сидевшими за столом или тупо смотрящими вдаль, он окликал:

– Что задумались? Планируете, как сделать прибыль фирмы более высокой? Или вам нечем заняться?

И каждый, кого Куприянов застиг врасплох, лихорадочно оправдывался, дескать, вот думаю о соответствии складских остатков нашей компьютерной базы данных или планирую позвонить кому-либо из покупателей и предложить нашу продукцию, размышляю над новым коммерческим предложением... Гриша, да и, пожалуй, все сотрудники среднего звена, выражения типа «прибыль фирмы, коммерческие предложения, оплата счетов, договора на поставку», воспринимали через призму личного обогащения Куприянова и после каждой удачной сделки ненавидели его еще больше.

Интересно, думал Гриша, а сам Куприянов понимает, что его, мягко говоря, не любят? Наверняка понимает. Он же не полный идиот. Тогда зачем он постоянно талдычит всем «ваше дело, ваши деньги, ваш проект...» – «ваше», – видно, так вжился в роль, что не может остановиться. Какой же он все-таки неприятный, продолжал свои думы Гриша, и волосы у него какие-то сальные... Тут-то голос Куприянова и застал его:

– Расторгуев, где вчерашний договор с ярославской базой?

– Должен быть у вас на столе, – ответил Гриша, не совсем уверенно, памятуя о том, что, работая в коллективе, не всегда можно быть уверенным даже в самом себе.

– Должен – это не ответ! – оживился начальник. Он всегда оживал, если чувствовал слабость в ответе подчиненного. – Должен не он, а ты должен, – продолжал Куприянов, входя в роль... – Ты должен был его

вчера подготовить, чтобы я мог с ним сегодня работать. А если бы я не вспомнил, и что, пропала ценная поставка? Ведь из вас никто лишний раз пальцем не пошевелит ради вашей же выгоды... Это всех касается! – Куприянов обвел взглядом коллектив офиса и опять уставился на Гришу. – Ну что, где договор?

Гриша стал рыться в ящиках своего стола, пытаясь вспомнить: не отдал ли он эти бумаги кому-то, не ходил ли с ним куда-то...

– Что же это такое! – распалялся начальник. – Ничего нельзя поручить...

Тут в отдел зашла бухгалтер Вика. Увидев бунтующего Куприянова, почувствовав нервную обстановку, решила для разрядки пошутить:

– Только что нашего кассира ограбили. Зарплаты не будет, – произнесла она загадочно.

Эта загадочность и глупое выражение Викиного лица сразу выдали шутку. Куприянов, выдержав паузу, спросил:

– Ты совсем дура?

Кто-то засмеялся, кто-то хмыкнул, Вика обиженно положила начальнику на стол стопку документов и, надув губы, удалилась, постукивая каблукками.

– Вот твой договор, Расторгуйе! – произнес Куприянов, сунув нос в бумаги. – Эта идиотка, видимо, взяла его вчера и никого не предупредила.

Гриша предусмотрительно промолчал, дабы не давать начальнику повода для следующего нравоучительного монолога. Внутри у него все же поднялась волна негодования, он покосился на начальника. С этой Вики как с гуся вода, а надо мной мог поиздеваться, козел!

По своей природе Гриша всегда долго переживал какой-либо конфликт или неприятность. Иное происшествие и яйца выеденного не стоит, а он будет о нем целый день думать, пережевывая внутри себя, моделировать в плане, а надо было ему вот это сказать, а лучше вот это... Если неприятность исходила от начальства на работе, Гриша вначале буйно негодовал, потом впадал в уныние по поводу того: почему он не начальник или не владелец какого-нибудь складика? Сидел бы себе ничего не делал, а деньги текли... хотя таких людей он по жизни презирал. Если же неприятность или конфликт был с человеком незнакомым, «с улицы», то Гриша впадал в пессимизм... ведь от этих людей никуда не деться, они повсюду, с ними необходимо как-то уживаться.

– Обедать идешь? – К Грише обратился Андрей Строков, коллега. Слово «обед» Грише нравилось, он отреагировал положительно.

К Строкову Гриша относился по принципу: все равно дружить здесь не с кем, так пусть будет Строков, и, по крайней мере, в столовую на другой этаж офисного здания ходил с удовольствием.

– Как ты сегодня с Куприяшей поцапался из-за этой дуры, – участливо начал разговор Строков, когда устроились за столиком в столовой. – Хорошо, дальше не зашло.

– Ну и пусть бы зашло, – ответил Гриша. – Вот он у меня где, – указал двумя пальцами на горло.

– Ну и уволили бы тебя...

– Ну и пусть! – храбрился Гриша. – У нас таких контор... Вон дорогу перешел – и хоть отбавляй. У нас не Америка, никакие дурацкие рекомендации с прежнего места работы не потребуют...

– Поменяешь шило на мыло, – сказал Строков, – Только там к тебе еще будут приглядываться, испытательный срок назначат, полгода без денег будешь сидеть...

– Ты предлагаешь смириться? Ничего не делать? – спросил Гриша, пытаясь сломать простую логику Строкова. – И, не дожидаясь ответа, заговорил вспльчиво и горячо: – Вот ты каждый день просыпашься, встаешь, для чего? Для этой поганой, никому не нужной работы? Ради одного дня в месяце, дня зарплаты?.. Когда я только поступил в нашу контору, старался одеться по красивей, выглядеть получше, а теперь все по барабану. Даже наоборот, иногда нравится прийти на работу в чем-то захудалом...

– Согласен, – ответил Андрей. – Я сам такой. Все мужики такие.

– Почему все? – удивленно спросил Гриша.

– Ты посмотри на наших девок. Они, что, не модно одеваются? Возьми хотя бы эту идиотку Вику. Ты ее представляешь не причесанной, не накрашенной, в драной блузке? Даже любая толстуха, у которой, кажется, ни малейшего шанса... Но всегда опрятная, с мытой головой...

– Ты хочешь сказать, что женщины следят за собой, а мужики нет?

– Именно это я и хочу сказать, – твердо заверил Строков.

– А я думаю, обстановка, атмосфера многое решает... Если она есть, то и мужики в белых воротничках будут ходить.

– Может быть, – неопределенно ответил Андрей. – Я в такой обстановке еще не был.

Гриша вспомнил сейчас о Мигеле. Вспомнил с завистью. Мигель человек свободный, никуда не торопится, начальства не боится, и деньги, наверное, есть... Одет по моде. Похоже, не с черкизовского рынка, да и мобильный телефон у него не одну сотню долларов стоит... Человек при делах.

Хотя в мобильных телефонах Гриша разбирался не очень... А в стильной одежде и вовсе. Как отличить фирменную вещь от туфты – Гриша не знал. Частенько он видел на человеке «фирменную майку» или дорогие туфли, а потом встречал эту «фирменную майку» и туфли на местном оптовом рынке, где затаривался продуктами в рядах среди пучков зелени, сеток картошки, кусков замороженного мяса или рыбы.

Такие открытия Гришу угнетали: как же он так, совсем не разбирается в товарах и объегорить его можно запросто, словно в нем червоточина какая; нет хватки, житейской смекалки, простоватый он, хоть и образование есть, и в Москве всю жизнь прожил, но... И тут к его сознанию подкрадывалось простое, но унижительное для самосознания слово «лох». Э-э, нет! С этим мириться не хотелось!

– Сегодня с бывшими сокурсниками встречаюсь, – как бы между делом сообщил Гриша Строкову. – Посидим в харчевне, пообщаемся.

Андрей Строков сам частенько говаривал Грише: вот, дескать, у нас сегодня встреча с пацанами, с девчонками, посидим... и называл, как правило, ресторан известной марки. Гриша ему немного завидовал, ибо подобных встреч не имел, а врать не хотелось. Но сегодня мелкое тщеславие можно было утолить...

– А много вас? – спросил Строков.

– Нет. Будет мой друг бизнесмен. Еще девчонки...

– Что за бизнесмен?

– Со мной учился. Мигелем зовут.

– Странное имя.

– Говорит, что армянин испанского происхождения...

– И какой бизнес у этого армянина испанского происхождения? – поинтересовался Строков, не скрывая насмешки.

– Не знаю точно. Торгует чем-то.

– Что они еще умеют – только торговать, – пренебрежительно сказал Строков.

– Почему только торговать? – обиженно вступился Гриша за Мигеля. – Бизнес есть бизнес. Наш Куприянов тоже торгует.

– У Куприяши – связи, – усмехнулся Строков и тут же заговорил напористо: – Думаешь, он случайно этим делом занялся? Ни черта подобного! У него тесть в Совете Министров СССР работал. А как Совмин приказал долго жить, он зятка быстро в коммерсанта заделал. На совминовских дрожжах и выросла куприяновская фирма... А кто твой Мигель? Таким только ботинками на рынке торговать.

– А нам где торговать? – зло спросил Гриша.

– Нам вообще торговать не нужно. Мы винтики. Куда прикрутят, там и сгодимся.

Больше о Мигеле Гриша со Строковым не разговаривал. Даже слегка обозлился на Строкова. Что за психология морального опущения?! Винтики – и все. Нет, если признать «винтики», то «прощай» все мечты; в душе останется только необъяснимая злоба на страну, обида на окружающих, на близких, на жену: мешают жить, не дают расправить крылья... Крылья... Гриша часто вспоминал сцену из далекого детства. Летом в деревне он подолгу лежал на скамейке и смотрел в небо. В небе еле-еле двигался маленький серебристый самолет, оставляя за собой белый хвост. Грише казалось, что в эти минуты он был бесконечно счастлив и бесконечно свободен, – свободен как маленький самолет в синем океане вечности... Он уже тогда, в детстве, осознавал, что у него все есть для счастья: родители, бабушка, дедушка, великая страна... он уже тогда мечтал остановить это мгновение счастья. Но время не остановить. С годами «крылатость» детства прошла, будущее стало неопределенным, а неизвестность чаще пугает, чем обнадёживает. У Гриши даже появилась какая-то тревога на подсознательном уровне, словно бы унаследованная от далёких предков. Но с чего вдруг? А может, это ощущение несвершившейся расплаты за какое-то страшное преступление? Но кто его совершил, кто и когда?

А сегодняшней рабочий день между тем летел скоро. Предстоящая встреча с Мигелем будто парус подгоняла время... Эх, Мигель, Мигель! Как ни верти, он свежий ветер в Гришиной жизни. Он сказал, что у него к нему дело! Какое? Может, какой-нибудь бизнес совместный предложит. Вот будет круто! Провернем какое-нибудь крупное дело, появятся деньги, иномарка. А главное – стимул жить!

Гриша представил, что подходит к начальнику и с издевкой, чтоб сильнее рожу Куприяши перекосило, заявляет: «Увольняюсь по собственному желанию, Сергей Анатольевич. Вот заявление. Потрудитесь подписать...» О! это будут минуты высшего наслаждения, ведь от Куприянова никто по собственному не

увольнялся, все только по его желанию... Кругом ничтожества, вот и держатся за его поганую контору! Ну, конечно, Куприянов в первый момент растеряется: как уходишь, куда, да кому ты нужен? Но Гриша знает, что и как ему ответить... И пусть все ничтожества из этой помойки услышат, что ответит Гриша. Прямо дух захватывало от новых горизонтов, которые набросал Мигель.

5

Погода была ветреной и зябкой. Гриша порядком замерз, поджидая Мигеля у станции метро. И вдруг Гришу зло осенило: с чего он взял, что Мигель вообще появится, позвонит. Сам Гриша звонить ему принципиально не хотел, не хотел оказаться в роли какого-то просителя... Но все гнетущие мысли перебил короткий визг тормозов. Рядом с тротуаром, где топтался Гриша, остановились раздолбанные «жигули».

– Прыгай на заднее сиденье! – выкрикнул в приоткрытую дверь Мигель. Мишина-раздолбайка, к счастью, оказалась не Мигеля, всего лишь такси. – Сейчас в нормальное кафе заглянем. Там европейская и восточная кухня. – От этих слов Мигеля на Гришу повеяло теплом...

Проехали они немного, остановились у небольшой неоновой вывески. Мигель сунул водителю скомканную бумажку непонятного достоинства.

– Черти, – сказал Мигель, выйдя из машины. – Никакого сервиса. Провоняешь весь, пока доедешь. Вот у нас, в Испании, водители в белых перчатках, и дверь тебе откроют, и «до свиданья» скажут, и вслед минут пять улыбаться будут.

– Хорошо хоть в живых остались, – добавил Гриша.

Мигель шутку оценил, рассмеялся, блеснув белизной зубов.

Кафе было оформлено в приглушенно красном цвете и свете, на стенах – картины с лебедями и горными пейзажами. На столах – вазы с искусственными розами красного цвета. Для Гришиного глаза было не привычно, напоминало контору похоронного бюро; не хватает черных ленточек на атласных занавесах, – подумал он про себя.

Они сели в безлюдный угол, за дальний столик, чтобы не донимала музыка.

– Здесь хорошо готовят, – сказал Мигель. – У меня здесь знакомые.

Официант не заставил себя ждать, появился с меню в руках.

– Не надо, – отодвинул меню Мигель и деловито сказал официанту: – Ты же знаешь. Как всегда. Ну и коньяка по сто грамм для начала.

Официант удалился, и Мигель, придвинув пепельницу, достал сигареты, закурил и предложил Грише. Он не отказался, хотя курильщиком не был, а курил так, в компаниях, для коммуникабельности.

– Ну что, дружище, – Мигель широко улыбнулся, – ты совсем не изменился. а прошло ого-го-го. Ну, рассказывай, чем занимаешься, с кем из наших общаешься?

– Ни с кем не общаюсь, – ответил Гриша. – Днем работаю, вечером домой, а дома – больше телевизор... – Гриша сразу дал понять, что человек он не слишком занятой и «для дела» сгодится.

– А помнишь, – Мигель начал перебирать фамилии однокурсников, – Петухова, нет, нет, подожди, Зайцева. А еще – Котова... Его все время преподаватели шпыняли...

– Ты даже это помнишь? – удивился Гриша. – Тебя практически никогда не было на занятиях... А с Котовым я несколько раз сталкивался, по работе. Мы же с ним по специальности пошли сначала, не как ты...

– И где же вы с ним сталкивались?

– Однажды приехал на один рыбный завод, смотрю кто-то в халате знакомый мелькает. Пригляделся – Котов!

В это время подали шашлык и коньяк, и они тут же забыли про Котова.

– Настоящий шашлык из баранины, такой в Москве больше нигде не подают, – угощал Мигель.

– Сейчас вообще нормального шашлыка не бывает, – подхватил Гриша. – Я на одном складе был, у барыги (он имел в виду Соломоныча), препарат видел... Этот препарат из обрезков мяса, жилы в куски превращает, от настоящего не отличишь...

– Вот где сила науки! – воскликнул Мигель. – Сколько же на этом заработать можно!.. А вообще-то Москва меня напрягает. Здесь все только о деньгах думают. Деньги – всё... Вот у нас дома (где именно, Мигель не уточнил, а Гриша не стал выяснять), если праздник так праздник, работа так работа. Когда праздник – люди обо всем забывают. А свадьба – неделю гуляют. А у вас скоро хоронить между делом будут.

– Да, – согласился Гриша, – а то и вообще похоронить забудут... Я такой случай знаю: бабка померла в деревне зимой, так ее только весной обнаружили.

– А родственники что же?

– Сыновья, говорят, были в городе. Но они еще раньше бабки умерли. Мужики пьют как лошади, умирают рано.

– Это я заметил, – сказал Мигель. – Вот у нас и коньяк, и вина в бочках – хоть залейся, а так не пьют.

– У нас жизнь тяжелая, – заметил Гриша.

– Правильно, – подхватил Мигель, – если все время о деньгах думать, так и подохнуть не долго. Деньги здесь душу выедают, как болезнь... Я недавно дома был, все вроде хорошо, вокруг горы, природа красивая, мама, братья, всех рад видеть, а мысли все равно в этой Москве остались. Думал, как там дела, как там деньги? Думал, думал, противно стало, раньше срока уехал.

– Тебе хоть уехать можно, а нам...

Мигель налил еще по стопке коньяку из графина. Гриша заметил у Мигеля на руке массивный золотой браслет.

– А ты, Расторгуев, никогда не думал уехать за границу?

Гриша был обескуражен вопросом: он с этой мыслью ложился и с мыслью этой вставал.

– Думал. И не раз, – стараясь быть абсолютно спокойным, ответил Гриша.

– Правильно! – обрадовался Мигель. – Давно пора подумать о себе. А не о других! Люди в большинстве своем – неблагодарные. О них думаешь, беспокоишься, а чем они тебе отплатят? В лучшем случае ничем, а то еще и нагадят... – Мигель поднял стопку. Гриша тоже поднял. – Ну, за нас давай, за наше будущее.

Грише тост понравился, и он охотно выпил, хотя удовольствия от выпитого не испытывал и даже не понимал, зачем люди вообще пьют. Но в Гришиной голове замаячила какая-то светлая перспектива, это внушало оптимизм.

Мигель заговорил уже совсем по-дружески, как с компаньоном:

– Я только об этом и думаю, чтобы уехать... У меня родственники во Францию два года назад эмигрировали. Там живут вчетвером в четырёхкомнатной квартире, нигде не работают. Они ждут получение вида на жительство. Так ты понимаешь, у них четырёхкомнатная – это по-нашему – пятикомнатная, еще зал с камином. Зал за комнату не считается.

– А почему не работают? – поинтересовался Гриша.

– Вид на жительство нужен, пока его нет, работать не имеешь права... – Мигель не то чтобы распялся, но повеселел: – Скоро, дружище, и мы с тобой так заживем. Я тебе помогу... Ты спросишь: чего это я тебе стану помогать? А я отвечу – нравишься ты мне, ты рассудительный, открытый. И ум у тебя такой, понимаешь, не тупой, как у них... – Он обвел пространство вокруг себя рукой. – В общем, я хочу тебе помочь, но ты и сам не должен терять даром время.

– Ну и что же мне делать?

– Пока ничего... Сейчас главное – чтобы меня там беженцем признали, пострадавшим. В мире самыми пострадавшими считаются евреи, вот принадлежность к ним мне и надо доказать. Как сделаю, это можно считать, успех обеспечен. Ну а уж после... – Мигель как бы предвосхищал Гришины вопросы, – займусь тобой.

После этих слов Мигель жадно принялся за шашлык, а Гриша закурил.

В этот вечер они расстались тепло, по-дружески. Гриша зашагал в сторону метро, отказавшись от предложения Мигеля подвезти его на такси.

Гриша любил оставаться в одиночестве и переживать какое-либо событие. С одной стороны, он был доволен встречей с Мигелем, с другой – пребывал в недоумении: чем Мигель может ему помочь? Он представлял себе семью Мигеля – огромная, шумящая, гомонящая толпа, вечно что-то жарящая, варящая, стирающая, а во главе всего этого кошмара – мать. И как он, человек тихий, может вписаться во всю эту публику. А Марина? Она вообще в обморок упадет при виде такого семейства. Но это были мысли дурные и неуютные Гришиному сознанию. Мечта шептала другое: идти надо проторенной дорогой, Мигель знает, у него там родственники... В этот момент Грише показалось, что его кто-то слегка, как бы вскользь, толкнул. Гриша огляделся, но никого поблизости не обнаружил, лишь в отдалении, у входа в подземный переход, милиционеры обыскивали полупьяного мужчину. Когда Гриша проходил мимо них, они подозрительно посмотрели в его сторону. Гриша зашагал торопливо прочь.

Гриша жил своей маленькой обывательской жизнью и не подозревал, что где-то в глубине различного рода процессов, не подвластных человеку и его разуму, для него готовился еще один бизнес-проект.

Готовил этот проект Виктор Соломонович. Вообще Гриша был падок до различного рода проектов, хотя иногда и сам не понимал, зачем они ему здесь, если он твердо решил уехать.

То, что Гриша падок до проектов, Виктор Соломонович, как опытный предприниматель, понял быстро. Незаметно для Гриши он его тестировал. То вопросик наводящий задаст. То о папе с мамой побеспокоится, мол, как они живут, наверное, нуждаются, ведь на пенсию не разгуляешься. То затронет Гришино воображение: словно Манилов нарисует картину будущей сладкой жизни там, дескать, так и будет, только работать надо, не бояться рисковать, действовать. Виктор Соломонович говорил так, что после беседы с ним Грише хотелось воскликнуть, но как действовать? – научи!

...Разговор состоялся между ним и Любкой после одного из Гришиных посещений. Соломоныч в за-тертом галстуке и пиджаке, который ему был давно уже мал, а рукава коротки, сидел за своим столом и потягивал чай. Любка тоже чаевничала, разместившись в старом облезлом кресле.

– Тяжелые времена грядут, – говорил Соломоныч. – Нам, Любаня, толчок нужен, импульс положительный, а то мы с тобой тут захиреем и дело наше накроется... Я, конечно, понимаю, что тебе наплевать, ты человек наемный, но тоже пойми, ты у меня больше пяти лет работаешь. Да и возраст уже у тебя... Куда пойдешь?

– Куда-нибудь устроюсь, – бодро ответила Любка.

– Рыбой на рынке торговать?

– Хоть бы и так.

– Потом эту рыбу назад притащат и в морду бросят... – зло сказал Соломоныч. – Вся рыба у нас тухлая или перемороженная.

– Мне, Виктор Соломонович, – сказала Любка, начиная обижаться, – к труду не привыкать. Я и торговать могу и, если надо, полы мыть.

– Про какие полы городишь? Ты послушай, о чем я говорю!

– Слушаю, – примирительно сказала Любка.

– Гриша к нам приходил, помнишь?

– Ну...

– Парень он неплохой. Он о проектах мечтает...

– Ну... – кивала Любка.

– Порошок для огнетушителей из Краснодара помнишь?

– Как его забудешь, весь склад забит, а покупателями и не пахнет.

– Надо его в дело пустить. Через Гришу... Пусть он с Куприяновым поговорит.

Любка захохотала.

– Да кто этот Гриша? Будет ли Куприянов его слушать?

– Ну, никто, никто этот Гриша, – вспльчиво отвечал Соломоныч. – Ну не тебя же мне ему в качестве любовницы засылать?.. Если порошок не продадим, то зиму не переживем. Поставщики нас съедят...

– Конечно, съедят, – поддакнула Любка.

– Ну так вот, – продолжал Соломоныч, – как только Куприянов переведет деньги, тут же отвезем ему весь порошок и сгрузим.

– Он деньги не переведёт, – вставила Любка.

– Согласен, на прямую не переведет, – нервничал Соломоныч. А когда он нервничал, то зачем-то выдергивал волосы из своих ушей... – Мы не можем заниматься подлогом и подставлять этого Гришу. Да и Гриша на это не пойдет. А вот через идею... Ты же знаешь, нашему человеку идея дороже денег... Изучал я этого Гришу и понял, чувствует себя парень недооцененным, обиженным.

– Это правда. Институт окончил, начитанный вроде, воспитания неплохого...

– А работает на должности гастарбайтера! – воскликнул Соломоныч.

– Он же вроде в офисе сидит?! – уточнила Любка.

– А что офис, – парировал Соломоныч. – Лет до сорока досидит, потом выкинут, и пиши пропало... Я уже побывал в этой шкуре. Думаешь, бизнесом от хорошей жизни занялся? – Соломоныч обвел руками пространство. – Ни больничных тебе, ни отпусков, ни зарплаты гарантированной.

– Вот, вот, – встrepенулась Любка. – А вы советскую власть ругаете.

– Ругаю и буду ругать, – резко возразил Соломоныч. – Ты говоришь, при коммунистах все были честнее и добрее. А где же все сейчас? Ты сама-то с ближним хоть раз чем-то поделилась?

Любка тяжело вздохнула.

– Раньше жили беднее, но все равно не так... Если к тебе гости придут – последнее отдашь. Я на днях

в газете прочитала, как в детском доме над детьми издеваются. Дети там живут, света белого не видят, всеми брошенные, а их еще бьют... А начальство имущество прикарманивает. Такого не было раньше! Трудно было и в войну, и после... Дети работали за взрослых, и воевали, и никогда мысли не было, чтоб над ними издеваться... – Любка опять тяжело вздохнула. – Не верю я в эту вашу затею с Гришей.

– А ты поверь! Подумай! Предложи что-нибудь дельное! – настаивал Соломоныч.

7

Подводя итог встречи с Мигелем, Гриша испытывал двойственное чувство. С одной стороны, он ожидал большего: хоть какого-то участия в бизнесе с реальными деньгами. Но с другой стороны, Мигель предложил ему дело, о котором он мечтал все эти годы, наконец-то у него появлялся единомышленник. Но материальные отношения с Мигелем его пугали, как нечто неизведанное и непонятное. Нужно было всё обсудить с Мариной.

В подъезд своего дома, как и любого другого московского дома, Гриша заходил осторожно: мало ли кто за дверями стоит. В детстве, в районе, где они жили с родителями, приходилось попадать в неприятные ситуации, когда за парадной дверью стоял какой-нибудь местный хулиган или еще хуже – группа хулиганов, – и тогда жди чего угодно. Ладно, если просто пинка получишь, а то чего и похуже...

В лифт Гриша заходил с не меньшей осторожностью – он сперва осматривал кабину: нет ли тут мочи на полу, а уж потом заходил и обращал внимание на кнопки. Нажимал лишь после того, как убеждался, что они не оплеваны и не увешаны соплями.

Квартира Марины была на четвёртом этаже. Он переехал к ней после свадьбы от своих родителей и находил Маринин район гораздо более интеллигентным, чем свой, но все равно детская привычка остерегаться осталась.

– Ой! А где это мы так долго ходим, – с деланным неудовольствием на лице произнесла Марина, встречая Гришу в прихожей. Не дождалась ответа. – А у нас гости.

На кухне сидела Маринина подруга Света, на столе лежала пачка сигарет и стояла початая бутылка вина и два полупустых бокала.

– Давно не виделись, – поприветствовал Гриша Свету, скрывая недовольство, ему хотелось поговорить с Мариной по поводу Мигеля.

– А мы вот тут винишком балуемся, – игриво сказала Света, сужая глаза и поправляя рыжую крашеную челку.

– Ужинать будешь? – спросила Марина.

– Не буду, уже сыт, – ответил Гриша, наливая себе бокал вина.

– И где же это?

– В ресторане! – Гриша отпил вина, подумал: какая-то кислятина непонятного производства.

– Ужинать в ресторане – это круто, – заметила Света с притворным восхищением.

Света – мать-одиночка, но по жизни не унывала. Глядя на неё, Гриша думал о том, что хорошо быть душой... А может, она вовсе и не дура? Цели у нее понятные, земные, немножко животные... А тут чего-то задумаешь – только голову напрягаешь, психика страдает. Но ведь и Светкой стать тоже невозможно. Душу не переменишь. Впрочем, душа это чисто русское изобретение, о ней в романах пишут.

– А чего вы ребенка не заведете? – слова Светки прервали отстраненные Гришины мысли о русской душе.

Вопрос, казалось бы, простой: есть дом, есть семья и, действительно, не хватает ребенка. Но Гриша не знал, что ответить. Он виновато посмотрел на Марину, потом уныло – на Светку, проговорил:

– Да нам и так тесно. Всего одна комната... Зарплаты маленькие...

– Ну так ты старайся, зарабатывай! Ты же глава семьи, – заявила Светка.

Вот привязалась, подумал Гриша, зарабатывай. Слово какое-то идиотское, много она видела тех, кто заработал. Чтобы закрыть тему, Гриша сказал, улыбнувшись через силу:

– Мы подумаем.

У Светки зазвонил мобильник, и она с кем-то елейно заворковала. А вскоре стала быстро собираться: по-видимому, ее кто-то ждал. Ну и слава богу, что свалила, подумал Гриша, а Марине сказал:

– Чего она суется в чужую жизнь и городит...

– Почему городит? – оборвала Марина. – Какая семья без детей? Для женщины ребенок – это главное.

– Но мы же хотели уехать отсюда!

– Это ты хотел.

– Ну, я хотел, – вскипел Гриша. – Я, я, не ты же! Потому что я трезво смотрю на вещи! Какое нас

здесь будущее ждет? Работа за копейки, нищая старость... А ребенок? Ты же его в детсад приличный не сможешь устроить, в школу нормальную. А подрастет и будет: мам, этому мотоцикл купили, этому машину, а мне? А ты что будешь отвечать? Не знаешь? А я знаю. Ты будешь отвечать: это к папе, он глава семейства, он у нас за деньги ответственный...

Марина выслушала Гришин монолог отрешенно, смотрела куда-то в угол. Гриша решил смягчить атмосферу, миролюбиво сказал:

– Вот уедем, и ты сможешь там спокойно родить...

Марина как будто очнулась:

– Мы никуда не уедем.

– Почему?!

– У нас нет денег. А без денег ты нигде не нужен.

– Почему не нужен?! Я университет закончил. Я хорошо учился. Должен же хоть где-нибудь пригодиться! Это здесь образование не нужно, здесь, наоборот, чем хуже, тем лучше, а там образование ценят.

Марину взглянула на него равнодушно, потом взяла сигарету из пачки на столе и закурила. Гриша решил, что о Мигеле в этот вечер с ней вообще не стоит говорить.

– А что, Светка замуж собирается? Как будто с женихом говорила по телефону? – спросил Гриша.

– Собирается, – ответила Марина, выпуская порцию сизого дыма.

– И кто же он? – поинтересовался Гриша. – Бизнесмен наверняка?

– А что ты насмехаешься? – фыркнула Марина. – Предприниматель, у него свой бизнес. Машину ей подарил новую.

– Ого, – сказал Гриша. – Наверное, бандит?

– У тебя все бандиты... Главное – у него денег много.

– Подумаешь, денег много. А если он ее убьет?

– Дурак ты, Расторгуев! Он ее любит.

Перед сном Гриша лежал и думал, что какой темы ни коснись, все сводится к деньгам. Вот и все разговоры с Мариной в последнее время заходили в тупик, ибо упирались в деньги, коих у Гриши практически не было.

8

Зима уже основательно закрепилась в столичном регионе. Морозы день ото дня усиливались, и жижа на улицах рассосалась сама собой. Форма одежды у прохожих окончательно сформировалась как зимняя. Молодежь по-прежнему, как и во все времена, старалась одеваться легко, не боясь оказаться на больничной койке. Хотя медики регулярно предупреждали о все новых и новых видах простуды и всяческой заразы, иногда местного происхождения, а иногда завезенной мигрантами со всех уголков бывшего СССР. Причем даже знакомый Грише грипп, его близкий друг и спутник со школы, протекал как-то необычно, даже зловеще, огрызаясь на традиционные методы лечения...

Люди старшего поколения одевались в основном бедно, безвкусно и убого; у многих – вещи, купленные еще при коммунистах или во времена ранней перестройки, некоторые – были получены по каналам гуманитарной помощи. Угрюмые, серые лица, беззубые рты с редкими пеньками гнилых зубов... Когда по телевизору показывали поочередно кадры из нашей и из заграничной жизни, Гриша говорил Марине: «Смотри, наших всегда отличишь. Что жизнь с людьми делает! Раньше, если такие и были, их хотя бы по телевизору не показывали. Уж лучше бы передовиков производства...»

Часы переводились на зимнее время. Вставать утром на работу было тяжело, колотила какая-то внутренняя дрожь, а осознание неотвратимости движения на работу придавало ногам тяжесть, мыслям – отупение.

Раньше Гриша любил зиму. Зимой был Новый год и новогодние каникулы. Новый год – это, конечно, подарки. Подарки были скудные и примитивны, но тогда даже мешочек с орехами, найденный под елкой, доставлял такую радость, о которой сейчас люди не имеют даже представления. Во как, решил Гриша, даже радость поменялась! Сейчас же Гриша к подаркам стал равнодушен, да и укоренившееся выражение: были бы деньги, сами бы купили, – не благоприятствовало развитию замечательной традиции, как, собственно говоря, ничего не благоприятствовало развитию и остальных традиций.

Гриша начинал понимать, что традиция – это признак полноценного общества, способ поддержания прежде всего его духа, традиция объединяет, позволяет разным людям осознать, что они единое целое в одной стране – нация. В России традиции рушились. Здесь странным образом переплелось старое

русское, менее старое советское, и новое российское... Переплелось и превратилось в клубок чего-то не очень ясного и не очень чистого. Словом, мухи вольготно жили в котлетах, а люди эти котлеты кушали, кто с аппетитом, но большинство все-таки с отвращением, – так размышлял Гриша.

На праздновании Дня Победы придумали привязывать на машины Георгиевские ленточки. Гриша не привязывал. Если привязать, думал он, значит, сказать тем самым – я вместе с вами, остальными, кто также привязал, мы с вами одно целое, у нас есть общее. Но он не понимал, что может быть общего у него, обывателя на старой «девятке», и у мордворота из дорогого джипа, который готов разорвать его на части, если случись чего...

Наступившая зима пока не сулила обывателям ничего веселого и радужного. Кроме разве что прогулок на свежем воздухе...

Раньше Гриша катался на лыжах по лесу, пока места, где проходила его любимая лыжня, не застроили домами, срубив при этом пол-леса. Гриша однажды попытался проехаться на лыжах на новогодние праздники, но его чуть не задавили пьяные орущие люди на снегоходах. Они вылетели невзвестно откуда, наполнив лес шумом, треском двигателя, криками. Они размахивали бутылками с шампанским, пили из горла на ходу. Одна девка, вылив себе в рот дозу шампанского, швырнула полупустую бутылку в сторону Гришиной лыжни, что-то прокричала, – похоже, новогоднее поздравление... Словом, катание было испорчено.

Учась в институте, Гриша однажды прогулял день занятий, чтобы побывать на лыжах в лесу. Народу здесь в рабочий день было мало, и лес встретил его такой тишиной, что гудело в ушах, а снег пышными гирляндами свисал с деревьев, и казалось, все пространство вокруг – это большая пещера, в которой, несмотря на зиму, тепло и уютно. Ближе к вечеру на опушке леса Гриша наблюдал закат зимнего солнца. Оно садилось за горизонт в бело-серое марево, освещая зимние тяжелые тучи, напоминавшие какие-то загадочные башни древнерусского города. Гриша тогда думал: вот это Русь – былинная, изначальная, не тронутая прогрессом. И на душе у него было спокойно.

Где теперь эта Русь? – думал Гриша. Девка с бутылкой шампанского на снегоходе? Где царь, его отеческая забота? Нынешний царь к себе в подданные выбирает каким-то особым образом... На душе у Гриши уже не было былого спокойствия.

...Незадолго до Нового года Гриша был приглашен Куприяновым на разговор, усажен в кресло напротив начальника.

– Сразу скажу: дело ответственное, – начал Куприянов, важничая. – Иных у нас не бывает!.. Поезжай к нашему другу, Виктору Соломоновичу, посмотри, что там за порошок. Он нам его отдает дешево. Надо выяснить, откуда эта щедрость. Дело важное, ибо в случае чего этот порошок по тендеру пойдет на государственные поставки. Понял, чем пахнет?

– Понял, – ответил Гриша. – Чего не понять. Я поставки из Магнитогорска хорошо запомнил...

Куприянов потянулся в кресле. Кресло заскрипело под его тяжестью, и он, заведя руки за голову, довел до крайней степени натяжку пуговиц на животе.

Гриша помнил, как пару лет назад Куприянов создал подставную фирму, где Гриша в принудительном порядке стал и генеральным директором, и главным бухгалтером. Через эту фирму Куприянов провел некий товар, закупленный в Магнитогорске по одной цене, а продал государству по цене втрое дороже. Афера раскрылась, и Гриша как генеральный директор, был вызван на допрос в соответствующие органы. Ощущения от этого допроса Гриша запомнил на всю жизнь.

Юркий следователь с реденькими волосиками на голове и блеклыми глазенками часа два мурзил Гришу, задавая вопросы один глупее другого и выводя что-то на листе бумаги корявым детским подчерком. В каком году родились? Место рождения? Какую школу заканчивали? Гриша не понимал, какое это отношение имеет к порошку из Магнитогорска. Вопросы следователя напомнили сцену психологической атаки на немецкого антифашиста, которую Гриша в детстве слышал по радио в одной из популярных тогда радиопостановок. Следователь, очевидно, гестаповец, с упорством фанатика пытался выяснить у подопечного, в каком году родился доктор Геббельс. Свои вопросы он повторял неоднократно, бедняга антифашист ответа, как видно, не знал, поэтому следователь то орал, то становился вкрадчивым. А так как результат допроса был известен ему заранее, то не иначе как самолюбованием с его стороны это действо ничем другим быть не могло.

Так и в случае с Гришей. Он по второму кругу отвечал на одни и те же вопросы, пока не вошел другой следователь, видно, старший не только по возрасту, но и по званию.

– Ну вот что, Расторгуев, – начал старший следователь, седоватый мужчина в сером костюме с отливом, – ты нас сам-то мало интересуешь, мы знаем, ты пешка, лицо подставное. Нам нужны люди из

госструктур, кто подписывал, одобрял, кто деньги переводил, давай, ты нам все это быстренько расскажешь и дуй своей дорогой.

Гриша, почувствовав надежду на спасение, закивал. Но обстоятельного разговора не получилось, так как все документы на подпись возил только Куприянов лично, Гриша при каких-либо подписаниях не присутствовал. Об этом он и сообщил следователям. Перед допросом Куприянов предупредил его «не распалаться», а говорить помягче, поглаже, понимая, что и его зацепят. Чем дело кончилось? – Гриша не знал, но от него отстали. Куприянов после этого случая долго не мог поменять машину. Видно, в копеечку встало...

Гриша вышел из кабинета начальника в деловом настрое и перед поездкой к Виктору Соломоновичу решил зайти в буфет, попить чаю на дорогу. В буфете он застал неожиданную картину. За столиком сидели Строков и Вика и о чем-то мило беседовали.

Эта сцена вызвала у него легкое недоумение: Гриша считал Строкова каким-никаким другом, а Вику – душой... Строков с Викой тоже были слегка удивлены, увидев Гришу в столовой с утра. Гриша взял чай и присоединился к компании.

– Вот решил на дорогу чайку попить, еду к Соломонычу, Куприянов посылает, – сообщил Гриша.

Строков хмыкнул:

– Он уже раз тебя, кажется, подставил с Магнитогорском... Ни стыда, ни совести.

– Я теперь ученый, – ответил Гриша. – Но ты прав, эти люди в себе умудряются совесть побороть...

– Я бы не смог, – заявил Строков.

– Ты не сможешь, потому что не начальник... – включилась в разговор Вика. – А был бы начальником, смог бы...

– Эти люди как будто какой-то отбор проходят, – сказал Гриша. – Будто бесы их тестируют, а потом начальниками назначают. У него в глазах только деньги.

– Еще бабы, – добавил Строков.

Вика хмыкнула. Строков посмотрел на нее многозначительно:

– Он ведь к тебе тоже клинья подбивал. Чем у вас дело кончилось?

– Ничего особенного, – небрежно бросила Вика. – Переспала с ним пару раз.

Строков нервно засмеялся:

– Ну и как, понравилось?

– Понравилось, скажешь тоже... Жирный потный урод.

– Ничего, зато теперь тебя Куприяша с работы не уволит...

Грише этот разговор был неприятен: как они могут обсуждать это! Да и Строков, кажется, с Викторой встречается...

– О какой ерунде вы говорите, – сказал Гриша. – Я думал, вы тут что-то высокое обсуждаете, театр или кино.

– А я была на той неделе в кино, – похвасталась Вика.

– Какую-нибудь глупость смотрела, – вставил Строков.

– «Любовь под пальмой» называется. Очень романтично, – загадочно произнесла Вика, не обращая внимания на колкости Строкова.

– Мне кажется, сейчас вообще любви нет, – сказал Гриша.

– Правильно, – подхватил Строков. – Сейчас одна любовь – к деньгам. Без денег какая любовь: сидеть дома и смотреть друг на друга. Так никакая любовь долго не протянет, сначала возненавидят друг друга, а потом в глотки вцепятся...

– По-моему, ты сужаешь понятие любви, – не согласился Гриша. – Любовь это не только чувство между мужчиной и женщиной.

– Да все это один хрен, – не унимался Строков. – Денег нет – белый свет не мил. Нам в школе что говорили: любовь к Родине... Как же, сейчас. Только эта Родина одним всё дает и задарма, а другим кость обглоданную... Я в армии служил, хронических болезней заработал, а сосед мой откосил, за деньги. А у моих родителей денег не было, вот и отправился я на два года в казармы. А дослуживал у генерала на даче, ворота открывал.

Вика усмехнулась:

– Генералу не стыдно прислуживать, это не полковник.

– Да много ты понимаешь, – резко сказал Строков.

– Ну и ладно. Пошла я работать, – сказала, вставая, Вика.

Строков виновато поплелся за ней. Гриша про себя подумал: Андрей Строков парень все-таки не плохой, но зря он перед Викой так оголился; у нас слабых и униженных не любят, особенно девушки.

9

По дороге к Соломонычу Гриша зашел в книжный магазин.

Он с детства любил книжные и сувенирные магазины. Книги притягивали многообещающими, иногда заковыристыми названиями и фамилиями именитых авторов. Гриша думал, вот было бы здорово их все перечитать, – так бы и читал, и читал где-нибудь в уютном домике на берегу красивого озера. В домике непременно был бы камин, в котором потрескивали бы вечерами дрова, а в углу стояли бы удочки, и их вид дополнял бы общую картину покоя и уединения. Да и еще чтобы вокруг было как можно меньше народу.

А глядя на разные сувениры, предметы старины, часы, вазы, ковры, подставки, картины, Гриша думал, как бы он разместил их в своем домике, а потом любовался бы всем поочередно, чем-то издалека, чем-то перекладывая из руки в руки, чем-то гордясь, что это у него есть. После подобных экскурсий Гриша был умиротворен и даже на какое-то время обнадежен, что не все так плохо и что свою мечту он осуществит непременно.

В этот день, однако, его благодать была нарушена случаем на перекрестке. Автомобиль сбил женщину. Насмерть. Гриша подошел посмотреть, хотя не раз зарекался держаться подальше от подобных происшествий. Женщина лежала недвижимо. Лицо было прикрыто какой-то материей, а вокруг растеклось бурое пятно крови. На тротуаре собралась небольшая толпа. Мужчина в потертом картузе говорил, что белая иномарка после наезда скрылась, номер был не виден из-за налипшей грязи. Другой мужчина в вязаной шапке темно-синего цвета уверял, что машина была не белая, а серебристая. Женщина в темном клетчатом платке сокрушалась:

– Вот горе! Жила себе жила, никого не трогала, детей растила, за родителями ухаживала... И за что? Доколе же нам, простым людям, только горе будет. Вот и милиции уже сколько нет. Ни милиции, ни «скорой». К депутату давно бы съехались...

О преступнике за рулем говорили мало, будто он был эфемерным инструментом в руках случая; никто не рассматривал юридический аспект случившегося, как будто кары за это беззаконие и не предполагается. Наблюдалось общее тяжелое смирение, будто мрачное московское небо давило на людей, парализуя их волю. Гриша решил более не присутствовать здесь, пошел своей дорогой, обуреваемый тяжелыми мыслями. Смерть – или известие о ней внезапны, оттого и неоспоримы, с каждым днем человек ближе к смерти на шаг... Иногда он это осознает и тогда пытается что-то предпринять, изменить судьбу, но вскоре забывает об этом... Ничего не изменить, – тяжело думал Гриша. Он даже ощущал, как голова тяжелеет, болит. Эх! была бы такая сила, которая голову освободит от всех мыслей и жизнь начнется с чистого листа. Но всё начнется уже не здесь, а где-то далеко, подальше отсюда, где другая атмосфера, приятные лица, – там, где идут дожди над Касабланкой...

– Садись, Григорий, чай наливай, у нас самообслуживание. Любка ушла в налоговую. Я один, – радостно встретил его Соломоныч.

– На перекрестке женщину сбили, – сказал еще не отошедший от переживаний Гриша.

– Она не в плаще, в черно-белую клетку?

– Нет, она в пальто была...

Соломоныч рассмеялся:

– Ну, значит, это не Любка... – и перешел к делу: – Правильно, что Куприянов тебя прислал. Ты в его тухлой конторе самый толковый, остальные – ни рыба ни мясо. Ты ведь надеждой живешь, что когда-нибудь выберешься отсюда. Я по глазам твоим вижу, в них томление, а не отупение, как у многих. Но чтобы нам с тобой пробиться через стену всеобщей безысходности, мы должны сражаться каждый день за наше место под солнцем! – такой тирадой начал Соломоныч, а главное, продолжал в том же духе: – Ты возьми героев русской литературы перед революцией. Да они с жиру бесились, народ горбатил, дох, а они философствовали. Давайте, дескать трудиться, работать, а для чего, чтоб от скуки не сдохнуть. – Соломоныч ослабил галстук на толстой шее, перевел дух, продолжил: – Тут не знаешь, как семью прокормить, а они не знали, чем себя занять, от этого и революция. В итоге получили пинка под зад и остались ни с чем. А нам, нормальным людям, надо жить во всем этом... Я сыну говорю: учись, учись... А что толку? Ну отучится он и куда? На склад вместо Любки?

– А что ж вы его за границу не пристроите? – спросил Гриша.

– Там тоже не все так просто, – сказал Соломоныч. – Мы там тоже чужие, здесь чужие и там чужие.
 – Там-то, понятно, – вставил Гриша. – А здесь мы сами себе жизнь создали такую..
 – Здесь дело в душе, в человеке...Так вот уезжать отсюда надо не за длинным рублем, это бесполезная трата времени. Уезжать надо тогда, когда на улицу тебе тошно выходить будет, когда все эти морды... – Соломоныч очертил рукой вокруг себя, – невыносимо видеть будет. – Он немного помолчал, глядя в окно. – Я ведь жил в Америке, эпизодически, пару лет в общей сложности. Больше не смог. Там свои устои, сложившиеся десятилетиями, столетиями. Если Билл вел дело с Джоном сто лет назад, то и их дети между собой дела ведут, и внуки будут вести, а постороннему в их отношения влезть очень тяжело. Соломоныч взглянул в глаза Грише. – Ты сам-то чем, кроме денег, интересуешься?

Гриша заерзал на диване, промямлил:

– Читаю, язык иностранный учу.

– Это хорошо, – одобрил Соломоныч. – Я говорю своему сыну, давай съездим летом в Америку, поживи, язык поучи, у меня там знакомых много... Не хочет, с девушкой связался. А я против! Кто в восемнадцать лет с девушкой здесь связывается, вообще человек конченный. Ты знаешь, наглые такие, мол, я есть, а ты меня обеспечивай. А парни, молодые, горячие, самцами хотят себя ощущать, а этим только это и надо... Так в бытовухе и погрязнешь.

– Я с вами на сто процентов согласен, – кивнул Гриша. У него даже мелькнула мысль: если б не Марина, завтра же собрал бы чемодан и только его и видели.

– Вот, вот, – продолжал Соломоныч, – борщами да котлетами задавят все светлое.

Тут у Гриши зазвонил мобильник, Куприянов интересовался, добрался ли Гриша до Виктора Соломоновича и как идут переговоры. Пока Гриша говорил с начальником, Соломоныч извлек из стола увесистую папку.

– Куприянов донимает? – спросил Соломоныч, подавая увесистую папку Грише. – Понятно. Здесь сертификаты и прочие документы на порошок. Изучай. Потом на склад пройдем. Покажу товар.

Документы лежали вразнобой, не в хронологической последовательности. Странно, подумал Гриша, Любка вроде аккуратная, а в делах – бардак. Пока Гриша копался в бумагах, Соломоныч тоже шелестел какими-то документами. Наконец Гриша кашлянул и закрыл папку.

– Ну как, закончил? – спросил Соломоныч.

– Вроде все в порядке, – заключил Гриша, хотя, чтобы во всем разобраться, требовалось куда больше времени.

– Тогда пойдем на склад.

Через пару минут они шагали по огромному складу, где двигались большие и маленькие кары, снова-ли люди и повсюду лежали товары. Плюгавый мужичок на каре, шутя, изобразил наезд на Соломоныча.

– Здорово, старый змей! – сказал мужичок.

– Ты видишь, я занят, – взбрыкнулся Соломоныч.

– Ты всегда занят, – сказал мужичок. – Когда платить будешь?

– Разве Любка с тобой не расплатилась? – изобразил удивление Соломоныч.

– Сказала, ты денег не даешь...

– Безобразие! – вспыхнул Соломоныч. – Ну она придет, я ей устрою. – И Соломоныч поскорее пошагал от мужичка. А тот крикнул вдогонку:

– Смотри, старый змей, до пятницы жду!

Когда отошли подальше от карщика, Соломоныч вздохнул:

– Тяжело в этой стране руководить. Я все думаю, как Петр Первый город такой на болоте построил? Как сумел всю эту шатию-братию организовать? Фантастика!

Они подошли к огромной клети, где хранился порошок. Соломоныч извлек из кармана пиджака ключ и отпер ворота.

– Вот смотри, – предложил он Грише. – Как говорится, товар лицом. – Они шли вдоль ряда хорошо складированных тугих мешков. Соломоныч остановился у раскрытого, запустил внутрь мешка руку. – И рассыпчатый-то какой! Первый сорт!

Гриша руку совать в мешок не стал, хоть ему и было предложено. Сегодня он надел новую куртку, купленную для него Мариной на распродаже, – мог попачкать рукав.

они шумели и ругались, возможно, даже была пьяная драка. А жил он даже не отдельно, а за фанерной перегородкой с дверью, так что вдобавок стояло марево из сигаретного дыма.

В дверь кто-то постучал. Мигель услышал мужской хриловатый голос:

– У тебя опохмелиться есть? Трубы горят, аж дышать нечем.

Мигель не утруждал себя ответом, только выругался. Алкаш удалился. Потом Мигель появился на кухне, где был и его утренний собеседник.

Сосед Валера работал водителем на самосвале по вахтовому графику. Состояния у него было два: запой и незапой. За баранкой – не запой. Все остальной время преимущественно запой. Вместе с ним в комнате жила его гражданская жена и дочка лет восьми.

– Ты мне скажи, – говорил Валера, наливая в стакан водку, раздобыл где-то, – как мне не пить, ну как? Я, когда не пьяный, кого-нибудь убить могу. А выпью, даже любить людей начинаю.

– Тебе лечиться надо, – сказал Мигель.

– А я лечился. – Валера опрокинул в себя стакан, сморщился, потом закурил. – Лечился, толку нет. Душу-то мне не вылечили. Врачам только деньги давай... Болезнь, она здесь, – Валера постучал пальцем по голове. – Я раньше каждый год лечился. Подержат в больнице, вроде все хорошо, а за ворота выйду, туда-сюда гляну – и страх.

– Откуда страх-то? – спросил Мигель.

– Страх не докладывается, страх ниоткуда приходит, – утверждал Валерий. – В больнице всё нормально, тихо так, птицы на душе поют. Весной на скамейке сидишь, соловья слушаешь, детство вспоминаешь... Я бы там остался, но жена, дочь.

– Да им без тебя лучше, – хмыкнул Мигель.

Валера насупился, потом поднял красные глаза на Мигеля и сказал:

– Знаю, что лучше им, а я без них не могу... Вдруг кто обидит. – Он угрожающе посмотрел на Мигеля. – Я зачем сюда приехал? Чтоб с голоду не подохнуть, чтоб заработать здесь, для семьи...

– Сюда все тянутся, – произнес Мигель.

– Я б в деревню, к себе на родину, поехал – тянет, да там делать нечего.

– А кто у тебя в деревне?

– Мать... Если жива.

– Ты даже не знаешь, жива ли мать? – присвистнул Мигель. – У нас кто мать забудет, проклянут навеки. Валера этих слов вроде бы и не услышал, тихо, загадочно сказал, подняв над столом увесистый кулак:

– Срок мой еще не пришел. Попусту жизнь проходит, а хочется дожать ее, чтоб не растекалась. Сохранить для чего-нибудь. Для чего – не знаю.

– Ты бросай бухать. У тебя жена, дочь, мать... Бога бойся, – убеждал Мигель.

– А я думал, его нет, – заявил Валера, опять принимаясь за бутылку. – Вот ты мне объясни, его же нельзя потрогать, пощупать, ну на худой конец разглядеть. Все говорят Бог, Бог, а я слушаю и мне тошно становится, сами подумайте, даже если он есть, зачем вы, уроды, ему нужны?

– Ты ерунду говоришь, – оборвал Мигель. – Без Бога мы брошенные, никому не нужны. Если сегодня сказать, что Бога нет, то завтра просыпаться незачем... Да ты вроде и сам молишься?

– Не верю, а молюсь, выхода у меня другого нет... Нет у меня семьи, дочь есть, жена есть, а семьи нет. Денег нет. Дома нет, а без этого какая семья, какой я хозяин без этого...

– Это верно. Без семьи кровя быть не может, – сказал Мигель. – Вот мы жили в большом доме, много детей у отца было, братья, сестры. Все жили по одному закону, слово отца – закон. Когда его не стало, слово матери – закон. Дом нас всех объединял... Дом – наша крепость.

– Что ж ты свою крепость на заграничные коврижки променять хочешь? – ядовито спросил Валера.

Мигель ответил не сразу, будто что-то обдумывал:

– Деньги позарез нужны. Мать хочу переправить «туда», к сестре, а то приболела она. Там медицина, уход, ну и все такое. Потом уж сам рвану. Приятеля вот хочу раскрутить.

– Мать вылечить, а человека обобрать? – спросил Валера.

– Потом деньги верну. Я его с собой «туда» возьму.

– Странный ты, – сказал Валера. – Чего ты к этой загранице привязался? Придумал бы чего попроще...

– Новую партию, что ль, создать?

– Правильно! – ободрился Валера. – Ты лидер. Я заместитель. «лохи всех стран, объединяйтесь!»

– Зачем мне лохи? Мне нормальные нужны. Лохами я по горло сыт, – сказал Мигель и вышел.

11

Однажды Гриша увидел уличную рекламу. «Адвокаты из Канады. Помощь в эмиграции». Гриша записал адрес. Надо зайти. На Мигеля надейся, а сам не плошай.

Огромное офисное здание было пустынным. Лишь на первом этаже стояли три здоровенных мужика-охранника в костюмах и при галстуках.

– Вы к кому? Вам назначено? Паспорт давайте!

Один из охранников, изучив документ, внес запись в «амбарную книгу».

В коридоре Гриша не встретил ни души. Только в одном из офисов слышался разговор на повышенных тонах.

– Верните деньги! – требовала какая-то дама.

– Женщина, не конфликтуйте, все согласно договору, – увещевал оппонент.

– Я подам на вас в суд!

– Подавайте... – тут дама сорвалась: – Воры и аферисты, верните деньги!

Гриша постучался в нужную дверь и слегка ее приоткрыл. Его взору предстал стол посреди комнаты, за ним гладко выбритый мужчина средних лет, лысый. Гриша не любил лысых, они производили на него впечатление неопределенности и раннего возмужания, а следовательно, старения, и это было грустно.

– Слушаю вас, – сказал лысый, уставив на Гришу маленькие хитрые глаза.

– Хотел бы узнать поподробнее, что предлагаете, – начал Гриша.

– Ну, для начала представляюсь – Роберт. А вы?.. Ну что же, Григорий, я не буду спрашивать вас о причинах, побудивших к этому шагу. Причины очевидны. Вы на верном пути. Когда-нибудь любой мало-мальски здравомыслящий человек в этой стране приходит к этому пониманию. Поэтому готов предложит вам путь наименьшего сопротивления, а именно, скорейшую легализацию вас и членов вашей семьи в Канаде через организацию собственного бизнеса. – Роберт говорил очень гладко и уверенно. – Стоит ли описывать все плюсы проживания в Канаде? Думаю, нет. Отмечу лишь мощную социальную поддержку, прекрасную экологию и высокий уровень жизни. Но для того, чтобы попасть в эту замечательную страну, вам нужны основания и этим основанием будет ваша собственная фирма. Все организационные вопросы мы берем на себя.

– Сколько? – негромко спросил Гриша.

– Конечно, стоимость наших услуг – важный фактор. – Роберт начал что-то искать в ящиках своего письменного стола. Пока он рылся, Гриша окинул кабинет взором и почти ничего в нем не обнаружил. Кроме этого стола, где рылся Роберт, и ноутбука на нем же, да еще пары стульев, здесь была пустота. – Вот наш прайс, – протянул Роберт Грише лист бумаги. Гриша бегло просмотрел его. Роберт комментировал: – Всё недорого. Пять тысяч долларов подготовка документов, перевод, заверения, плюс пошлины – небольшие, еще тысячи три-четыре... Сейчас в Канаде особенно хорошо, – как бы подразнивая Гришу, сказал Роберт. – Скоро Рождество. Все в огнях и гирляндах. Улицы по вечерам как из сказки... А снег, сама чистота и невинность. Дети на коньках, санках, лыжах...

– Хорошо, Роберт, – сказал Гриша. – Я возьму этот прайс с собой, можно?

– Можно, – безразлично ответил Роберт, как опытный менеджер он понял: перед ним не клиент.

Гриша неловко попрощался и удалился. Выйдя на улицу, Гриша облегченно выдохнул...

Вечерело. Тихо, словно в вальсе, кружились снежинки. Холода не чувствовалось, шагалось легко и бодро. Гриша шагал по набережной вдоль Москвы-реки и внезапно для самого себя свернул на маленький мостик. Река было замерзшая, лишь посредине проходила черная полынья. Вдалеке виднелся кинотеатр «Ударник», справа – башни Кремля. Над ними тоже порхали снежинки в золотисто-коричневом электрическом свете, и Гриша представил, что этот свет сейчас над всей Москвой, над центром, над спальными районами. Этот свет он помнил с детства. Свет проявлялся в преддверии Нового года и был виден из окна над улицами, магазинами, бегущей строкой электронного табло, которое было видно из окна их квартиры и на котором появлялись иногда названия городов: Ленинград, Архангельск, Благовещенск, Хабаровск... «Хм, Благовещенск? Где это? – думал он. – Там тоже люди, у них своя жизнь, свои семьи, свои родители... Параллельный мир, существующий независимо... Но благодаря этому табло они становятся ближе...»

Гриша пошагал дальше, анализируя встречу с Робертом, который колоритно описывал неведомую и далекую Канаду. Гришино воображение стало рисовать картину будущего: вот они с Мариной идут по хрустящему канадскому снегу, везя за собой на санках двоих детей, вокруг невысокие дома с приветливыми огоньками, редкие машины, редкие прохожие, ощущение покоя и неспешности. А с неба лазурный космический свет от луны и звезд. И всего несколько тысяч долларов. Их можно назанимать или продать что-то...

12

В конце декабря у Гриши на работе состоялся новогодний «корпоратив». Сотрудники компании были приглашены в ресторан отметить окончание календарного и трудового года. Грише идти не хотелось, – не хотелось видеть лишний раз рожу Куприянова и слушать длинные бестолковые речи, но идти нужно было обязательно: день был рабочий, лишь ради праздника укороченный...

Гриша пришел в ресторан при параде: темный джемпер с выглядывающим воротником рубашки, черные наглаженные брюки и начищенные туфли. При входе в зал, миновав охранников, Гриша сразу попал «в объятия» шефа. Куприянов встречал гостей, торжественно глаголил, типа: «А, Михаил Ваганыч! Добрый вечер! Спасибо, что пришли. В этом году мы неплохо поработали, надеюсь, в следующем укрепим наше сотрудничество». – и одаривал михаилов ваганычей фирменным пакетиком с логотипом компании и канцелярским набором: ручки, карандаши, блокноты – все с логотипом. Правда, Грише и другим подчиненным пакетики-подарки не полагались.

Гришу удостоил Куприянов вопросом:

– Как последняя встреча с Виктором Соломоновичем? – Гриша сготовился отвечать, набрал в грудь воздуха, но начальник остановил: – Ладно, потом, отдыхай пока...

В зал с накрытыми столами стали подтягиваться сотрудники. Все в разговорах отмечали излишнюю чопорность и напыщенность Куприянова. Гриша искал глазами Строкова. Андрей стоял в дальнем углу и курил, выпуская дым в приоткрытую форточку. Вид у него был потерянный.

– Ты чего не садишься? – спросил Гриша.

– Вику жду. Просила, чтоб встретил у дверей. Она цветы везет и подарок для Куприяши. От коллектива. – подчеркнуто произнес последние слова Андрей.

– От коллектива? Но я никаких денег не сдавал, – сказал Гриша.

Андрей хмыкнул:

– Не надо сдавать, бухгалтерия у тебя автоматом вычтет из зарплаты.

Гришу как током ударило, он выругался. Андрей швырнул окурочку в форточку.

– Ты как думаешь, – неожиданно спросил Андрей, кивнув в сторону Куприянова. – У него с Викой кончилось или еще продолжается?

– Да нужно мне об этих уродах думать! – вспыхнул Гриша. – Мы работаем, а они... – Он недоговорил. В нужный момент его всегда выручало какое-то врожденное чувство такта, предотвращая конфликты и столкновения.

Но Андрея последние Гришины слова все же зацепили. Он помрачнел, и Гриша понимал почему: запала ему Вика...

– Слушай, Расторгуев, ты вообще любил когда-нибудь? – напористо спросил Андрей.

– Любил, не любил, какая разница, – уклонился Гриша. – У меня в жизни другие цели.

– Все мечтаешь об отъезде? – иронически спросил Андрей. – Но ведь у тебя семья есть... Им это надо?

– Я буду счастлив, достигнув своей цели, и все, кто рядом со мной, тоже будут счастливы.

– Достигнешь, говоришь? А если не достигнешь, если ничего не сбудется, о чем мечтаешь? То все, кто рядом с тобой, будут несчастны? Много ты, Расторгуев, на кон поставил, – сказал Андрей. – А итог-то непредсказуем. Я вот живу сегодняшним днем и считаю, что прав. Вот Вику заполучу, и уже дело сделано...

– А не заполучишь? – спросил Гриша.

– Буду добиваться, пока не заполучу! – заявил Андрей. – Вот она, моя цель, тут рядом, близко, так что потрогать можно...

Гришу этот разговор угнетал. Под Новый год у него и так мысли роились в голове беспокойные. Новый год – время вольного-невольного подведения итогов. Молодость проходит. Зрелый возраст готовит тоску и безысходность, болячки и проблемы. Финансовые перспективы отнюдь неперспективны, ибо на службе начальник Куприяша, и на этом месте он будет до последнего вздоха, до смерти.

В ресторане появилась Вика. Андрей кинулся ей навстречу. Но Вика приехала не одна, с ней был худенький молодой человек с приятной улыбкой. Он нес букет, а Вика – коробку, очевидно, с подарком. Андрей, покосившись на ее спутника, подхватил коробку из рук Вики.

Когда все расселись, Сергей Анатольевич Куприянов держал речь:

– Дорогие гости и сотрудники компании! Позвольте мне поприветствовать вас на этом банкете, который стал возможен, в первую очередь, благодаря именно вам. У нас небольшой коллектив, но очень сплоченный, ведь чтобы выжить в условиях дикого капитализма нам приходится держаться друг за друга... Мы как древние аргонавты на корабле под стягом нашей фирмы плывем по житейским волнам к

нашему золотому руно. Пока оно у наших конкурентов. Но завоевать его дело нашей чести! Только после того как наше руно будет добыто, мы спокойно можем отдаться плюшевым объятьям заслуженной пенсии... – поэтично закончил свой спич Куприянов.

В этот момент Вика угодливо, будто по сценарию, спросила:

– Сергей Анатольевич, как вам удалось все это организовать, ведь такие времена тяжелые?

Куприянов выдержал театральную паузу:

– Да, было трудно. Иногда и ночи не спал, и в отпуска не ходил... – Он окинул присмиривший зал. – Некоторые молодые люди думают, что все с неба упало. Нет! За каждый заказ приходится зубами цепляться. Бывало, я по всей Москве выискивал, где можно заработать.

Грише в этот момент пришли на память слова Строкова о том, что у Куприянова всегда был блат, а тесть трудился во Внешторге. Грише стало совсем скучно. Он прикинул, что новогодние праздники длинные, а «годовая» премия крайне мала. Он давно планировал с Мариной на новогодние «каникулы» куда-нибудь съездить, желательно за границу, покататься на лыжах, отдохнуть, посмотреть на людей, но каждый год что-нибудь не клеилось. В основном из-за денег...

В этом году он опять никуда не уехал, навряд ли осуществит свою мечту и в следующем. А значит, и детей завести в ближайшее время – не судьба. Это, конечно, будет угнетать Марину. Но как только Гриша представлял, что Марина не будет работать, а расходов будет больше, его охватывал страх. Конечно, с голоду бы они не умерли, но расхожее выражение – «не хуже, чем у других» он презирал, как сугубо мещанское, пораженческое...

После Куприянова выступило еще несколько человек, но никому дела не было до этих слов, люди ели и пили... Андрей Строков при этом не сводил глаз с Вики, которая сидела за столом напротив возле своего молодого попутчика.

– Сейчас танцы будут. Уже аппаратуру налаживают, – сказала Вика и направилась к Куприянову.

Андрей воспользовался отсутствием Вики, обратился к парню:

– Ты кто?

– Я фотограф, – дружелюбно ответил тот.

– Мне плевать, кто ты по профессии. Что у тебя с Викторией?

– Ничего, я ее портфолио готовлю.

– Портфолио? – спросил Андрей. – Зачем ей?

– Это меня не касается, – безразлично ответил фотограф.

Тут Вика объявила в микрофон:

– Культурная часть мероприятия начинается. Танцы и караоке.

Грохот музыки заглушил все разговоры.

Гриша с Андреем вышли на крыльцо ресторана перекурить.

– По-моему, сегодня не твой день, Андрей. Этот фотограф для нее важнее...

– Конечно, важнее, – возбужденно сказал Андрей. – А когда мой день наступит? В день конституции или в день независимости? Мне хоть бы раз кто-нибудь с утра сказал: сегодня, Андрюха, твой день!

– Не кипятись. Дров еще наломаешь...

– А я и хочу чего-нибудь наломать! – в запале сказал Андрей. – А то все больно гладко.

– Это только кажется так, на самом деле очень ухабисто, – возразил Гриша.

Когда они вернулись в зал, уже кипели танцы. В мигании цветомузыки оживленная толпа прыгала и изгибалась, делала нелепые па и притопы. В центре сам Куприянов, неловкий, с начальницей отдела кадров, тоже неловкой. Поблизости от них – кассирша Раиса, которую побаивались все сотрудники из-за ее хамства, и главный инженер Михалыч, которого совсем не боялись... Чуть в стороне от всей толпы танцевали Вика и фотограф. Парень льнул к Вике весьма откровенно, руками то и дело дотрагивался до ее талии, а в какие-то мгновения просто обнимал ее как свою... Гриша с опаской посмотрел на Андрея. Лицо Андрея налилось краской.

Вскоре музыка оборвалась, кто-то остался в середине зала, кто-то направился к своему столу. Последующие события Гриша видел не в точности, он что-то упустил, не заметил всех движений Андрея. До момента, когда Куприянов дико заорал, держась за левую руку, все происходило будто молниеносно. Какое-то замешательство Андрея у стола, потом грохот, крик начальника, еще женский визг.

На помощь к Куприянову кинулись все присутствующие в зале. Он стоял бледный, кровь хлестала из руки. Охранник кинулся вызывать «скорую» и милицию. Андрей стоял на одном месте как парализованный, в руке у него застыл сервировочный нож; позднее он выронил нож, который звонко упал на каменный пол.

Приехавшие врачи установили, что у Сергея Анатольевича почти отрезан палец на левой руке, пострадавшего немедленно забрали в больницу. Андрея Строкова увезли в милицию. Приехавший следователь со странной дотошностью стал устанавливать картину произошедшего. Нагоняя на себя важность, он опрашивал всех сотрудников поочередно, деловито записывал показания на белые листы, затем аккуратно складывал их в черную папку. В результате опроса картина складывалась противоречивая, но в общем-то все склонялось к мысли, что это был несчастный случай. Андрей Строков, очевидно, в сердцах ударил ножом по столу, а Куприянов в это время стоял рядом, опершись как раз левой рукой об этот самый стол. Удар пришелся по его пальцу.

Женщины охали, мужчины пожимали плечами или разводили руками. Вика даже плакала. Ее успокаивал фотограф. Позвонили жене Куприянова, она была на загородной даче в двадцати километрах от Москвы; это известие застало ее за просмотром вечерней мыльной оперы. Досадуя, что прервали просмотр, она выехала в Москву.

На следующий день на работе только и было разговоров, что о происшествии с начальником. Кто-то сказал, что палец ему пришили, но еще с неделю он побудет на больничном. Это радовало, отсутствие шефа на работе – подарок всему коллективу. В потоке этой радости мало кто вспоминал про Строкова, было как-то не до него.

13

В канун Нового года у Гриши с Мариной в квартире отключили свет. Когда Гриша пришел с работы, обнаружил под дверью конверт с извещением. В нем было написано, что у них имеется задолженность по оплате услуг энергетической компании и так как задолженность большая, то им отключают свет.

В квартире было темно и как-то пустынно. Даже надоевший телевизор показался очень необходимым. Гриша вернулся на лестничную площадку, чтобы осмотреть щиток электроприборов. Тут же в коридоре появилась старушка соседка Надежда Ивановна:

– Что случилось?

– Свет отключили. Без предупреждения. Хотя мы регулярно платим.

Надежда Ивановна взмахнула руками:

– Отключают, чтоб потом взять деньги за подключение... У меня такое в том году было. Я с дачи приехала, а света нет... Я к ним поехала, они говорят: у вас лето не оплачено. Я достала платежки, показываю. Они смотрели, смотрели и говорят, но за подключение все равно придется заплатить...

– Так это же грабеж! – возмутился Гриша.

– Конечно. Только кто за меня заступится, я одинокая, мужа нет, сын умер. Я всю жизнь вкалывала от зари до зари, во время войны работала, болванки девчонкой на заводе таскала... У нас людей никогда не ценили. У меня и отец, и брат работали, муж работал... Все воевали, всех и не стало, кто от ран, кто от водки помер... Пили сильно. Но на следующий день вставали и шли на работу. Мужики были крепкие...

– А почему пили? – спросил Гриша.

– Из деревень выгнали, с земли... Земля честь давала, душу и тело врачевала. А в городе, в квартире, чего делать. Стол, диван, телевизор, а в деревне простор, река, лес... Так вот от тоски и запьешь. – На глаза старушки навернулись слезы.

– А с сыном что? – очень осторожно спросил Гриша.

– Приговорил он себя... Неинтересно ему было в этой жизни. Семьи не завел, в работе себя не нашел... А еще его в детстве смерть отметила.

– Как отметила? – изумился Гриша.

Надежда Ивановна горько улыбнулась:

– Раз гуляли мы с ним во дворе. Лето, жарко, во дворе – никого. Он у меня в коляске сидел. Вдруг откуда-то она появилась, баба толстая, огромная, а лицо бледное, землистое. Говорит: хороший мальчик, артистом будет, вот возьми на счастье – и протягивает ему монету. Миша мой ручки-то протянул, а я кинулась к нему: у чужих ничего не бери! Баба тут и говорит: кто чужой, а кто свой... Хочу, чтоб при мне все детки были, им без меня никак нельзя, у меня надежней... А ты, говорит, разбирай Божьи дела. Серебро – сорокам да воронам, а душу береги, там за нее больше дадут, за душу-то, за чистую. Сказала и скрылась. А я глядь, у Мишеньки в коляске монетка серебряная лежит. Я ее потом в сервант убрала. – Старушка передохнула. Гриша ее не торопил, внимательно смотрел на глубокие морщины, попутно думал: а все это поколение сильным было, крепким, не то что нынешнее... – Так вот. За два дня сижу я на кухне, вдруг на окно сорока села и в окно стук, стук. Я тогда не придавала этому значения, а через

пару дней с ним приступ, в больницу увезли в вечер, а оттуда он уж и не вышел... – Надежда Ивановна покачала головой. – Баба не простая была, оттуда...

На Гришу повеяло потусторонним холодом.

Чуть позже он забрался в электрощиток, оказалось, что всего лишь выключили рубильник, по всей видимости, для острастки. Он щелкнул тумблером, и в квартире вспыхнула люстра.

Когда пришла Марина, инцидент со светом был исчерпан.

– На новогодних праздниках идем на свадьбу! – радостно сообщила она. – Светлана замуж выходит... А потом они сразу в Париж в путешествие уезжают.

– Их там только не хватает, – буркнул Гриша.

– Ты как всегда в своем репертуаре, – махнула рукой Марина. – Нет бы за людей порадоваться!

В жизни Гриша много раз пытался радоваться за людей. Он воспринимал это как эксперимент, и у него никогда эксперимент не получался. Он пытался насильно заставить себя радоваться за других, его хватало на минуту-другую... Единственное, чему он искренне радовался: сообщениям из газет и от знакомых, что удалось спасти какого-нибудь ребенка, жизни которого угрожала опасность. Он считал детей существами абсолютно беззащитными перед реалиями жизни, а точнее – мерзостями жизни, которые уготовили им взрослые.

Перед сном, подумывая о будущем замужестве Светки, Гриша поймал себя на мысли, что никогда не слышал, чтобы простой честный хороший человек поехал отмечать какое-нибудь событие в Париж...

Нынешней ночью снились ему какие-то люди с красными лицами, они шумели, курили, плевались и ругались матом. Потом привиделась соседка Надежда Ивановна, которая пыталась сунуть в руку Грише серебряную монетку... Грише стало до того жутко, что он проснулся и даже трижды перекрестился. На часах было около четырех, но больше он не уснул.

14

Свадьба Светки проходила в загородном ресторане.

Нанимать такси было накладно. Гриша решил, что не будет пить, и поехал с Мариной на своей машине.

Топливо опять подорожало. Гриша с тяжелым чувством достал из кармана деньги, сунул в кассу. Заправщик, работающий на бензоколонке, сначала направился в сторону Гришиных «жигулей», но, увидев заезжающую новенькую иномарку, бросился к ней. Грише от этого стало даже легче. Он не хотел и почему-то стеснялся давать чаевые, считал, что чаевые – это унижительно, тем более заправщик был старше его, седой в очках, на вид интеллигентный.

«Меня может постигнуть такая же судьба, – подумал Гриша, – если выгонят с работы...» Ну, может быть, сейчас еще он и устроится куда-нибудь, вот после сорока и думать нечего. Сначала – просто нищий, а потом обыкновенный, российский нищий пенсионер. На Западе люди до самой смерти имеют возможность путешествовать, ходить по ресторанам, в театры, на концерты. Во что бы то ни стало надо уехать, хотя бы оставшуюся часть жизни по-людски прожить, а не скотиной...

У ресторана стояли огромные дорогие джипы. Гриша, хоть и был готов к этому, но все же растерялся. Подъезжать на своей машине к этим черным блестящим «чудовищам» было страшно. Кое-как пристроился сбоку.

Марина несла большой букет белых роз. Она шла впереди, даже как бы забыв о Грише. Охранник ресторана заглянул в список, сверил личности. Марина и Гриша вошли в зал с роскошно накрытыми столами: икра, виски, фрукты, осетрина, кувшины с соками. Народу было еще немного, кое с кем Марина здоровалась, Гриша машинально кивал.

В одежде гостей преобладал черный цвет, стрижки у молодых людей были в основном короткие, выражение лиц казалось слегка отсутствующее. Наверное, так сейчас модно, подумал Гриша. А вообще, впечатление было удручающее, как будто не свадьба, а какие-то похороны...

Наконец приехали молодожены. Девушки забегали, засуетились. Гриша старался не упустить из виду Марину, ибо без нее он вовсе не вписывался в обстановку. У дверей ресторана стоял длинный свадебный «хаммер», под аплодисменты присутствующих появились молодые. Света в широченном кремовом платье, ее муж в черном блестящем костюме. Света сияла. На лестнице она оступилась. На каблуках ходить не умеет, подумал Гриша, а все повыше забраться норовит...

– Полдня с прической провозилась, – объясняла Светлана окружившим ее подружкам. – Двадцать тысяч отдала, а она, коза, все равно не так сделала...

– Не переживая, Светусик, ты все равно самая красивая, – успокоил ее новоиспеченный муж Борис.

– Да я знаю, Борюсик, – кокетливо рассмеялась Света и распростерла объятья для букетов гостей.

Букеты были один шикарнее другого. Дарители, видно, соревновались: чей букет круче, соответственно, и его хозяин будет самым крутым. Гришины и Маринины розы выглядели скромно. Грише и на них было жалко денег, ведь еще свадебный подарок. Марина что-то купила, а он боялся даже спрашивать: во сколько уложилась: в неведении легче переносить такие утраты семейного бюджета.

Света блаженствовала в цветах. Её шея, запястья поблескивали бриллиантами, платье излучало аромат дорогих духов.

– К столу, к столу, дорогие гости! – приглашала подруг. По пути рассказывала, как во Дворце бракосочетания процедуру провернули без очереди. «За деньги, понятно...»

Жених от невесты чуть поотстал. Он шагал в окружении крепких коротко стриженных парней, с золотыми цепями на шее, с перстнями на руках. Солидная братва, подумал Гриша, и потихоньку оттерся в сторону. Но молодые люди смотрели в его сторону дружески, будто он свой...

С каждой минутой пребывания на свадьбе Гришу все сильнее одолевали жуткие мысли: кто же он-то в этой стране, в этом мире? Человек с университетским образованием, коренной москвич из интеллигентной семьи инженеров, – да разве может он позволить себе такую свадьбу, у него денег не хватит оплатить прокат свадебного «хаммера». А эти, он опасливо косился на парней, которые расположились за столом, поближе к жениху, кто они, что у них за биография, откуда такие деньги?

Время от времени он тайком поглядывал на Марину. Почему она до сих пор с ним? Почему не разведется и не отправится на поиски лучшей жизни, своего «Борюсика»? Неужели ее удерживает любовь к нему? Нет, в это он не верит! Было б, конечно, хорошо, если любовь... Есть добро, есть зло, есть всепобеждающая любовь, как уверяли классики... Но есть еще и прически за двадцать тысяч, и Париж... А за что любить его, Гришу? Не красавец, денег нет, недвижимости нет, машина такая, что и показаться на ней стыдно. А ведь всё должно иметь логическое объяснение – любовь тоже подпитывать нужно...

Тем временем за столом звучали заздравные тосты, поздравления, напутствия, похвалы богатому щедрому жениху и красавице невесте. Все желали им детей: есть надежный тыл и светлое будущее, таким родителям есть что дать своим детям.

А остальным что, детей вообще иметь не нужно? – сердито думал Гриша. Зазвучал оркестр, гости пошли танцевать. Света и Борис поочередно подходили к разным группам гостей. Дошла очередь и до Гришиной четы. Света о чем-то рассказывала Марине. Марина ей отвечала одним словом «Супер!» Борис сел напротив Гриши, возле него тут же вертелись друзья. Кто-то спросил жениха: о ком мечтает, о мальчике или о девочке, а может, сразу двойню?

– Нас четверо у матери было, – заговорил Борис. Он говорил в общем-то для всех, но Грише казалось, что речь его направлена исключительно к нему: – Отец бросил нас, когда мне пять было. Всех нас мать воспитала, на ноги поставила. Иногда спуску не давала, в кулаке держала. – Борис поднял вверх кулак с тонким обручальным кольцом, показал всем... – И теперь я понимаю, методы ее были самые правильные. Мать нас жизни научила! – Окружающие согласно кивали Борису. – После ее воспитания университеты не нужны... Диплом купить можно, – усмехнулся Борис. Все его дружно поддержали. – А университет по жизни надо пройти... Высшее образование получают, а копейку заработать – не знают, семью содержать не могут. Сейчас только неудачникам да маменькиным сынкам худо живется!

– Лохам еще! – выкрикнул кто-то. Все одобрительно засмеялись.

Борис подхватил бокал, доброжелательно предложил Грише:

– Давай выпьем за свадьбу!

– Давай... – согласился Гриша, приложился к своему бокалу, в котором была минералка.

Свадьба Светки отгуляла в «царстве Бориса» на «ура!»

Вернувшись домой с гулянья, Гриша как бы очнулся, осмелел и сказал Марине:

– Зачем мы поехали с тобой в этот обезьянник? Зачем я должен выслушивать дурь, которую нес этот Борюсик?

Где-нибудь в Америке мне с этими уголовниками было бы стыдно появиться в одном помещении... А здесь этот чурбан учит меня жить, и все ему подпевают... Да при коммунистах он в лучшем случае работал бы рубщиком мяса на рынке...

Марина миролюбиво зевнула и возразила:

– Ты не в Америке. А коммунизм у нас кончился... Пойдем спать... Классная все-таки свадьба у Светки. Гриша сидел растерянный и чувствовал, как от незнакомой еды начинается в желудке изжога.

Продолжение следует.

Вадим РОСС

Писатель, переводчик. Родился в Челябинске. В настоящее время живет в Германии. Победитель литературного конкурса «Чудеса рядом с нами» 2004 г. Финалист литературного фестиваля-конкурса «Русский Stil-2013» в Германии. Дипломант литературного фестиваля-конкурса «Русский Stil-2014». Диплом Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции-2013 в Праге». Участник 20-й Пекинской международной книжной выставки-ярмарки, 25-й и 27-й Московских международных книжных выставок-ярмарок. В 2015 году в Берлине будет издан на немецком языке роман «Кто рано встаёт, тот рано умрёт».

Случай в Шерривуд-холле

*«Черные туфли на плоской подошве носят к лысеющим низким мужчинам».
Женская народная мудрость*

1

Знаменитый сыщик Эракль Пюре сидел на террасе ресторана и неторопливо завтракал. Весна весело пела голосами птиц. Жаркое солнце сияло, как новенький золотой соверен. Пюре удовлетворенно причмокивал. Действительно, что может быть лучше чашки густого горячего шоколада со свежим роголиком прозрачным майским утром! Май – яркий весенний месяц, когда природа расцветает и дарит новую жизнь. Даже в пасмурной юго-восточной Англии.

На соседнем месте сосредоточенно занимался яичницей с беконом друг Эракля Пюре, соратник и неизменный спутник в запутанных расследованиях капитан Бэннокберн. Придирчивый читатель, конечно же, непременно заинтересуется: капитаном, собственно, каких войск являлся Бэннокберн. На это можно ответить прямо: никаких! Просто все его так звали: капитан Бэннокберн. И он охотно отзывался.

Эракль Пюре гордился своими огромными закрученными вверх усами. Они, эти гигантские рога из волос, тешили его тщеславие. Сам сухорукий германский император Вильгельм Второй завидовал этим колоссальным усам и ни разу не сфотографировался вместе со знаменитым сыщиком. Попробуйте сами найти где-нибудь фото кайзера рядом с Эраклем Пюре. Можно смело ставить миллион против одного, что не найдете!

Кроме огромных усов, Пюре отличался удивительной любовью к симметрии. Так, если бы на его яйцевидной голове оставались волосы, он бы всегда делал пробор строго посередине. В это утро сыщик симметрично разложил на столе ложки, вилки и удовлетворенно созерцал строгий порядок, прихлебывая шоколад.

– Могу я спросить вас, чем сейчас занят великий мсье Пюре? – добродушно задал вопрос Бэннокберн, доставая манильскую сигару.

– Ничем, топ аті. Я решил уйти на покой.

Капитан Бэннокберн с легким недоумением взглянул на друга.

– Вы думаете, я вам поверю? Дорогой мой Пюре, вы и дня не сможете просидеть без дела!

Маленький сыщик самодовольно подкрутил усы.

Я тоже не представляю, как Великобритания обойдется без моего уникального мозга. Но слово Эракля Пюре – закон! Отныне меня не интересуют отравленные наследники, похищенные драгоценности и пропавшие миллиардеры!

Капитан Бэннокберн с сомнением покачал головой.

– Вы хотите сказать, что теперь Скотланд-Ярд будет справляться со своими плохими парнями без вашей помощи? А ваш талант останется дремать? Я никогда не забуду, как вы неопровержимо доказали, что шесть убийств в шести разных городах, совершенных шестью разными преступниками, не имеют между собой ничего общего. Это было потрясающе! И вы хотите заставить такую голову работать на холостых оборотах?

Пюре рассмеялся.

– Ну, я не стал бы клясться мамой, что, если возле меня произойдет убийство, я останусь равнодуш-

ным свидетелем. Не буду испытывать судьбу. Все же, мне кажется, ни у одного злодея на свете не достанет наглости бросить мне вызов и совершить преступление прямо у меня под носом! Моя слава гремит даже среди диких африканских и южноамериканских племен! Что уж тут говорить о туманном Альбионе. Думаю, здесь уже каждая собака меня знает!

В это время пуля, выпущенная из армейского кольта сорок пятого калибра, проделала огромную дыру в соломенной шляпке молодой очаровательной девушки, пытавшейся подлить нечто бесполезное в бокал немолодой, викторианского типа, костлявой дамы за соседним столиком. Шляпка, сбита пулей, приземлилась точнехонько на лысую макушку Пюре, но он и бровью не повел. Если Пюре сказал, что удалился от дел, значит, так тому и быть!

– Не думаю, что вы правы Эракль, – меланхолично заметил Бэннокберн, снимая с головы друга шляпку и возвращая ее хозяйке.

– Вы очень любезны, сэр, – проворковала девушка, ставя на стол бутылку водки и водружая на голову дырявый головной убор. – Ой, блин, что это?

Ее рука провалилась в безобразную дыру в шляпе.

– Откуда это?

– Может быть, птицы? – предположила ее пожилая соседка.

– Как птицы могли проделать в шляпе такую дырищу?

– Сейчас, милая моя, все возможно. Экология... – многозначительно сказала дама.

– Разрешите представиться, – торжественно проговорил Пюре, стоя у столика дам. – Вероятно, вы уже весьма наслышаны обо мне. Я сам Эракль Пюре! Величайший детектив всех времен и народов собственной персоной! Из Бельгии.

Дамы скептически оглядели Пюре. Брюки в полоску, черный пиджак, зеленые глаза, яйцевидный череп, любовь совать свой длинный нос в чужие дела. То-то и оно, что из Бельгии!

– Никогда не слышала, – простодушно ответила девушка в дырявой шляпе. – Но вы можете присесть к нам и ваш приятель тоже.

Ее сухопарая соседка милостиво кивнула. Капитан Бэннокберн ехидно посмотрел на Пюре, но, не медля, присоединился к другу. Мужчины заняли свободные места за столом. Непринужденная светская беседа потекла дальше.

– Мой друг и помощник, капитан Бэннокберн, – представил капитана Пюре, принимаясь раскладывать столовые приборы в определенном порядке.

– О, битва при Бэннокберне! Одна тысяча триста четырнадцатый год. Шотландцы против англичан. Разве я не образованна? – подхватила девушка. – Меня зовут Дэйзи. А это тетя Агата. Леди Шерривуд.

– Так это ваш дом, Шерривуд-холл, мадам? – спросил Пюре у леди Шерривуд, заказывая всем по коктейлю.

Та величественно кивнула.

– Я преклоняюсь перед архитектурой викторианской эпохи! – с энтузиазмом воскликнул вдруг Пюре.

Бэннокберн удивленно посмотрел на сыщика. Они несколько раз проезжали мимо помпезного старого сарая у моря, именуемого Шерривуд-холл, но тогда Пюре не обратил на него ни малейшего внимания.

– Mais oui! – продолжал восторгаться Пюре. – Какая прелесть этот ваш викторианский стиль! Эклектичное сочетание деталей, яркие цвета в противовес британским туманам, высокие башни, декоративные кронштейны... Ах, если бы я мог набраться смелости и просить вас о позволении нанести визит!

Леди Шерривуд кисло улыбнулась. Ее кресло грозно скрипнуло, все вздрогнуло, но ничего ужасного не произошло.

– Разумеется, мсье Пюре, – покоряясь судьбе, сказала леди Шерривуд. – Добро пожаловать в Шерривуд-холл. Приходите со своим другом к обеду.

– Tres bien, chere madame! Вы необыкновенно любезны, – обрадовался Пюре. – Мы обязательно придем.

– Доброе утро, леди и джентльмены!

К столу подошел молодой человек в черном котелке, в черном траурном костюме и с кожаным саквояжем в руках. Тоже черным.

– Привет, Гудвин! – радостно заулыбалась Дэйзи. – Это мой жених, Гудвин. Между прочим, очень талантливый специалист в своей сфере. Рекомендую!

– И в какой же сфере? – пренебрежительно посмотрел на маленькие аккуратные усики Гудвина Пюре.

– Гудвин – подающий большие надежды дизайнер надгробий!

Пюре и Бэннокберн ответили девушке несколько натянутыми улыбками.

– Что с твоей шляпкой, Дэйзи? – скорбно спросил Гудвин, показывая на дыру.

Девушка пожала плечами.

– Не знаю, Гудвин. Бесцеремонный ветер сорвал шляпку у меня с головы и закинул к этим двум джентльменам. Они были настолько любезны, что вернули ее мне. Но, увы, вот в таком неприглядном виде...

– Пюре, зачем вы напросились на обед к леди Шерривуд? – удивленно задал вопрос капитан Бэннокберн, когда их новые знакомые ушли.

Пюре удовлетворенно улыбнулся.

– Так вы ничего не поняли, мой проницательный друг?

– Нет. Я теряюсь в догадках.

– А как вы объясните появление того странного отверствия в кокетливой шляпке очаровательной мадемуазель Дэйзи?

Капитан Бэннокберн ненадолго задумался.

– Не знаю. Может быть, птицы? Так, кажется, сказала леди Шерривуд?

Пюре насмешливо посмотрел на друга.

– Вы меня просто умиляете своей доверчивостью, дорогой капитан! Это совершенно лишнее отверствие проделала пуля!

– Пуля?! Вы хотите сказать, что на нашу маленькую мисс Дэйзи было совершено покушение?!

Без лишних слов Пюре показал на темную точку в белой стене ресторана.

– Вот она. Пуля пробила шляпку и застряла в стене, точнехонько за спиной мадемуазель Дэйзи.

Великий сыщик поднялся, подошел к тому месту, где чернела пуля, тщательно осмотрел его и аккуратно выковырял маленький кусочек свинца из стены.

– Я прав, как, впрочем, и всегда. Иногда даже становится скучно. Сорок пятый калибр. По-видимому, армейский кольт или что-то подобное. Мощное оружие, способное проделать дырку не только в женской шляпке, но и в хорошенькой женской головке!

Капитан Бэннокберн не спеша докурил свою бесконечную сигару, тщательно затушил толстый окурочок в хрустальной пепельнице, допил коктейль, попросил официанта принести кофе, повернулся к Пюре и пораженно вскричал:

– Ах, вот в чем дело! Теперь я все понял! Вы хотите поймать убийцу и спасти мисс Дэйзи!

– Mon Dieu! Ну наконец-то, – пробормотал Пюре как бы про себя и устало улыбнулся другу:

– С вами приятно иметь дело, капитан Бэннокберн. Вы все схватываете на лету!

2

Шерривуд-холл действительно выглядел как полуразвалившийся замок Дракулы в Карпатах, правда, отмеченный эклектическим ретроспективизмом, так распространенным в викторианскую эпоху. Зловещий своей неопределенностью. Здание одновременно напоминало Биг Бен, Вестминстерский дворец, Пэддингтонский вокзал, Тауэрский мост через Темзу и ангар для дирижаблей.

В дом Пюре и капитана Бэннокберна впустил строгий дворецкий в шотландском берете. Его лицо в окружье длинной седой бороды ничего не выражало. Как и положено хорошему английскому дворецкому. Дворецкий проводил гостей в предназначенные для них комнаты, оказавшиеся маленькими мрачными клетушками, и сообщил, что обед через час. Пока же гости, если пожелают, могут выпить чая в комнате для предобеденного чая.

Капитан с интересом посмотрел на детскую считалку, висевшую в его комнате над камином.

Раз, два, три, четыре, пять,

Негде зайчику скакать.

Всюду ходит волк, волк.

Он зубами – щелк, щелк!

А мы спрячемся в кусты,

Прячься, зайчика, и ты.

Ты, волчище, погоди,

Как попрячемся – иди!

Бэннокберну было бы еще интереснее, если бы он знал, что в этот момент его знаменитый друг прилежно заучивает наизусть точно такую же считалку над камином в своей комнате. Пюре уже расставил

на камине в строгом порядке вазу эпохи Мин, лошадь эпохи Тан и нефритовую чашу времен династии Цин, на внутренних поверхностях которой было написано неприличное китайское стихотворение, датированное тысяча семьсот шестьдесят восьмым годом.

В комнате для предобеденного чая за большим столом красного дерева сидели: высокий задумчивый джентльмен, багроволицый толстяк с военной выправкой и уже знакомый друзьям печальный дизайнер надгробий Гудвин. Мужчины пили «липтон» с молоком и беседовали об охоте, лошадях, женщинах и связанных с ними болезнях. В углу читала толстую книгу девушка в очках. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не яркие прыщи, усеявшие ее, незнакомое с косметикой, лицо, длинные жидкие светлые волосы, собранные на затылке в невыразительный хвост, коротко обгрызенные ногти и старенькое невзрачное платьице. Обута девушка была в черные туфли на плоской подошве.

Все были тотчас представлены друг другу. Задумчивый джентльмен оказался сэром Генри – старшим братом леди Шерривуд. Сэр Генри был известным в ботанических кругах ученым, изучавшим удивительные свойства гороха. Он тоже жил в угрюмом Шерривуд-холле. Толстяк с бравой выправкой назвался полковником Полуботтлом – другом сэра Генри. Полковник служил в Индии и гостил, с позволения хозяйки, у Шерривудов. Аскетичная любительница чтения на секунду оторвалась от книги и коротко общилась: «Элизабет – падчерица леди Шерривуд».

Дворецкий налил Пюре и Бэннокберну чая, и они тоже включились в беседу.

Присутствующие внимательно слушали полковника Полуботтла. Он рассказывал о тропических болезнях. Полковник оказался интересным собеседником, хотя практически ничего не знал о предмете разговора.

Вскоре беседа изменила направление и затронула работу сэра Генри. Полуботтл, волнуясь, громко тараторил:

– Я преклоняюсь перед мужеством сэра Генри! Быть исследователем такого уровня, как он, чрезвычайно опасно! А этот ужасный горох, с которым вы, мой дорогой, экспериментируете. Я так боюсь, как бы вы не вздумали испытывать его на себе!

Полковник шумно отхлебнул чая и горячо обратился к гостям:

– Я помню, как сэр Генри изъявил желание провести необходимые опыты для того, чтобы изучить последствия воздействия газа, выделяемого гороховым супом, на животных и человека. Он закрылся в герметичном боксе на тридцать шесть часов, измерял свой пульс, температуру, дыхание. Это был ужасный риск, как сказал мне один знакомый профессор. Он вполне мог умереть, но таков уж сэр Генри, его совершенно не волнует собственная безопасность. Мне он кажется таким самоотверженным человеком, а вы как думаете? У меня никогда не хватило бы мужества на такие опыты.

– Eh bien! Необходима огромная сила воли, – вставил Пюре, – чтобы хладнокровно проводить такие эксперименты.

Все подняли фарфоровые чашки с чаем в честь бесстрашного ученого. Сэр Генри покраснел от смущения, но не утратил своего задумчивого вида.

Унылый протяжный гонг позвал к обеду. Гости пошли переодеваться. Пюре и капитан Бэннокберн, сопровождаемые дворецким, отправились прямоком в столовую, так как не захватили с собой обеденные костюмы. В обширном мрачном зале, обшитом потемневшими от старости деревянными панелями, с мутными зеркалами в полный рост, хлопотала полная негритянка.

– Африка, все ли готово? – важно спросил ее дворецкий.

– Ну, разумеется, Балморал, – приветливо ответила женщина. – Пусть джентльмены занимают свои места, согласно карточкам.

На столе возле столовых приборов лежали изящные картонные карточки с именами приглашенных. Имена были написаны таким витиеватым почерком, что прочитать их не было никакой возможности. К тому же, как известно, в английском языке почему-то произносится совсем не то, что пишется. Хотя это не совсем удобно. Например, пишется «Манчестер», а читается «Ливерпуль». Поэтому друзья потратили некоторое время, чтобы сообразить, где находятся их места. Наконец, отчаявшись, Пюре и капитан Бэннокберн уселись на первых попавшихся стульях. Карточки с так и не расшифрованными именами они просто сунули себе в карманы.

Пока друзья обходили стол в поисках своих мест, столовая постепенно стала заполняться людьми. Учивый сэр Генри с шумным полковником Полуботтлом, леди Шерривуд (все мужчины встали при появлении тощей хозяйки дома), будто в воду опущенный Гудвин. Не было только очаровательной Дэйзи с очкастой Элизабет.

В то время как Африка наливала черепаховый суп в тарелки, полковник Полуботтл разглагольство-

вал о тонкостях производства сигар на Кубе. Между прочим, он заметил Бэннокберну, доставшему из кармана любимую сигару:

– Мне не приятно говорить об этом, капитан, но ваша манильская сигара просто дешевая подделка.

К сожалению, полковник никогда не бывал на Кубе, не курил и о сигарах знал не более, чем о тропических болезнях, поэтому слушать его было забавно, но не познавательно.

Занимательную беседу внезапно нарушил испуганный вопль за дверями столовой. Все на мгновение оцепенели, а потом сорвались со своих мест и бросились наружу.

Столовая находилась на втором этаже. К ее широким дверям с сияющими медными ручками вела лестница, покрытая красной ковровой дорожкой. На площадке перед дверями столовой стояла бледная Элизабет с книгой в руках. Это ее крик заставил всех присутствующих выбежать наружу. Элизабет позывала на неподвижное тело, распростертое у подножия лестницы.

– Это Дэйзи, – прошептала потрясенная девушка. – Она нечаянно запнулась и скатилась по ступеням вниз!

Мужчины бросились на помощь. Слетевшая с лестницы Дэйзи все равно выглядела необыкновенно очаровательно. Сэр Генри на правах родственника и человека, отчасти знакомого с устройством живых существ, хотя, разумеется, лучше всего гороха, осмотрел племянницу.

– Слава Богу! Малышка легко отделалась, – наконец произнес сэр Генри, вставая с колен. – Лишь несколько синяков и ссадин, но ничего не сломано. Бедняжка просто потеряла сознание от испуга. Несколько капель бренди и пара стручков гороха приведут ее в чувство.

Дворецкий Балморал, полковник Полуботтл, Гудвин и капитан Бэннокберн перенесли несчастную Дэйзи в темную гостиную и осторожно уложили на диван. Расстроенная леди Шерривуд сопровождала эту печальную процессию и давала бесполезные советы. Дэйзи удобно устроили на диване, обложили со всех сторон подушками, и Африка осторожно влила девушке в рот немного бренди. Милое личико Дэйзи порозовело, она открыла глаза, вздохнула и хрипло прошептала:

– Еще!

Служанка, повинувшись кивку леди Шерривуд, наполнила внушительный бокал и подала Дэйзи. Та осушила его в два глотка и села.

– Ох, блин, что случилось? – жалобно спросила Дэйзи. – Я ничего не помню. Помню только, как я с Элизабет поднимаюсь по лестнице в столовую. Элизабет, как всегда, на ходу читает какую-то дурацкую книгу. Я хочу остроумно пошутить, поворачиваю к ней голову и вдруг чувствую, как моя нога за что-то цепляется. Я падаю, переворачиваюсь и дальше все...

– Ты споткнулась, моя милая, скатилась по лестнице до самого низа и потеряла сознание, – объяснила леди Шерривуд.

– Не беспокойся, тетя. Я чувствую себя уже хорошо, – заверила Дэйзи. – Я немного полежу и вскоре присоединюсь к вам в столовой.

Однако леди Шерривуд отрицательно покачала головой.

– Нет уж, дорогая. Будет лучше, если Африка принесет тебе обед сюда.

Мужчины тактично удалились. Упрямо оставался только капитан Бэннокберн. Он заметил, что его знаменитый друг отсутствует в гостиной. Пюре не последовал за всеми и остался на лестнице. Бэннокберн почувствовал, что это не зря. Леди Шерривуд поцеловала Дэйзи и в сопровождении Африки вышла. Гостиная опустела. Дэйзи устало закрыла глаза. Капитан Бэннокберн понял, что прелестная девушка хочет отдохнуть. Ему ничего не оставалось делать, как вслед за всеми отправиться в столовую. Зайдя по дороге в свою комнату, капитан Бэннокберн немного освежил лицо холодной водой, сбрызнул себя своим любимым огуречным парфюмом, прочитал еще раз считалку над камином и поднялся в столовую.

За столом оживленно обсуждалось происшествие. Только Элизабет, сидя в стороне, читала книгу и не принимала участия в общем разговоре. Капитан Бэннокберн сел рядом с Пюре и спросил друга:

– Куда вы делись?

Пюре наклонился к капитану и прошептал ему на ухо:

– Пока вы занимались реанимацией мадемуазель Дэйзи, я обследовал лестницу.

– Зачем? Вы что-то подозреваете?

Пюре с торжествующим видом достал из кармана обрывок тонкой, едва заметной глазу, проволоки.

– Voila, mon cher!

– Что это, мой друг?! – поразился верный Бэннокберн.

– Это – доказательство того, что наша милая мадемуазель Дэйзи не случайно споткнулась на лестнице! Кто-то очень хотел, чтобы она упала и свернула себе шею!

– Это уже вторая попытка ее убить, – тихо проговорил капитан Бэннокберн.

– Да, и мы не знаем, сколько еще таких попыток было и сколько будет!

Капитан Бэннокберн в неопишемом волнении схватил друга за руку.

– Но вы же, Эракль, хотя и ушли на покой, не допустите убийства?

Знаменитый сыщик гордо подкрутил свои усы.

– Спасибо, дорогой друг! Спасибо за беззаветную веру в меня! Я, Эракль Пюре, не позволю совершиться злодейству! Я уберегу это пленительное создание от опасности и найду коварного убийцу!

Друзья с чувством чокнулись бокалами с шампанским. Это был поистине знаменательный момент. Торжественность минуты нарушил дикий крик Африки, которая ворвалась в столовую, сверкая глазами и зубами на темном, как кора дуба, лице.

– Скорее! На помощь! Мисс Дэйзи! Она мертва!

3

Аристократическая выдержка не изменила Леди Шерривуд. Она всего лишь бросила ложку на стол и пронзительно закричала:

– Да что сегодня творится в этом доме?! Какой-то непрерывный сюр!

Все опять выбежали из столовой и по знакомому маршруту попали в гостиную. Последней, глядя одним глазком в книгу, бежала Элизабет. В гостиной общество ожидало жуткое зрелище.

В сумрачном помещении стоял оглушительный туалетный аромат. На диване среди подушек раскинулась мисс Дэйзи. Ее лицо посинело, перекошилось и утратило все, присущее ей раньше, очарование. Тело несчастной было залито рвотой. Стена над диваном была уляпана фекалиями, чей сложный узор с трудом складывался в слово «Блеать!». Видимо, несчастная мисс Дэйзи пыталась передать единственным доступным ей способом, что она в тот момент испытывала. На полу валялась коробка шоколадных конфет. Конфеты высыпались из коробки и усеяли пол возле дивана.

– Ничего не трогайте! – предостерег собравшихся Пюре. – Вызовите полицию и соберитесь все в столовой!

Знаменитый сыщик знал, что делает. Он опять оказался в своей стихии. О чем еще может мечтать ушедший на покой великий детектив! Какая удача! Любимое дело и верный товарищ. Труп и капитан Бэннокберн! Требовать от судьбы большего – нужно быть просто неблагодарной свиньей!

Вскоре прибыла полиция. Послышались тяжелые шаги, бульдожье сопение, и в столовую вошел инспектор Чиппенчел – старинный заклятый друг Эракля Пюре. Великий сыщик помог Чиппенчелу раскрыть немало сложных, загадочных преступлений. Инспектор в глубине души был благодарен Пюре, но тем не менее ревновал и завидовал ослепительной всемирной славе скромного маленького бельгийца.

– Ну, что у вас тут случилось? – недовольно пробурчал инспектор Чиппенчел, пожимая руку Эраклю Пюре. Инспектора коротко ввели в курс дела.

– Где я могу провести допрос свидетелей? – обратился Чиппенчел к леди Шерривуд.

– Может быть, в комнате для пятичасового чая? Скоро пять и нам всем все равно придется идти туда на чай. Там можно поговорить и подкрепиться чаем с тминными кексами, – гостеприимно предложила хозяйка Шерривуд-холла.

Чиппенчел согласился. Присутствующие пошли переодеваться к чаю, а полицейские вместе с Пюре осмотрели тело бедной Дэйзи, и труп сразу увезли. Потом инспектор Чиппенчел, Пюре и капитан Бэннокберн уединились в комнате для пятичасового чая, чтобы посоветоваться.

– Что вы думаете по поводу всего этого безобразия? – спросил знаменитого сыщика Чиппенчел.

Пюре рассказал инспектору про утренний случай на террасе ресторана и отдал ему пулю, извлеченную из стены.

– А вот улика номер два! – несколько театрально произнес Пюре и достал из кармана проволоку, подобранный им на лестнице в столовую.

– И какие же мы можем из всего этого сделать выводы? – задал вопрос Чиппенчел, растерянно крутя в руках проволоку и пулю.

– Отчего все же умерла мисс Дэйзи? – поинтересовался капитан Бэннокберн.

Пюре показал на коробку шоколада, лежащую на столе.

– Вот из-за такой конфеты. Мадемуазель Дэйзи успела съесть всего две штуки и скончалась.

Знаменитый сыщик высыпал все конфеты из коробки на стол и начал внимательно их рассматривать. Одну за другой, методично.

- Мне с самого начала было не по себе в этом доме, – поежился капитан Бэннокберн.
- Это интересно! Почему же? – с любопытством спросил Пюре, складывая конфеты обратно в коробку в одном ему известном порядке.
- Здесь пугающая атмосфера. В воздухе носится что-то нехорошее. Да еще эта считалка в моей комнате...
- Какая считалка? – заинтересовался Пюре.
- Вот эта, – и капитан Бэннокберн продекламировал:

*Раз, два, три, четыре, пять,
Негде зайчику скакать.
Всюду ходит волк, волк.
Он зубами – щелк, щелк!
А мы спрячемся в кусты,
Прячься, зайка, и ты.
Ты, волчище, погоди,
Как попрячемся – иди!*

- Инспектор Чиппенчел пренебрежительно скривился.
- Ну и что? Просто детская считалка, не имеющая никакого отношения к преступлению.
- Пюре загадочно посмотрел на инспектора.
- А что бы вы сказали, дорогой Чиппенчел, если бы узнали, что точно такая же считалка висит и в моей комнате над камином? И в столовой, где мы обедали, и в гостиной, где умерла мадемуазель Дэйзи, и в комнате для предобеденного чая?
 - И в этой комнате тоже, – показал капитан Бэннокберн на считалку над камином.
 - ...и я подозреваю, в каждой комнате этого огромного дома над камином висит эта считалка!
 - И что же? За каким дьяволом она везде висит? – опять скривился инспектор Чиппенчел.
 - Не знаю! – логично заключил Пюре. Потом добавил: – Все конфеты в коробке отравлены. Все до одной. Причем самым примитивным способом. Конфеты просто разрезали вдоль, яд примешивали к начинке, и конфеты снова склеивали. От такой отравы даже капроновый желудок не спасет!
 - Так что делать-то будем? – беспомощно спросил у знаменитого сыщика Чиппенчел. Капитан Бэннокберн тоже вопросительно посмотрел на друга.
 - Давайте поговорим с сэром Генри, – предложил Пюре. – У меня к нему есть несколько вопросов.
 - Почему именно с сэром Генри? Хотя все равно, – безнадежно махнул рукой инспектор. – Давайте начнем с него. Хуже не будет!
- Сэр Генри был, как всегда, задумчив и рассеян. Он, дождавшись приглашения, сел на стул и удрученно посмотрел на Чиппенчела.
- Чем могу служить, инспектор?
- Чиппенчел кивнул Пюре: мол, «Это ваша добыча. Вы и расправляйтесь!» Знаменитый сыщик довольно потер руки.
- Вы случайно не знаете, сэр Генри, кто мог угостить мадемуазель Дэйзи отравленными конфетами?
- Сэр Генри рассеянно смахнул невидимую пылинку с костюма для пятичасового чая.
- Нет, джентльмены, боюсь, что я не могу вам помочь. Эту коробку конфет я прежде никогда не видел. Сам я шоколад не ем. Аллергия на сладкое, знаете ли.
 - А что вы делали сегодня утром, сэр Генри? – задал следующий вопрос Пюре.
- Сэр Генри задумчиво улыбнулся. Видно было, что вопрос доставил ему удовольствие. Капитан Бэннокберн предположил, что вопрос касается гороха, но ошибся.
- Утром, сразу после завтрака, я сменил костюм для завтрака на охотничий костюм и пошел в наш парк, пострелять.
 - И на кого вы там охотитесь, осмелюсь спросить?
 - На фазанов, – с гордостью ответил сэр Генри. – Я даже дал им имена: Питер и Поль. По утрам я всегда стреляю в Поля.
- Чиппенчел и Пюре обменялись понимающими взглядами.
- А как вы думаете, сэр Генри, почему убили мадемуазель Дэйзи? Какой у убийцы мог быть повод?
- Сэр Генри пожал плечами.
- Теряюсь в догадках, кому Дэйзи могла помешать. Она, конечно, была немного легкомысленна, но

всегда нравилась людям. Взять, к примеру, этого канадца Гудвина.

– А что, Гудвин канадец? – сразу заинтересовался инспектор Чиппенчел. Он терпеть не мог иностранцев и когда водят гвоздем по стеклу.

Сэр Генри кивнул.

– Насколько я знаю, да.

Чиппенчел тут же прервал допрос и, вызвав одного из своих помощников, велел срочно навести справки о Гудвине в Канаде.

– А что вы можете сказать о слугах? – спросил Пюре.

– Мне кажется, Африка и Балморал здесь совершенно ни при чем, – ответил сэр Генри. – Балморал – настоящий шотландец, из графства Дебошир. Его лицо не знает бритвы, а тело не признает ничего, кроме твида. Графство Дебошир всегда давало Британии множество храбрых солдат и знаменитых арестантов. И Балморал таков. Служил в шотландских стрелках. Побывал в Индии и Южной Африке, откуда и привез себе жену. Он сам назвал ее Африкой.

– Странный союз, – заметил Чиппенчел.

Сэр Генри пожал плечами.

– Противоположности иногда сходятся. Живут же вместе Англия и Шотландия уже триста лет.

Когда сэр Генри ушел переодеваться к ужину, Пюре попросил инспектора Чиппенчела вызвать Элизабет. Девушка робко вошла в комнату. Ее очки запотели от волнения, руки нервно сжимали книгу, черные туфли на плоской подошве громко шаркали по полу.

– Садитесь, мадемуазель, – предложил Элизабет всегда галантный Пюре.

Девушка робко присела на краешек стула и прижала к животу толстый том.

– Что вы читаете? – поинтересовался капитан Бэннокберн, чтобы растопить лед.

– «Сто самых громких убийств столетия», – едва слышно прошептала Элизабет.

Мужчины на миг потеряли дар речи. Первым в себя пришел знаменитый сыщик. Прокашлявшись и подкрутив свои знаменитые усы, он спросил:

– Скажите, мадемуазель Элизабет, как коробка с отравленными конфетами оказалась в гостиной?

– Это я ее туда принесла, – все так же почти неслышно ответила Элизабет.

– Это мадемуазель Дэйзи вас попросила? – продолжал допрос Пюре.

Элизабет испуганно кивнула.

– Когда же?

– Перед тем как споткнуться на лестнице. Мы поднимались в столовую и Дэйзи сказала, что хочет непременно попробовать те шоколадные конфеты, которые нам подарил полковник Полуботтл.

– Так это полковник подарил вам эту коробку?! – внезапно вскричал Чиппенчел.

Элизабет вздрогнула от неожиданности и заплакала.

– Не бойтесь, дитя мое, – погладил девушку по голове Пюре, сурово глядя на инспектора. – Вас никто здесь не обидит.

Великий сыщик догадывался, что следует дать понять Элизабет, что они ценят ее доверие и никто не узнает об этом разговоре. Однако он этого не сделал.

Элизабет вдруг спросила:

– А почему вы спрашиваете, мсье Пюре? Вы же столкнулись со мной в коридоре, и я рассыпала эти проклятые конфеты!

Опа!

4

Теперь инспектор Чиппенчел вцепился уже в Пюре, как питбуль. Он буквально взревел от ярости:

– Что это значит, мсье Пюре?! Вы опять утаиваете от следствия важные сведения?

Великий сыщик лишь обворожительно улыбнулся такому напору.

– Мадемуазель Элизабет собственно уже все рассказала. Действительно, когда она несла коробку с конфетами в гостиную, где лежала на диване мадемуазель Дэйзи, я столкнулся с мадемуазель Элизабет в коридоре и был так неловок, что выбил коробку у нее из рук. Коробка открылась, и конфеты рассыпались. Я, разумеется, принес тысячу извинений мадемуазель Элизабет, собрал конфеты, разложил их в строго логическом порядке, и мы разошлись, каждый в свою сторону.

С разрешения инспектора Элизабет оставила сыщиков одних.

– Я нахожу, что у нее глупое лицо, – заметил Чиппенчел, когда за Элизабет закрылась дверь.

– Полноте, инспектор, не будьте столь жестоки к бедной девушке, – укоризненно сказал Пюре.

– Вы что-нибудь понимаете в этой мешанине, мсье Пюре? – возмущенно вскричал Чиппенчел. – По-дозрительный, в вечном трауре, жених из Канады, полковник Полуботтл, подаривший девушкам напичканные отравой конфеты, очкастая мисс Элизабет, зачитывающаяся сотней самых громких убийств столетия! Как во всей этой каше разобраться?

– Мне нужен мотив, – кратко ответил великий сыщик. – Как только я буду знать мотив убийства, все сразу встанет на свои места. Пока мне совершенно непонятно, зачем убили мадемуазель Дэйзи. Какая невероятно важная причина толкнула неведомого убийцу на такое страшное злодеяние? Причем успеха он добился только с третьего раза!

– Кого еще будем выслушивать? – спросил друга капитан Бэннокберн. – Полковника Полуботтла?

– Я не думаю, что полковник расскажет нам что-нибудь важное. У меня есть вопросы к леди Шерривуд. Вот кто может помочь нам распутать это дело.

– Хорошо, – согласился инспектор Чиппенчел. – Слушаем леди Шерривуд!

Леди Шерривуд выглядела как настоящий комок нервов и вела себя так же.

– Pardon, madame, за нашу бесцеремонность, – изящно начал допрос Эракль Пюре. В ответ на его любезный тон леди Шерривуд только устало махнула тощей рукой.

– Спрашивайте, что хотите, мсье сыщик. Мне уже все равно. Шерривуд-холл превратился в закоулок ада!

– Как вы полагаете, за что могли убить несчастную мадемуазель Дэйзи?

– Понятия не имею. Просто ума не приложу, кому могла помешать моя племянница.

– Она была богата?

– Дэйзи была сиротой. Ее родители погибли во время катастрофы «Титаника». Я забрала девочку к себе и воспитывала как собственную дочь. Дэйзи и Элизабет. Элизабет – дочь моего покойного мужа Эрнеста. Эрнест рано остался вдовцом, женился на мне, и Элизабет выросла здесь, в Шерривуд-холле. Сам Эрнест был настоящим сорвиголовой, хотя занимал короткое время даже пост министра образования в правительстве тори. Он бегал перед быками в Памплоне, прыгал вниз головой с тарзанкой в Мексике, участвовал, кажется, во всех войнах на свете, а погиб глупо. Упал зимой пьяный на улице и замерз на-смерть. Я очень переживала.

Леди Шерривуд промокнула шелковым платком со своей монограммой глаза. Внимательно осмотрела платок, не осталась ли на нем тушь, громоподобно высморкалась (разглядывать, что появилось в платке, больше не стала) – все терпеливо ждали – потом продолжила свой рассказ.

– Я должна признаться вам, джентльмены, – леди Шерривуд понизила голос до шепота, – что мне не долго осталось коптить на этом свете. Мой врач некоторое время назад сообщил мне, что у меня неизлечимая болезнь. Я скоро умру.

Леди Шерривуд печально обвела собравшихся своими большими карими глазами. Все скроили болезнующие мины.

– Но я позаботилась о своих девочках.

При этих словах Пюре весь подался вперед.

– Недавно я оформила у своего адвоката завещание, в котором разделила свое немалое состояние поровну между обеими воспитанницами.

– А если одна из девочек умерла бы раньше вас? – перебил леди Шерривуд знаменитый сыщик.

– Тогда все состояние достается одной.

– Вот он, мотив! – восторженно воскликнул Пюре и, отбросив британскую сдержанность, прошелся «лунной» походкой по паркету. – Теперь мне все ясно!

Леди Шерривуд с некоторым недоумением наблюдала за ликованием Эракля Пюре. Впрочем, он же бельгиец. Может, у них так принято?

– Кто знал о завещании? – спросил, тяжело дыша, Пюре.

– Все домашние знали. Я не делала из этого тайны.

– А как к этому завещанию отнесся ваш брат сэра Генри? – задал вопрос Чиппенчел.

– Абсолютно корректно и с пониманием, – ответила леди Шерривуд. – Конечно, он слегка нервничал, даже как-то сбил тростью берет с головы Балморала, когда тот принес с базара для опытов не тот сорт гороха, но в целом принял это известие сдержанно и достойно.

– Значит, вы, леди Шерривуд, исключаете сэра Генри из списка подозреваемых? – упрямо продолжал гнуть свою линию инспектор Чиппенчел.

Леди Шерривуд покачала головой.

– Мой брат человек чести, инспектор! Я не могу представить, что он может нанести вред кому бы то ни было. Конечно, если речь не идет о защите его горохового поля.

Она подумала о чем-то, видимо, забавном, потому что внезапно улыбнулась.

– Сэр Генри обладает уникальным чувством юмора. Я вспомнила один давнишний случай. Как-то мой брат обиделся на племянника своей жены, который его оскорбил неуважительным высказыванием о горохе. В ответ сэр Генри решил вернуть свою жену в родительский дом. А так как жена сэра Генри была одноглазой – она потеряла глаз, помогая мужу в опытах с горохом – он, чтобы подчеркнуть силу своей обиды, посадил одноглазую супругу на одноглазого пони, которого сопровождал одноглазый слуга, за которым плелась одноглазая собака. Забавно, не правда ли?

Смеясь, леди Шерривуд поднялась со своего места и прибавила, выходя из комнаты:

– В общем, мой брат – очень благовоспитанный джентльмен и я не могу представить его на месте убийцы нашей Дэйзи. Самое грубое, что он себе позволяет, это воскликнуть: «Вы не леди!» Но, впрочем, кто его знает? Чужая душа потемки!

– La femme formidable! Вот настоящая аристократка! – заметил с почтением Пюре.

– Ну, мсье Пюре, что вы теперь скажете, когда мотив убийства у вас в кармане? – язвительно спросил инспектор Чиппенчел.

– Мой метод прост, дорогой инспектор. Порядок, методичность и серые клеточки.

– И что это значит?

Великий сыщик поправил свои усы.

– Это значит, топ шер, что я сейчас сяду в это удобное кресло, заставлю немного поработать свои серые клеточки и скоро вы все узнаете. Кто, как и почему убил мадемуазель Дэйзи.

– А что делать мне, пока вы будете сидеть в кресле? – спросил инспектор, сдаваясь.

– Вы можете заказать себе и капитану Бэннокберну чая с тминным кексом, а мне чашку горячего шоколада с рогаиком.

Пока Чиппенчел с Бэннокберном пили чай с кексами, Пюре сидел, глубоко задумавшись, и даже не притронулся к своему шоколаду. Наконец он посмотрел своими зелеными, как у кота, глазами на товарищей и воскликнул:

– Теперь мне все ясно! Я готов дать вам полный отчет, инспектор! А вы готовьтесь принимать поздравления в Скотланд-Ярде!

До ужина еще оставалось немного времени, поэтому всех собрали в комнате для коктейлей. Настроение присутствующих было подавленным. Это бросалось в глаза, так как никто даже не переоделся к коктейлю. Поэтому сухой мартини оказался в самый раз. Серебряный поднос, уставленный бокалами, разносила Африка, ловко лавируя среди собравшихся. Каждый сначала вежливо отказывался от выпивки, но служанка не двигалась дальше, пока не добивалась своего. Поднос становился все легче – Африка бегала по комнате для коктейлей все проворнее. Наконец, выведенная из себя ее мельтешением, леди Шерривуд приказала Африке поставить поднос на стол и сесть в углу.

В комнату для коктейлей вошел инспектор Чиппенчел в сопровождении Эракля Пюре и капитана Бэннокберна. Все расселись с мартини в руках и приготовились слушать. Чиппенчел кивнул знаменитому сыщику, и тот поднялся со своего места.

– Ну что же, леди и джентльмены! – начал Пюре. – Я полагаю, расследование убийства мадемуазель Дэйзи закончено. Убийца установлен – дело закрыто!

Все недоуменно стали оглядываться друг на друга.

– Позвольте узнать, мсье Пюре, – неуверенно спросил сэр Генри, – и кто же убийца?

Пюре улыбнулся неумолимому исследователю гороха.

– Обо всем по порядку, леди и джентльмены! С вашего позволения, я начну!

Установилась абсолютная тишина. Все напряженно ловили каждое слово великого сыщика.

– Как нам стало известно, на мадемуазель Дэйзи было совершено три покушения. В первый раз в нее стреляли сегодня утром, но, к счастью, попали в шляпку, что и привлекло мое внимание к этой прелестной девушке. Во второй раз злодей натянул проволоку поперек лестницы в столовую, но, опять к счастью, мадемуазель Дэйзи только упала, но не пострадала. В третий раз негодяй добился таки своего и отравил свою жертву ядовитыми конфетами.

Африка всплакнула. Леди Шерривуд вытерла платком глаза и трубно высморкалась. Лишь Элизабет не смогла оторвать глаз от книги. Пюре обвел пронизательным взглядом присутствующих и продолжил:

– Анализ первых двух покушений позволяет нам утверждать, что убийцей является человек, вхо-

жий в Шерривуд-холл и умеющий метко стрелять. Например, сэр Генри не мог бы попасть в шляпку из револьвера. По его собственному утверждению, он постоянно по утрам охотится на фазанов, которые благополучно, как мне кажется, переживут своего охотника. А дворецкий Балморал, хотя и служил в шотландских стрелках и, возможно, умеет метко стрелять, не мог натянуть проволоку, потому что не выходил из столовой.

Сэр Генри покраснел, недовольно сморщился, открыл было рот, но затем сделал глоток мартини и промолчал. Балморал не подал никаких признаков жизни.

– Далее, леди и джентльмены! Наши предки говорили: «Amor tussisque non celantur» – любовь и кашель не скроешь, но у вас, мсье Гудвин, скорее кашель, чем любовь.

Побледневший Гудвин попытался открыть свой черный саквояж, но двое констеблей, по знаку инспектора, надели на дизайнера наручники. Один из полицейских подал Чиппенчелу саквояж. Инспектор открыл его и вынул кольт сорок пятого калибра. Все ахнули.

– Voilà! Что и требовалось доказать! – удовлетворенно произнес Пюре.

– Мы получили сообщение от полиции Ванкувера о том, что этот субъект разыскивается в Канаде за совершение ряда мошенничеств с участками для могил, – пояснил инспектор Чиппенчел. – Тогда у него было другое имя. Этот тип отлично стреляет. Раньше он даже выступал в знаменитом цирке дю Солей. Сверхметкая стрельба!

– Вы не джентльмен! – возмущенно крикнул Гудвину сэр Генри и, чтобы успокоиться, сделал глоток мартини.

Озабоченного дизайнера надгробий увели. Представление было окончено. Все стали подниматься со своих мест, готовясь идти переодеваться к ужину. Даже Элизабет захлопнула книгу. Пюре с недоумением посмотрел на собравшихся и повысил голос:

– Куда же вы, леди и джентльмены?! Вы, что, не хотите узнать, кто убийца?

Все замерли.

– Как?! Разве убийца не Гудвин? – удивилась леди Шерривуд.

– Конечно, нет! Я еще не закончил!

Все опять заняли свои места, поглядывая друг на друга с еще большим подозрением.

– Гудвин не мог отравить мадемуазель Дэйзи конфетами, потому что не имел к этой коробке никакого отношения. Значит, убийц было двое!

– И кто же другой? – спросил полковник Полуботтл.

Пюре улыбнулся ему.

– Это ведь был ваш подарок девушкам, полковник?

Багровый Полуботтл побагровел еще больше.

– Действительно, мой! Но если вы обвиняете меня...

Пюре перебил полковника:

– Ну что вы. Вы тут совершенно ни при чем.

– Так кто же убийца? – простионала леди Шерривуд. – У меня уже голова идет кругом! И начинается мигрень!

– Ну, разумеется, убийца – это сама мадемуазель Дэйзи! – ошеломил присутствующих Пюре.

Все онемели.

– Как это?! – воскликнули одновременно сэр Генри, леди Шерривуд и полковник Полуботтл.

– Как это?! – с небольшим опозданием пискнула Элизабет.

– Как это?! – позволили себе вольность Африка и Балморал.

Великий сыщик довольно улыбнулся. Вот ради таких мгновений он и жил.

– Да, мадемуазель Дэйзи хотела убить мадемуазель Элизабет. Она сговорилась со своим женихом Гудвином подстроить дело так, как будто опасность угрожает ей и это Элизабет пытается ее убить. Для этого и выстрел в шляпку, и проволока, натянутая на лестнице.

– Но как же тогда Дэйзи отравилась? – пролепетала леди Шерривуд.

– Она совершила роковую ошибку. Попала в собственную ловушку. Мадемуазель Дэйзи отравила все конфеты, кроме одной. Ее план был прост. Она угощает конфетами с ядом мадемуазель Элизабет, а сама берет единственную безопасную конфету. Когда мадемуазель Элизабет, прошу прощения, умирает, мадемуазель Дэйзи рассказывает о том, что та перепутала конфеты и умереть на самом деле должна была она – мадемуазель Дэйзи! В общем, все с точностью до наоборот!

– Но как же Дэйзи перепутала конфеты? – ошеломленно спросил сэр Генри.

Тут уже Пюре смущенно потупился.

– В этом повинен ваш покорный слуга. Я столкнулся в коридоре с мадемуазель Элизабет и рассыпал конфеты. Мне тогда показалось странным, что новая коробка уже была распечатана. Я собрал конфеты и разложил их по-другому. Без сомнения, мадемуазель Дэйзи положила конфету без яда в коробке на определенное место, а я нарушил ее порядок. Когда мадемуазель Элизабет принесла конфеты в гостиную, она съела безопасную конфету, а мадемуазель Дэйзи съела отравленную собственной рукой! Яд не действует мгновенно, поэтому мадемуазель Элизабет успела вернуться в столовую до того, как мадемуазель Дэйзи ощутила первые признаки отравления и поняла, что произошло.

Элизабет подтвердила, что все было именно так.

– Уму непостижимо! – простонала леди Шерривуд, держась за голову.

– Но для чего Дэйзи понадобилось меня убивать? – подала голос Элизабет.

– Деньги! – коротко ответил Пюре. – Целое всегда больше половины! И она ведь собиралась выйти замуж. Невозможно представить, каково было ее отчаяние и злоба, когда она поняла, что сама пала жертвой собственного коварства.

Великий сыщик посмотрел прямо в очки Элизабет.

– Позвольте мне задать вам один вопрос, мадемуазель. Он меня все время мучает.

– Да?

– Зачем вы повесили в каждой комнате Шерривуд-холла детскую считалку?

Элизабет смущенно потупилась. Ее щеки покрылись румянцем, прыщи покраснели и стали еще заметнее.

– Да просто так. Мне нравится, когда гости начинают ломать себе голову, зачем везде висит эта считалка. Пюре вздохнул.

– Les femmes! Инспектор Чиппенчел был прав. Эта дурацкая считалка не имеет никакого отношения к преступлению!

Обида

Международному женскому дню посвящается

...Александр осторожно поправил нежный лепесток. Букет смотрелся в высокой хрустальной вазе просто идеально. Яркие свежие алые розы среди пышной зелени. Светка будет довольна. Ведь это ее любимые цветы. Честно сказать, Александр не баловал жену цветами, но восьмого марта он всегда старался подарить ей самый лучший букет, который только мог найти.

Скоро Светка вернется с работы. Александр окинул внимательным взглядом квартиру. Вроде придраться не к чему. Ковры вычищены, полы вымыты, посуда сияет на полках, подарок для дорогой жены на столе возле цветов. Уютно, тепло. На кухне тихонько шепчет радио. Все готово к празднику.

Они женаты уже много лет. Время летит быстро. Вот сынишка незаметно вырос и пошел в школу. Сегодня, наверно, тоже принесет маме подарок, сделанный на уроке своими руками.

Александр прилег на диван в гостиной. Усмехнулся. Вспомнил, как они познакомились. Это случилось незадолго до Нового года. Он торопился на лекцию в утренних морозных сумерках. Возле института на него нечаянно налетела какая-то девушка. Как назло под подошвами оказался лед, и, поскользнувшись, он со всего размаха брякнулся на спину, чуть не свалив и незнакомку. От неожиданности и смущения он нашелся только сказать:

– Ну и девушки пошли... Любого мужика с ног собьют!

Светка засмеялась и великодушно протянула руку, помогая подняться.

– Хватит валяться! Вставай, мужик, а то на пару опоздаешь.

Так они познакомились. Потом как у всех: конфетно-букетный период, первый поцелуй, свадьба, рождение Сережки...

Александр, привстав, посмотрел на часы. Семь часов. Жена вот-вот придет. Он снова погрузился в воспоминания.

Конечно, всякое было за годы семейной жизни. Ссоры, болезни, денежные трудности. Но ведь и хорошего было много. Даже, пожалуй, больше хорошего. Прогулки, праздники, покупки, отдых в Турции. Любимый сынок, так похожий на Александра. Правда, в последнее время Светка как-то отдалилась. Нервная, уставшая. Работа, работа...

«Мы давным-давно уже никуда не выбирались вместе, – внезапно пришло в голову Александру. – В

эти выходные обязательно нужно сходить в кино. Выбрать какой-нибудь новый фильм, взять с собой Сережку и вперед!»

Резко хлопнула входная дверь. Светлана, не снимая пальто, вбежала в гостиную, кинула тяжелую сумку на пол.

– Все на диване, попугай?! Бока еще не болят? – зло бросила она. Затем лихорадочно стала рыться в шкафах и на полках. – Мне еще по магазинам нужно успеть. Скоро гости придут, а у меня ничего не готово. От тебя ведь помощи не дождешься!

– Что нужно делать? – спросил Александр, вставая.

– Да что ты можешь, чучело, – отмахнулась жена. – Только диван занимать. Толку от вас, мужиков... Светлана забежала на кухню. Оттуда зазвучал ее раздраженный голос:

– Ну, вот! Так и знала! Воду разлил и не вытер! Вечно, как утка, набрызгает!

Александр почувствовал, что начинает потихоньку закипать.

– Я никакой воды там не видел...

– Конечно, не видел! Ты ее давно разлил – капли уже успели засохнуть!

Светлана выскочила из кухни с тазиком, полным картофеля.

– Значит так! Сейчас быстро почисти эту картошку. Я приду и сделаю пирог на вечер.

Александр, проглотив подступающее раздражение, покорно отправился на кухню. Однако не успел он приступить к работе, как поступил новый приказ:

– И тесто для пирога пока раскатай!

– Я же чищу картошку, – напомнил он.

Светлана снова возникла в дверях. Руки нервно сжимали сумку, на глазах выступили слезы.

– Ты всегда отказываешься мне помогать! Я все должна делать сама! Зачем мне такой мужик нужен?! Можешь вообще больше ничего не делать! Обойдусь! Урод! всю жизнь мне испоганил!

И, всхлипывая, она выскочила из квартиры.

Александр почувствовал, как у него затряслись руки. Он бросил нож в таз с картошкой и застыл, бессмысленно глядя перед собой. Нечем дышать. В глазах темно. Стало как-то тесно, как будто стены со всех сторон надвинулись на него.

С трудом протолкнув воздух в легкие, Александр поднялся со стула, набросил куртку и вышел на улицу. Прохладный мартовский вечер немного привел в чувство.

Куда идти? Их дом на краю города. Дальше только лес. Александр побрел в сторону окраины. Сердце бешено колотилось в груди. В горле стоял комок. На глаза наворачивались слезы. В голове пронеслись какие-то обрывки мыслей. В мозгу тупо билось одно:

«За что?.. Только не заплакать... Ты же мужик... Только не заплакать... За что?..»

Навстречу изредка попадались прохожие, спешащие поскорее сесть за праздничный стол. Александр машинально уступал дорогу женщинам и мужчинам с цветами в руках: весело щебечущим парочкам и одиночкам, которых тоже кто-то где-то ждал. Чувство одиночества, охватившее Александра, было таким пронзительным, что он не выдержал и застонал. Зажмурился изо всех сил. Предательская влага выступила в уголках глаз.

«Не плакать, не плакать... Мужики не плачут... Но за что?!»

Душила обида. Она как удав перехватывала горло и то слегка отпускала, то давила с новой силой.

«Он же старался, чтобы у Светки был сегодня праздник. Как мог, старался. А она... Как же так можно?.. За что?!»

Обида сменилась сумасшедшей злостью.

«Сука! Я столько сделал для нее. Любил, заботился... Пригрел змеюку... Сука! Сука! Убью!»

После короткого приступа злости разом нахлынуло отчаяние.

«Сдохнуть что ли? Решить все разом! Пойти прямо сейчас в лес и замерзнуть!»

Александр представил, как утром найдут его окоченевшее тело. Тело представлялось почему-то с выпученными, как у рака, глазами. Жутким.

«Светка, конечно, будет в шоке. Вот тогда она поймет, что натворила, но будет уже поздно».

От жалости к себе стало немного легче. Морозный воздух постепенно делал свое дело и Александр вдруг почувствовал, что замерз. Спазмы, туго сжимавшие горло и не дававшие дышать, ослабели. Мысли перестали нестись мутным, неуправляемым потоком.

Уже совсем стемнело. Редкие фонари едва освещали пустынную улицу. Вскоре дома кончились и потянулся невысокий штакетник. За ним находилось футбольное поле, на котором часто собирались лю-

бители погонять мяч из окрестных домов. Александр никогда не принимал участия в этих играх, помня о своем, далеко не пионерском, возрасте и стесняясь солидного животика. Но сейчас, пройдя вдоль забора до входа, он зашел внутрь. На поле, освещенном мощным прожектором, играли в футбол несколько мужчин. Александр остановился у края поля и принялся бездумно наблюдать за игрой. Мужики, разделившись на две команды, увлеченно носились по полю.

- Андрюха, пасуй!
- Серый, давай по левому краю!..
- Ай, молодца!
- Ай, красавчик!

Их азарт захватил Александра, и когда один из игроков вдруг махнул ему рукой, приглашая присоединиться, он не раздумывал. Кинув куртку на скамеечку, Александр выбежал на поле. Получил пас и повел мяч к дальним воротам. Ему стало легко и беззаботно, как в детстве. Все произошедшее показалось глупым и совсем не важным. К черту этих баб с их истериками! К черту Клару Цеткин с ее дурацким праздником! Здесь он среди своих. Свой в этой мужской компании, где все просто и ясно, где тебя принимают и уважают.

Александр играл в футбол, забыв обо всем на свете: и о своих тридцати пяти годочках, и о животике, и о Светке, и об обиде, а в сотовом телефоне, без перерыва вибрирующем в кармане куртки, множилось и множилось смс-ки: «Саша, ты где? Я люблю тебя! Я жду тебя дома! Я люблю тебя! Я жду тебя!..»

«Дары волхвов»

Это случилось в год Алевтины – жены Свистуна. Алевтина родилась сорок восемь лет назад как раз в год сине-зеленой обезьяны. Впрочем, это и так было сразу видно. Свистун фамилия, конечно, дурацкая, но все познается в сравнении, как изрек самобытный Ницше. К примеру, Остап Ссакун Свистуну завидовал.

Свистун давно дружил с Ссакуном. Они оба выросли в Желтых Водах и в Германию уехали почти одновременно. Желтые Воды были небольшими – город с таким названием не может быть большим, поэтому все там друг друга слегка знали. Свистунов в бывший рейх вызвала мать Алевтины, а Ссакуна увезла жена-немка. Еще один земляк, Низамуддин Петрович Блюменгейзер, приехал сам как законный наследник жертв нацистских репрессий.

– Дай сто евро, солнышко, – упрямо попросил Свистун. Сразу упрямо. – Завтра тираж.

– Опять на лотерею?! – заистерила Алевтина. – Мы туда уже столько денег ссыпали, что хватило бы месяц на Мальорке загорать, как твой Ссакун! Каждые полгода участвуешь! Разбогатеть хочешь? А все зря! Ну какой-то же полезный выхлоп должен быть от твоего безумия? Неужели за семнадцать лет ты не понял, что лотерея – это залипуха для лохов?!

– Дай сто евро, – повторил Свистун, не меняя интонации и громкости. Он давно был женат на Алевтине и знал, что делать.

– У других-то жены как лебедушки! – запричитала Алевтина. – А у тебя одна песня: «Я назову тебя звездочкой, ты только раньше вставай! Я назову тебя солнышком, только ты все успевай!»

– Не давай ему ни евроцента, Аля! – высунула свою змеиную головку из спальни теща Свистуна. – Это ему Ссакун вешает лапшу на уши. Слава богу, уши большие!

– Вы в плену стереотипов, мама, – произнес Свистун. – Вот смотрите. Комары пьют кровь? Пьют. Значит, вампиры? Вампиры. А в зеркале тем не менее отражаются!

Теща выразительно составила из морщин ехидство.

– Про комаров сам придумал?

– Нет, в Интернете прочитал, – честно признался Свистун. – Аля, дай сто евро.

Жена раздраженно достала из сумочки портмоне и вытащила мятую бумажку.

– На, совокупность неудач!

– Спасибо, Аля, – индифферентно сказал Свистун, пряча деньги в карман. Он снисходительно усмехнулся про себя. Что могут понимать бабы в лотерее? Свистун любил Алевтину, но «Большая денюга» стала смыслом его существования. Осью, вокруг которой каруселью вращалась германская жизнь Свистуна. Полгода он ждал результата тиража, волновался, рассчитывал, надеялся, верил. Прикидывал, на что потратит огромный выигрыш. Праздник эмоций и тема долгих перекуров. Енисей адреналина, в конце концов! Когда становились известны результаты, жизнь превращалась в пустой и бессмысленный ручеек минут, часов, дней. Свистун больше не мог барахтаться в серых скучных буднях, поэтому снова

и снова покупал причину своего внутреннего праздника – лотерейный билет.

– Ты хоть цифры другие выбери, – презрительно посоветовала Алевтина.

У Свистуна была личная, авторская система. Алевтина называла ее «Долой здравый смысл». Свистун каждый раз в лотерейном билете зачеркивал только цифры, делящиеся на семь. Семерка – счастливое число. Он верил, что это должно однажды выстрелить.

– Какие другие цифры? Число «пи»?

Алевтина задумалась. С математикой она не дружила. Как и с мужем.

– Вот видишь.

И Свистун отправился в лотерейный киоск к Ссакуну. Идет, никого не трогает, рука сжимает в кармане заветный стольник. Дорога знакомая: мимо цветочного магазинчика Блюменгейзера к киоску. Свистун поравнялся с магазинчиком. За стеклом кристально-чистой витрины был виден сам хозяин, копающийся в корзинах с цветами. Низамуддин Петрович был человеком с головой. С большой, круглой, седовласой головой. Он ел только кошерную пищу, пил только кошерную водку, курил только кошерные сигареты, мылся только кошерным мылом и иногда говорил странные слова. Например, «отнюдь», «беспринципность», «порebrit». Низамуддин Петрович тоже заметил Свистуна и, будучи человеком воспитанным, помахал ему рукой.

Свистуну оставалось только повернуть за угол магазинчика, но внезапно его внимание привлек огромный букет роскошных роз, красующийся в центре витрины. Маленькая белая карточка под букетом сообщала всем желающим название букета: «Дары волхвов». Название логично не имело никакого отношения к розам, но все же намекало на растительное происхождение объекта. Как обычно в нашем мире связь вещей была затуманена и приводила к познанию сути только через длинный ассоциативный ряд. Шедевр флористики извергался настоящим фонтаном буйных красок, декорированный ароматическими свечами и атласными лентами. Ажурные веточки гипсофилы с махровыми цветочками подчеркивали пышную красоту королев цветов: пурпурных, нежно-розовых, белоснежных. Сочетание сочной зелени и ярких роз придавало букету невероятно жизнерадостный, нарядный и праздничный вид. В общем, произведение искусства, по степени воздействия на зрителя вполне сопоставимое с картиной Саврасова «Грачи прилетели», статуей Мухиной «Рабочий и колхозница» или клумбой перед горсоветом родных Желтых Вод.

Свистун застыл. Глядя на «Дары волхвов», он вдруг подумал об Алевтине. Такой вот поразительный факт. И подумал не о той разжиревшей, сварливой бабе, которая четверть часа назад со скандалом сунула ему сто евро, а об Альке – молоденькой тоненькой студентке пединститута с огромными голубыми глазами и копной русых волос. Свистун вспомнил, как после работы бегал к ней на свидание к клумбе горсовета. Ноги сами несли молодого Свистуна, сердцу было тревожно в широкой груди, в руках розы, на голове густые кудри. Тогда ему казалось, что он может сделать для своей Альки все, что угодно: вычерпать океаны, сравнять горы, достать утонувший «Титаник», выучить китайский язык.

Свистун перевел дыхание. Сердце сжало непривычной болью. Как же давно это было! Свистун и Алька. Скоро тридцать лет вместе. Еще немного, и туннель со светом в конце.

Низамуддин Петрович вышел из магазинчика. Клиент есть клиент, даже если это Свистун. На лице Низамуддина Петровича сияли очки и уверенность в завтрашнем дне.

– Не поймите меня правильно, уважаемый Свистун, – начал разговор продавец роз. – Я не навязываю вам свои цветы, но гороскоп утверждает, что сегодня необыкновенно благоприятное время для букета жене. «Дары волхвов», например, достойно увенчали бы ваш день.

– Сколько стоят? – губы Свистуна сами задали вопрос. Он удивился такой самостоятельности своих губ, но промолчал.

– Вы поставили меня не в ловкое положение, уважаемый Свистун, – развел руками Низамуддин Петрович. – И хотя вечером меня ждет сеанс самобичевания (Вот, опять странное слово!), исключительно для вас – сто «евреев».

Свистун кивнул, повернулся и пошел за угол. Но яд сладких воспоминаний о прекрасной юности уже отравил его сознание. «Девушка с огромными голубыми глазами и копной русых волос!»

«Не так уж много хорошего видела от меня Алька за эти годы, – признался себе Свистун. – А в последнее время я ее совсем забыл. Ни подарков, ни секса, ни ласкового слова. Уже не смогу вспомнить, когда в последний раз дарил жене цветы. А нет! Вспомнил. На Восьмое марта. Альке и ее матери, этой бабе-жабе, по три грустных гвоздички».

Свистун подошел к лотерейному киоску. За окошечком сидел Ссакун и читал Хэмингуэя. Тяга читать

от безделья книги Ссакуну передалась от отца – сторожа детсада. Тот на дежурстве всегда что-нибудь читал, пока его не убил пакет с мусором, выброшенный из окна многоэтажки.

Ссакун увидел друга и заулыбался.

– Привет, Свистун! Ты вовремя. Поторопись, завтра тираж!

Свистун, преодолевая сопротивление самого себя, протянул деньги Ссакуну. Тот засуетился.

– Тебе как обычно? Билет «Большая деньга»? На это раз приз составит десять миллионов евро! Представляешь?

Свистун молча кивнул. «Девушка с огромными голубыми глазами и копной русых волос!»

Друг внимательно оглядел его.

– А ты что такой напряженный?

Свистун произнес непослушными губами:

– Станешь напряженным. Алька дома какает кубиками.

Ссакун махнул рукой.

– Из-за лотереи? Забей! Знаешь, как говорил наш прапорщик: «На каждый газ есть свой противогаз!» Купи своей Алевтине туфли.

– Лотерея – это залипуха для лохов, – повторил Свистун слова жены.

– Я что-то тебя не узнаю, друг, – проговорил Ссакун, подавая лотерейный билет. – Ты меня слышишь? На кону десять миллионов евро! Это же денег до хэ и больше!

– Тот, у кого есть десять миллионов евро, не более счастлив, чем тот, у кого есть девять, – сказал Свистун и снова удивился себе. У Свистуна не было даже одного миллиона, только сто евро, но принцип-то оставался тот же.

Ссакун встревожился. Он захлопнул томик Хэмингуэя и проговорил:

– Ты, что, Свистун, совсем охэмингуел? Семнадцать лет тридцать три раза подряд ты покупал этот гребаный лотерейный билет! Может быть, именно в тридцать четвертый раз тебя ждет удача?! Ты о чем вообще думаешь?

«Девушка с огромными голубыми глазами и копной русых волос! И год как раз ее – сине-зеленой обезьяны!»

– Верни деньги, – упрямо сказал Свистун. Сразу упрямо.

– Ты хорошо подумал?

– Хорошо. Засунь себе этот лотерейный билет в попенгаген через Роттердам и верни деньги.

Ссакун обиделся.

– Ну и целуй свою Альку в попу!

...Свистун шел домой с огромным букетом роз в руках, а сердцу опять было тревожно в груди, как давным-давно в Желтых Водах. Тревожно, сладко и немного страшно. Свистун первый раз за семнадцать лет не купил лотерейный билет.

А теперь неожиданная развязка. Вы думаете, если Свистун не купил лотерейный билет, то согласно закону подлости на этот раз выпали именно его цифры? Ага, как же! Жизнь не добавила драматизма в эту историю. Свистун не выиграл бы, даже, как обычно, купив билет. Ничего странного, просто кто-то родился с серебряной ложкой в заднице, а Свистун нет.

«Дары волхвов» простояли в гостиной две недели, а потом отправились на помойку. Аромат роз быстро выветрился из квартиры, но в душе Алевтины приятный осадок остался навсегда. Свистун тоже не жалел об упущенном шансе разбогатеть. Ведь не получить желаемое – это иногда и есть везение.

Сапоги для Поднебесной

Вскоре после развода моя жизнь вдруг сделала странный поворот. Не успев привыкнуть к свободе, я снова женился. Новая жена оказалась гражданкой Германии, и мне пришлось переселяться в Неметчину, так как Анке панически боялась России. Сколько я ей ни говорил, что в России тоже можно неплохо устроиться, все было напрасно.

– Не делай мне штресс! – отвечала моя фрау, с отчаянием глядя на меня. – Россия – мрачная и жестокая страна! Здесь нет и не будет немецкий орднунг!

Спорить было бесполезно, и вскоре я уже жил в небольшом баварском городке в окружении румяных и улыбчивых анкених земляков.

После оформления вида на жительство мне предложили пройти языковые курсы для лучшей интеграции в немецкий орднунг. Делать было нечего, и я согласился.

На следующее утро Анке высадила меня у входа Еврошколы. Так она называлась потому, что ее деятельность частично финансировал Евросоюз, частично Бавария, а частично, видимо, никто, так как стены Еврошколы были ободраны, а мебель старенькая.

Группа собралась пестрая. Несколько турков, пара бывших югославы, корейка, тайландка, кенийка, китаец и нигериец. Из России я был один. Несмотря на такой сильный состав, немецкого никто не знал, и общались мы первое время с помощью улыбок и интернационального «халло!».

Однако, если не принимать во внимание обшарпанные стены, оборудована школа была хорошо. Аудитории были оснащены компьютерами, подключенными к Интернету. В комнате отдыха стояло несколько автоматов с горячим кофе, колой и минералкой.

Занятия вела фрау Альтерготт – морщинистая как шарпей женщина с вечно спутанными редкими седыми волосами, сухая, как пумперникель. Фрау Альтерготт была не замужем и всю нерастрченную энергию обрушивала на несчастных иностранцев. В первый же день она призвала нас соблюдать дисциплину, не прогуливать, не опаздывать и аккуратно выполнять все домашние задания. Не смущаясь, наша учительница предупредила, что в конце курса она напишет о каждом отчет и от его содержания будет зависеть размер пособия по безработице. Вдохновленные перспективой лишиться единственного дохода, мы с энтузиазмом приступили к занятиям.

Сразу выяснилось, что уровень учащихся очень разный. Одна турчанка смущенно призналась, что живет в Германии уже 18 лет, но язык пока не освоила. А крошечная фрау Нидермайер из Таиланда, наоборот, несмотря на то, что совсем недавно вышла замуж за герра Нидермайера, уже бойко стрекотала по-немецки. Проблема была в том, что ее никто не понимал. Окружающие были уверены, что фрау Нидермайер говорит на своем родном тайском языке.

Самым экзотическим студентом был высокий худой нигериец с ритуальными шрамами на лице, а самым незаметным – молодой китаец в кирзовых сапогах. Эти сапоги и привлекли мое внимание. Хотя на дворе стоял июль и вся Европа изнывала от жары, китаец неизменно появлялся на занятиях в этих тяжелых солдатских сапогах. По утрам он неразборчиво здоровался с нами и быстро занимал место на последнем ряду. В течение урока он тихо сидел и старался не привлекать к себе внимания. Никогда сам не задавал вопросов преподавателю и часто вместо ответа лишь молча качал головой, смущенно улыбаясь. В паузах китаец не вступал в общий разговор, и, вообще, было видно, что это очень застенчивый и скромный парень. На вид ему было лет двадцать-двадцать пять, как его звать, никто не мог понять и произнести. Даже фрау Альтерготт, обращаясь к нему, вместо имени издавала какой-то неопределенный звук, похожий на э, но одновременно и на у.

Постепенно мы втянулись в занятия, привыкли к строгости нашей преподавательницы и перезнакомились друг с другом. Симпатичная корейка Йонг часто расспрашивала меня о жизни в России, так как ее мужа, работавшего в ФРГ представителем какой-то южнокорейской фирмы, собирались переводить с повышением в Новосибирск. Жозефин из Кении рассказывала нам о сафари, которые она организовывала на своей родине. В Баварию ее послал хозяин турбюро для изучения немецкого, так как богатых германских туристов в Африке из года в год становилось все больше. Высокий нигериец объяснял многочисленным желающим, как можно вкусно приготовить ежа. Оказывается, в Нигерии ежи относятся к съедобным животным.

Время летело быстро, и вскоре летний зной сменила осенняя прохлада. В октябре начались дожди. Пришла пора менять привычные футболки и сандалии на куртки и ботинки. Только наш китайский коллега продолжал неизменно приходить на занятия все в тех же стоптанных сапогах с потрескавшимися голенищами.

Я ломал голову над тем, почему он в сорокаградусную жару мучился в этой неудобной обуви. Даже когда все вокруг него ходило в легких шлепках, этот загадочный товарищ не расставался с кирзачами. Может, эти старые сапоги для него дороги как память? Может, в них он хранит все свои сбережения? Или он исполняет какой-то суровый обет? Если бы не эти сапоги, я никогда бы не обратил внимания на этого человека. Обычный, ничем не примечательный китаец. Неряшливо одетый, малообразованный, с натруженными руками крестьянина. Тайна старых сапог стала всерьез занимать меня.

Анке, которой я рассказал про странного китайца, считала, что тот просто немного отстал от Европы.

– Наверно, на его родине кирзовые сапоги пока не вышли из моды, – убеждала меня моя белокурая фрау, готовя вечером на ужин всякие шпецли, кнёдли и прочие крустли.

– А может, он просто скупердяй? – предположил я. – Знаешь, этакий Лепрекон из Поднебесной? Днем ходит в старых опорках, а по ночам с вождением пересчитывает сэкономленные евро?

Анке даже не улыбнулась. Она, как и всякая нормальная баварка, не находила ничего зазорного в том, что кто-то откладывает монету-другую...

Наступил декабрь. Курс, рассчитанный на полгода, подходил к концу. Незадолго до Рождества наш китаец вдруг перестал приходить на занятия. Сначала никто не обратил особого внимания на это обстоятельство. Но, когда китаец пропустил третье занятие подряд, фрау Альтерголт встревожилась. Она попыталась узнать у нас что-нибудь о пропавшем ученике, однако никто ничего не знал.

Возможно, мы так бы и закончили наш курс и я так никогда бы не узнал причины странной привязанности китайца к старым сапогам, если бы, проходя однажды по улице, не встретил его собственной персоной. Гость из Поднебесной мирно сидел на остановке и ждал автобус. Узнав меня, он смущенно улыбнулся и кивнул. Я улыбнулся в ответ и, сев рядом, спросил его, почему он перестал ходить на курсы. Парень молча показал на свои ноги. Вместо сапог он был обут в летние сандалии. Носков на нем не было, и его ступни представляли собой жалкое зрелище. Распухшие, покрасневшие пальцы были все в грязи и в снегу.

Молодой китаец как мог попытался объяснить, как он дошел до жизни такой. Из его звуков, жестов и мимики я понял, что всю свою жизнь он ничего не носил кроме сапог. Но вот его любимые, удобные, красивые сапоги совсем развалились. Бедный парень уже несколько дней ищет новые и никак не может найти. В местных магазинах таких сапог нет. Никакой другой обуви он не признает и скорее отморозит себе ноги, чем наденет неудобные ботинки. Привычный ему мир перевернулся, и он не знает, что теперь делать.

Пока мой собеседник рассказывал о своей беде, у него даже слезы показались на глазах. Парня надо было выручать. Я попросил его прийти на следующий день на занятия. Кое-как он понял и согласился кивнул, грустно улыбаясь. Я ободряюще хлопнул его по плечу на прощанье и отправился домой. По дороге я прикинул, где и у кого в Баварии можно срочно достать кирзовые сапоги. Мои тропические мульти-культы с курсов помочь вряд ли могли. Родственники Анке тоже. Дедушки, когда-то служившего в Фольксштурме, у нее вроде не было. Значит, только у русаков.

Придя домой, я начал обзванивать знакомых казахстанских немцев в надежде, что у кого-нибудь заваялись кирзачи как память о бескрайних родных степях. Позвонил одному-второму – ничего. Я уже совсем отчаялся, как вдруг вспомнил о Марате. Марат – казах по национальности, хотя уже давно переехал из Азиопы в Германию, по-прежнему приводил бундесов в недоумение своей неарийской внешностью. Они никак не могли понять, почему этот китаец так хорошо говорит по-русски.

Вот этот-то Марат меня и спас. Оказалось, он летом ездил на родину предков и привез оттуда новые кирзовые сапоги. Ему их подарили родственники, и отказаться он не мог. С тех пор дорогой подарок валялся в подвале. Узнав, что кому-то немедленно нужны сапоги, Марат сам привез их ко мне.

– Хорошо еще, что тебе юрту не подарили, – заметил я, когда он благодарил меня и Аллаха за то, что мы избавили его от ненужной обуви.

На следующий день я пришел в Евршколу раньше всех. Поставил подарок на стол, за которым обычно сидел наш китаец, и стал ждать. Первой прибежала Жозефин, потом собрались постепенно и остальные. Я рассказал им, что означают сапоги на столе. Под сочувственные восклицания Жозефин вытащила красную ленточку из своих курчавых волос и красиво перевязала ею голенища. Один из турков вытащил из кармана деньги и положил их в сапог. Его примеру последовали и другие.

– А это ему на десерт, – смеясь, заметила фрау Нидермайер, опуская в другой сапог шоколадку.

Радостное оживление охватило всех. Мои товарищи бросились проверять содержимое своих сумок и карманов. Взятые с собой на занятие конфеты, печенье, даже баночки колы и пакетики сока, исчезали в сапоге. Наблюдая их трогательную суету, я подумал о том, что, несмотря на все различия, людей объединяет бескорыстное желание помочь. В этом чувстве они, оказывается, совершенно одинаковы.

Увлечшись своей благотворительностью, мы и не заметили, что наш пропавший друг тихонько стоит у дверей и недоуменно смотрит на царящий в классе кавардак. Наконец кто-то первым обратил на него внимание, за ним другой, и вот уже все, улыбаясь, приглашающе замахали руками.

Парень смущенно подошел ближе и увидел на своем столе новые сапоги.

– Это тебе, – ласково сказала Жозефин, – подарок от всех нас.

Молодой китаец прижал к груди сапоги, наполненные до краев, нет, не деньгами и сладостями, а человеческой добротой, и впервые мы увидели на его лице широкую, радостную, более ничем не сдерживаемую улыбку. Его мир снова обрел равновесие. Все опять встало на свои места. Ну и хорошо.

Маргарита МОСКВИЧЁВА

Художник, керамист, поэт, прозаик, член Сумской областной литературной студии «Лит-ра.com», активный участник проекта «Сумщина творческая. Культура и искусство», лауреат Международного литературного фестиваля «Бумажный ранет-2013» (Москва), лауреат Международного многоуровневого конкурса имени деРишелье-2014. Печаталась в журналах: «Радуга» (Киев), «Лава» (Харьков), литературном альманахе «Каштановый дом» (Киев), Международном литературно-художественном журнале «Зарубежные задворки «ZA-ZA»» (Дюссельдорф), литературный журнал «Южная звезда» (Ставрополь). Произведения опубликованы на литературных сайтах Германии и России, а также звучали на сумском, харьковском областном радио и на радио «Московской правды». Проиллюстрировала и оформила более двадцати книг авторов Сумщины, Киева, Америки. Представляла свои работы на персональных и Всеукраинских выставках, а также в Швеции в 2013 г.

* * *

Неужто боль разлуки исцелит
От боли правды, колкой в подреберье?
Ведь это же не насморк, не бронхит
И осложнением станет недоверье.
Проходят дни, недели и года...
Пройдёт и сон, уйдут в забвенье лица.
И будут снова злые города
Шептать, что нам уже не измениться...

* * *

Уже не идёт снег.
Уже не летит пух.
Который сейчас век?
Который сейчас друг?
Осталась вдали ночь.
Отстал от дождя след.
Стремятся года прочь...
Со мною меня – нет...

* * *

Вдали, за густыми снегами,
Погасли в заре фонари.
Осталось всего между нами
Два дня или, может быть – три.
День первый: снега и метели,
Простуда, ветра, сквозняки...
Нет-нет, мы ведь так не хотели –
Рука не коснулась руки...
Второй – перегретый июлем,
Удушлив, как жар из печи.
Казалось, над счастьем колдуем,
Прислушалась – нет, мы молчим.
День третий проснулся усталым.
Бредёт сам себе наугад.
Хочу прикоснуться устами,
Но нет – не даёт снегопад.

* * *

Померкла страсть в ночном кошмаре снов,
и выцвел день от суетного света.
Манящий призрак с коробом даров...
и тонкий лучик ультрафиолета –
коснётся тайна мира забвения,
и всколыхнёт застывшую простуду.
Прохожий крикнет вдруг:
– А это чья
парит судьба?..

И ветер отовсюду!

И листья осени со всех сторон летят,
заполняя всё вокруг пространство,
и одинокий май, забредши в сад,
украсил яблони своим непостоянством.
А ночь гудит...

А пепел сыпет страх...

В ручьях вода застыла в одночасье...
А высоко над миром, там, в горах,
за всем спокойно наблюдает счастье.

* * *

Не о том сидим, не о том...
Молча дуем на чай, вздыхая.
Предпоследний читает том
Нам о памяти ложь седая.
Стукнет ворон в стекло окна –
Вряд ли мы этот стук услышим,
Потому что подсела к нам
Тьма, которой мы сладко дышим,
И глаза застелила сном.
За стенами простор бездонный...
Не о том молчим, не о том...
Чай в стакане – совсем холодный.

* * *

Однажды мы не встретились с тобой –
Промчался мимо озорной автобус,
Исколесив по параллелям глобус,
Напоминающий наш шар земной.
Пересеченья не было путей –
Меридианы все укрыла вьюга,
И мы с тобой не встретили друг друга,
И мир чуть-чуть нам кажется пустей.
Растает снег, и цвет сирени в мае
Подскажет ритм для слуха моего,
И я, не понимая ничего,
Пройду по парку, о тебе не зная.
А ты в ночи вдруг распахнёшь окно
И дерзкий взрыв сиреневого ветра
Тебе откроет чувств извечных недра.
Но мне вот будет это всё равно.

Часов настенных я услышу бой
И оглянусь на полминуты позже,
И прошепчу чуть слышно в полночь: – Что же
Однажды мы не встретились с тобой?..

* * *

Два мира, два коня,
Два солнца, две преграды,
И даже две меня –
Из них я каждой рада.
Два облака вдали –
Дожди пролились дважды.
Две маленьких Земли
Легли на лист бумажный.
Два бережных крыла
Из хлопьев снегопада...
Я дважды поняла:
За всё – одна награда.

* * *

Бесплезная тень бесполезно скользит по паркету.
Бесплезная ночь пролетела, не дав отдохнуть.
Бесплезное время, в котором и времени нету:
Ни успеть, ни устать, ни прожить, ни взлететь, ни вздохнуть...
Бесплезна дорога, ведущая вдоль безмятежья.
Бесплезны слова, те, которых увидеть нельзя.
Бесплезна полезность, что будто услуга медвежья,
Преподносится теми, чьё имя для многих «друзья».
Заковыристый смысл недосказанных слов бесполезен.
И совсем уж бессмысленно ждать объяснение снов.
Лишь надеяться стоит, что, может, отступят болезни,
Бесплезно гнетущие тонкие смыслы основ.

* * *

В канун снегопада мы взглядом коснулись друг друга,
И робко, несмело, не смея слова уронить,
Смотрели сквозь день, сквозь друзей, до немного испуга,
Боясь – не удастся нам это надолго продлить,
Казалось, лишь взгляд отвести – и растает навеки
Твой образ напротив, и мой, точно так – для тебя.
Я помню тогда, у тебя еле вздрогнули веки,
И я всё боялась моргнуть, шаль свою теребя.
Фонтаны страстей отшумели, остыли туманы...
Короткая память всю прозу развеяла в прах.
Шутливо звучит в исполнении скрипки с органом,
Не очень-то шуточный, но изумительный Бах.

Андрей ПОЛЯКОВ

Член Национального союза писателей Украины. Поэт, прозаик. Стихи печатались в журналах и альманахах Украины, России, Германии. Автор шести поэтических книг. Лауреат Национальной литературной премии им. Николая Ушакова (2001), лауреат Всеукраинского литературного конкурса журнала «Радуга» (Киев, 2005), лауреат Международного поэтического конкурса «Премия Неизвестного читателя» (Киев, 2013), лауреат Международного многоуровневого конкурса имени де Ришелье (Одесса, 2013) Награждён дипломом Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД России за вклад в развитие русской литературы. В 2013 году вошёл в «Золотую десятку» ежегодного рейтинга «ТОП-50» для сумчан, внесших особый вклад в развитие культуры. Автор межрегионального проекта «Сумщина творческая. Культура и искусство».

Снег заброшенного сада

И падал, падал, падал снег –
То вкось летел, то прямо...
Он был тогда один на всех –
Глубокий, словно память.

Он был тогда как волшебство
Заброшенного сада,
Когда и нету никого,
И никого не надо.

Он был тогда как благодать,
Даруемая снами.
И страшно было наступать
И мерить боль шагами.

Когда же это было?
Почудится – вчера.
Метель с ума сводила
От ночи до утра.
А утром – что за сила
Бросала в круговерть?
«Приди!» – любовь просила.
«Вернись!» – просила смерть.
И раннее начало
Тоски на целый свет
Имён не называло,
Не нарекало бед.
И снова моросило.
Снегам не быть уже.
Однажды это было –
Всю ночь мело в душе.

Дальний свет

Из дома, стенами томим,
Шагнул во тьму легко.

И сто дорог легло пред ним,
И сто за ним легло.

Побрёл... Сначала наугад,
Потом – на дальний свет.
В дорогу взял то дождь, то град.
Как пёс, взял чей-то след.

А сто дорог сплелись в клубок.
Прошло немало лет...
И он ступил на свой порог,
Придя на дальний свет.

Негасимая звезда

*Только ты стоишь перед глазами,
Как звезда стоит перед землёй...*

Ю.Кузнецов

Я стоял среди мёртвого неба
В окружении лунных теней.
Ни воды не осталось, ни хлеба,
Только память осталась о ней.
Я губами ловил нервно губы,
Я руками по далям скользил,
Но молчали небесные трубы,
И в земные никто не трубил.
И покой разливался...

Покоя

Не хотел чуткий разум принять.
Он страдал...

Под мою рукою

Начал дальний огонь полыхать.
Заметались безгласные тени,
Заметались во мне и вокруг –
И приблизились отчие стены,
И окно обозначилось вдруг.
Сквозь стекло (почернело от пыли)

Я увидел: сидишь за столом.

Ты сказала:

– Когда-то мы жили,

Для чего ты покинул свой дом?

Ты ушёл – только свет не гасила

И ждала: возвратишься опять.

Что за сила по свету носила,

Ведь себя никому не понять?

Заходи – и мне двери открыла,

Заходи, если сможешь зайти.

Как когда-то тебя отпустила,

Умоляю – меня отпусти.

Я шагнул – и рассыпались стены.

Я шагнул за порог в никуда...

И холодное небо измены,

Как орех, расколола звезда.

* * *

Прижать к лицу осеннюю траву,

Вдохнуть её неистребимый запах

И вдруг услышать, как на мягких лапах

Крадётся шёпот:

– Господи, живу!

Всему на свете можно удивиться.

Чей это шёпот – мой или травы?

А может это выдохнула птица,

А может, где-то выдохнули Вы?

Дышать, дышать, душистое подспорье

Сомненьем не разрушив до конца,

В травинке каждой скрытое раздолье

Увидев каждой клеточкой лица.

Про то

Про то, что так, а не иначе,

Но всё-таки меняло суть.

Про то, что ехало на кляче,

А после оседлало путь.

Про то, далёкое вначале,

Но близкое в концов конце.

Про то, что силой отлучали

Не от луча ли на лице?

Про то, что легче вспышек снега,

Когда он падает на грудь.

Про то, что сердцу человека

Ещё без слов сказало: «Будь!»

Слово

... Это Слово над миром сияет

И – покуда душа не пуста –

Снова силой незримой смыкает

Говорливые наши уста.

Дом

Молчи, скрывайся и тай...

Ф.Тютчев

Я сам в себе, как возраст мой.

Я – дом, засыпанный листвою.

Горит огонь, и печь гудит,

Но на дверях замок висит.

Прохожий, мимо проходя,

Не нарушай мой тёплый сон.

Там, за окном, в сетях дождя

Есть я – другой. Но я – не он.

А он открыт со всех сторон,

Ещё он дум высоких полн,

Во всём волшебник он и маг,

Себе – не друг,

другим – не враг.

Он возвращается домой,

Но дом его лишь дом родной.

И долго... Долго по ночам

Он смотрит в окна темноты

И быстро пьёт остывший чай,

Шепнув кому-то:

– Где же ты?

А я... я рядом, за стеной.

Я по соседству дом забытый,

Крест-накрест накрепко забитый

И потому ещё живой.

Мир

А этот мир... Он всё-таки единый...

Моей дороги посох журавлиный.

Я пришёл к вам с миром,

Но вы заметили только меня.

Дорога

Играла волною у края причала,

И в спальню по ней приходила луна,

И каждое сердце, конец и начало,

Скворец перелётный – всё это она.

Дорога, дорога... Ни хаты, ни тына.

Тоска да куда-то зовущая даль.

Во имя Отца воскресили нам Сына,

И мы прибежали голодные:

«Дай!»

А небо! А небо... Ты было при Ное,

О чём и напомнило снова душе.

И катятся волны... Иное, иное,

Иное ночами нам снится уже.

Дорога, дорога... Бывает так плохо –

Никто не поможет, не вправе помочь.

На три разделилась безропотных слога

И так бесконечна, как долгая ночь.

Юлия ВИНЯТИНСКАЯ

Родилась в Одесса. Детство и юность прошли в г. Единец. Окончила русский лицей им. Д. Кантемира. Поступила в институт международных отношений в г.Кишиневе. По профессии филолог. Увлекается иностранными языками, поэзией. Стихи пишет с 10 лет. Публиковались в районных и республиканских газетах Молдовы.

Старый патефон

Старый патефон в потоке звуков
Скрыть не смог снарядов взрывы.
Не услышит он и голос внуков
Тех бойцов – они могли быть живы.

Старый патефон дуэтом скрипок
Не вернет покоя в сердце,
Навсегда запомнит старый снимок,
Что маминой душе дал отогреться.

Старый патефон в тиши тревожной
Разорвет те горькие мотивы.
Их не услышат в стороне далекой
Бойцы, которые могли быть живы.

Последний вальс

Последний вальс – она и он,
А вдалеке уже снаряды.
И к выходу бежит толпа,
И ни к чему уже наряды.

Последний вальс – она и он,
А враг... совсем уже он близко.
Теперь единственный закон –
Мечтать, любить по переписке.

Последний вальс – наедине,
И попрощаться бы хотели.
Но разговоры о войне...
А попрощаться не успели.

В разлуке с детством

В разлуке с детством умирал мальчишка
В далекой мало славной стороне.
Считав себя героем книжки,
Практически не зная о войне.

В разлуке с детством умирал мальчишка,
Он не успел совсем пожить.
Злосчастная война как фотовспышка
Решила вмиг все прекратить.

В разлуке с детством умирал мальчишка,
Глазами говоря: «Прощай»!
А жизнь решила, что пожил он много...
слишком...
И все закончила, как будто невзначай...

Сирень

Посадил сирень он с папой,
Говорил: «Вот подрастет она»,
И сиреновой огромной лапой
Прикроет солнце у окна.

Год прошел, второй вдогонку,
Рвет букеты ребягня.
Только парня и его котомку
Зовет война, снарядами звеня.

Он ушел, но обещал, что вскоре
Окунется в куст сирени той.
И не знает он, что в доме горе
Прикроет куст сирени молодой.

Обрывок недошедшего письма

Обрывок недошедшего письма
Хотел бы прислонить к губам.
В обрывке не дошедшего письма
Он спрашивал: «Ну как вы там?»

Обрывок недошедшего письма
Он долго-долго бы хранил.

Обрывок недошедшего письма –
Об этом он не говорил.

Обрывок недошедшего письма –
Его сожгло тех жизней пламя.
Обрывок недошедшего письма
Вернули через месяц маме.

Избушка в три окошка

Он жил в избушке в три окошка,
Как дети тех сороковых.
Когда подчас и хлеба крошка
Была спасеньем для живых.

Когда светило ярко солнце,
И вдруг с какой-то стороны,

Из трех в одно его оконце
Влетели ужасы войны.

Сложив в котомку часть горбушки,
Вторую маме отложил,
Ушел из ветхой он избушки
И верно родине служил.

Он защищал страну родную,
Он видел все: и боль, и страх.
«За вас, родные, я воюю», –
Не устоял он на ногах.

А мать ждала, живя надеждой,
Что все ж вернется сын домой.
Стоит избушка, все как прежде
И мамы боль, что сын-герой.

Александр ПЕТРУША

*Родился 15 августа 1952 года в г. Хмельницком (УССР).
Окончил Киевский политехнический институт. Работал в
НИИ и КБ. Живет в Киеве.*

Зимнее утро

Каре двора, мороз-мистификатор
За ночь отменит мрачное вчера.
Грядущее наступит не когда-то,
Не завтра, а немедленно, с утра.

И взгляд луны, в просвет сквозь занавески,
Лучом потусторонней белизны,
В окно, к стене протянет арабески
Земли и неба снежной целины.

Мой друг каштан, в кубанке и бекеше,
Расправив ветви, бел и среброткан,
Подмигивает вишням и черешне,
Вот бес в ребро, – и черт ему не пан!

Наш старый пудель, радостно с порога
Пролает звонко «Даждь нам снова днесь!»
Нас ждет, нам будет дальняя дорога.
Мой ангел верный, где же ты? Бог весть...

Пречистый снег, морозное дыханье,
Музыка сфер, замена старых вех,
Вселенский вздох на старте расстоянья...
И утра бешеный нахрапистый разбег!

2011 г.

Мимолетности весны

1
Последний снег смешно и безуспешно
Укрыть стремится юную траву...
Так много лет любовью я живу
Слепой, святой и безнадежной...

2
В своих глубинах заповедных
Жизнь обновляет нам земля.

Все внове вновь, полет шмеля,
И шелест шин велосипедных...

3
Во всем весна, в приметах ожидания,
В деревьях, травах и цветах...
С утра решает троица в кустах
Насущные проблемы мироздания...

4
О нетерпенье сердца снова, снова
Войти в весенний этот дождь!
И верить, верить, что придешь,
Ждать до озноба и до жара огневого...

5
А может, все еще быть может...
Апрель по-новому звучит.
А во дворе звенят мячи,
И в доме топот детских ножек...

6
Кредит весны, опять душа открыта,
Не откажи, не откажись...
Мечта, надежда, nuova vita
Вновь возвратившаяся жизнь...

7
Его седая мимолетность,
которую он ждал всю жизнь,
ему шептала безотчетно –
...скажи мне, милый мой, скажи...

...скажи, за что меня ты любишь...
...скажи, зачем меня ты ждешь...
...ну почему себя ты губишь...
...зачем себя ты не найдешь...

А он, целуя ее руки,
не говорил ей ничего.
Ответом были ее внуки
и одиночество его –

...прости, что не было и было...
 ...твое святое никогда...
 ...благодарю, что мне светила...
 ...как путеводная звезда...

И в этот майский день обычный,
 стою я рядом, веки тру...
 У тополя такой обычай –
 взрываться пухом на ветру.

Муза

Еще немного дивного
 Уюта у огня...
 Ах, Муза моя Диевна,
 Не покидай меня!

На рынке вдохновение
 Не купишь нипочем.
 Останови мгновение,
 Побудь со мной еще!

О, замануха ведьмина
 Потоков вихревых!
 И заманила ведь меня,
 Пока я не привык...

Как в юности на великах,
 На речку и в кино,
 Слетали мы на вениках
 На покер в казино.

Я проиграл, но выиграл,
 Всем шулерам назло!
 Рисковой должна быть игра,
 Чтобы в любви везло.

Натура бесшабашная,
 Кровь в жилах горяча!
 С тобой спешу на шабаш я,
 В обличье секача.

С благословенья Вийего,
 В апреле, в сентябре,
 Нас обвенчают в Киеве,
 На Замковой горе.

2011 г. «Доверенною силою,
 И властью Самого,
 На век, на счастье милую,
 Даю тебе Его.

И вечным зовом вечного,
 Вселенского огня,
 Творенья безупречного,
 Дарю тебе – Ея.

Открыв сердца Всевышнему,
 Чтоб вас он услышал,
 Даруется от вышнего
 Энергия стиха!»

И горько-сладка сказка нам,
 Уже кричат друзья:
 – Шампанского, шампанского!
 Но нам с тобой нельзя...

Врубаются рубильники,
 Вразнос колокола!
 Звенят, искрят мобильники:
 Гореть, гореть дотла!
 Я заглушу будильники
 И снова подремлю.
 Не сдвинулись светильники –
 По-прежнему люблю.

30.04-01.05.13

Иван БАНУ

Родился и вырос в Кишинёве. В 2011 году окончил с отличием лицей «М.Басараб» и поступил в Молдавскую Экономическую Академию. Студент 4-го курса, отличник. Награждён медалью и дипломом «Cel mai bun student ASEM-2014» и «Burse de Merit- 2014» Республики Молдова. Член сборной ASEM по шахматам и шашкам. Увлекается художественной фотографией, видеосъёмкой, живописью. Пишет стихи с детства.

*Моему прадеду
Летину Дмитрию Ефимовичу,
кадровому офицеру
участнику Великой Отечественной
и Японской войны посвящаю.*

Память

Победный май. Шагают ветераны,
Шагают в ногу, держат ряд,
Гремят наградами, забыв про раны,
С годами, жаль, редет их отряд.
Идут, как в бой, и даже шаг чеканят.
Шаги те раны бередают,
В глазах искра, а память сердце ранит:
О тех, кто пал, кто стал в бою, как брат,
О тех, кто шёл плечом к плечу под танки,
О тех, кто был в огне и рвал металл,
О тех, кто знал, что не вернётся,
Кто в восемнадцать жизнь свою отдал.
Мы помним тех, кто бил фашиста-зверя,
В его же логово загнал,
В кровавой бойне кто поставил точку,
Победы знамя над Рейхстагом поднимал.
Низвержены фашистские штандарты—
У наших победителей в ногах,
И с ветеранами мы прошагаем в ногу
И память сохраним о них в веках.
Сиренью пахнет воздух и победой,
Шагают ветераны, держат ряд.
Гремит победными наградами, забыв о ранах,
Нет, не редющий, а боевой отряд.

Фронтовик

Скажите, кто-то видел, чтобы плакал фронтовик?
Нет, то не слёзы, просто пыль дорожная попала.
Когда поднялся, на врага пошёл, не видя пуль,
Ни бомбового шквала.

Скажите, видел кто-нибудь слезу в его глазах,
Когда фашист, в упор стреляя,

Падал навзничь сам и не вставал,
Поганой кровью землю омывая.

Не суждено увидеть слёз фронтовика.
Они дождём осенним и осколками омыты,
Они рубцами, шрамами в века
В лице фронтовика сокрыты.

Они иссушены огнём....
Опалены напалмом, гарью, газом.
Никто не видел слёз фронтовика —
Он их не показал ни разу.

О войне

Я мало книжек о войне читал,
Но очень многое из них узнал:
Как враг на Родину напал,
Народ как мучился в концлагерях, как умирал.

Как погибал и стар и мал,
А на фронтах солдат и генерал.
Я мало о войне слышал, но очень многое узнал.

Я хлеба не хочу не доедать.
Под дулом автомата не хочу стоять,
Со страхом вскакивать под грохот канонады
И в темноту бежать, бежать...

Пусть этого не будет никогда!
Пусть ночью спит спокойно детвора.
Пусть только в памяти останется война!

Я мало книжек о войне прочёл,
Но для себя я много в них нашёл.

Память войны

Я плечом о печурку опёрся
И решил, хоть немного вздремну,
Из войны сразу в мир окупился,
Где теперь я, никак не пойму.

Мне приснилась деревня родная –
Мать, отец, тёплый хлеб на столе.
Как не выйти из этого рая?!
Как забыть то, что ты на войне.

Снова грохот, огонь, канонада,
Очумело хватаю ружьё.
Страх нет, а одно лишь желанье
Всех фашистов загнать в небытьё.

И теперь, в это мирное время
Обожжённой хватаю рукой,
Защищая оружием деревню,
Охраняю семью и покой.

Не за орденом, честью и славой
Наш солдат уходил на войну,
А за тем, чтобы солнце сияло,
Чтобы мир был всегда наяву.

Фронтной фотоальбом

Мы с тобою вместе снова
За столом сидим вдвоём.
Между нами друг нетленный –
Фронтной фотоальбом.

Имена... события... даты...
Память жизни фронтной,
Отступленья и атаки
Пережили мы с тобой.

Всё задумчивей и строже
Вспоминаем тех друзей,
Кто в боях погиб – не дожил
До победных светлых дней.

Вместе с нами беззаветно
Шли, как все, среди огня,
Закалёнными сердцами
Честь солдатскую храня.

Подвиг их в веках бессмертный
В душах наших сохраним,
Всё, что помним, что имеем,
Молодым передадим!

Виктор ГРИШИН

А мы выжили, Нинка!

.. У «женской» войны свои краски, свои запахи, свое освещение и свое пространство чувств. Свои слова. Там нет героев и невероятных подвигов, там есть просто люди, которые заняты нечеловеческим человеческим делом.

Строки из книги Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо».

«У войны не женское лицо» – сказала известная писательница Алексиевич Светлана Александровна в своей книге. И тем более не девичье – горько добавлю. Я – сын фронтовички, которой 4 июля 1943 года исполнилось восемнад-

цать лет. Ее призвали от ткацкого станка, за который она встала в 1941 году, и отправили на действующий фронт. До призыва она окончила курсы всеобща, получила военную специальность связистки и, миновав курсы молодого бойца, оказалась под Курском.

Потом была оборона Москвы, охрана воздушных рубежей столицы, где моя мама встретила Победу. Затем был парад Победы, где тогда еще Баскакова Нина в сводном полку ПВО столицы в отдельном батальоне девушек зенитчиц и аэростатчиц прошла мимо мавзолея и удостоилась улыбок и аплодисментов Правительства страны.

Моя дочь с интересом рассматривала фотографии военного времени, с которых на нее смотрела симпатичная светловолосая девушка. Это была ее бабушка, которую она не знала. Дочь на компьютере старательно «вытягивает» пожелтевшее фото. На ней печальная девушка, одетая в поношенную, еще старого довоенного образца, гимнастерку. На обратной стороне фото карандашом написано: 1943 год. Это Баскакову Нину только что призвали. Ее ждет телефонная катушка под Курском.

– Пап, а что, была такая необходимость брать девочек? – спросила меня дочь. Я внутренне сжался. Сколько раз я задавал себе этот вопрос. Не находил ответа, честно скажу. Помните фильм «А зори здесь тихие» и старшину Васкова, который кричит в глаза диверсантам: «Это же девчонки! Им бы еще на танцы бегать!». Так и моя мама обошлась без танцев. Что я мог сказать дочери. Ровным счетом ничего.

Дочь, похоже, и не ждала от меня ответа. Она вздохнула и принялась выравнивать края другой фотографии. Это уже 1944 год, как гласит надпись на обратной стороне. С нее смотрит красивая блондинка. Тип русской красавицы, хоть боярыню пиши. Но красавица в белом полушубке с погонами и шапке-ушанке со звездочкой.

Далекий 1965 год. Страна готовилась отметить двадцатилетие Победы. Впервые 9 мая был объявлен выходным днем. Фронтовики воспрянули духом, ибо, чего греха таить, в послевоенных проблемах их подзабыли. Принятое постановление 1948 года о лишении их денежной компенсации за ордена и медали негативно сказалось на настроении. Это были деньги, на которые не посягала семья. Ветеран мог посидеть в кругу своих товарищей, выпить за военную службу. Фронтовики не только перестали носить ордена и медали, они отдали их нам, пацанам, которых хлебом не корми, а дай поиграть в войну. Я хорошо себя помню в затасканной ковбойке, а на груди – медали отца и матери.

И вот подарок Правительства: выходной день. Дирекция прядильно-ткацкой фабрики №2, где трудились родители, организовала в клубе торжественный вечер ветеранов войны. Не сговариваясь, фронтовики вышли во двор нашего дома при полном параде. Не у всех хватило медалей и орденов (часть из них мы растеряли), но орденские планки и нашивки за ранения украшали пиджаки наших ветеранов. Как же мы гордились своими отцами! Я гордился вдвойне: у меня воевали и отец, и мать. Маму, несмотря на сравнительно молодой возраст, на поселке уважительно звали «Георгиевна».

Я вспоминаю год двадцатилетия Победы, когда матушка в качестве поощрения за неплохую учебу взяла меня, двенадцатилетнего мальчишку, с собой в Москву. К этому времени она, не без помощи всесоюзной передачи Агнии Барто «Найти человека», нашла свою однополчанку Анну Наумову, с которой служила на рубежах обороны Москвы. Осенью 1945 года они расстались.

Восьмого мая мы вышли из поезда «Кинешма-Москва» и вступили на перрон Ярославского вокзала. Матушка растерянно оглядывалась. Шутка ли: она не была в Москве с 1945 года! И если бы не приглашение Совета ветеранов Рублевской водонасосной станции, вряд ли бы она выбралась из нашей глубинки.

К моему великому удовольствию мы спустились в метро. Станция «Комсомольская» меня очаровала. Маме пришлось посидеть и подождать меня, пока я проеду несколько раз на эскалаторе. Долго ехали до станции «Молодежная», то ныряя в туннели, то выскакивая на поверхность. Я не отрывался от окна. Москва представляла во всем своем величии. Потом долго добирались на автобусе до поселка. Поплутав в новеньких пятиэтажках, наконец нашли нужный дом. Вот она, заветная дверь. Здесь мать шатнуло, она опустилась на ступеньки. «Подожди, Витюшка, что-то сердце захолонуло», – сказала она, прислонившись плечом к стене. На звонок никто не ответил. Открылась соседняя дверь, и вышедшая соседка сказала, что Анна помогает свекрови по хозяйству. Мать быстро сориентировалась в старой части поселка, помня эти узкие улочки. Рублево повезло: на водонасосную станцию, которая снабжала водой Москву, не упала ни одна бомба и поселок сохранился.

Ее подруга возилась в огороде. Мать решила ее разыграть и поинтересовалась, нельзя ли снять комнату. Хозяйка посмотрела на высокую светловолосую женщину с мальчиком, чемоданом и растерянно ответила, что комнаты она не сдает. Но что-то у нее «щелкнуло». Она испытующе смотрела на мать, потом перевела взгляд на меня и снова на мать. Матушка деланно вздохнула и сказала: «Тогда дай ДД». Женщина охнула, схватилась за сердце и, обхватив мать, стала трясти ее за плечи, повторяя: «Нинка! Это ты... ты...»

Подруги стояли, обнявшись, и голосили навзрыд. Две русские бабы, которые на своих девичьих плечах перенесли все тяготы войны.. Я стоял, оцепенев. Мне было почему-то тревожно.

Убедившись, что все происходит наяву, женщины вытерли слезы, вздохнули. Мамина подруга присела и внимательно посмотрела на меня. Я, как положено, зарделся и совсем некстати поздоровался.

– Здравствуй, здравствуй... сынок, – сказала она, и голос ее дрогнул. – Знаешь, Нин, я тебя через него узнала. – Она кивнула на меня. – Уродится же такая копия. Тебя как звать? – Вот и хорошо, Витя. Меня... – она на минуту задумалась, – зови меня тетя Аня. – Нин, ты не против? – Повернулась она к матушке.

– Что ты, Анна! Мы же как сестры. Даже роднее, – мать снова всхлипнула. – Только рада буду. Так в мою жизнь вошла мамина боевая подруга Анна Ефремовна Наумова, оставшаяся для меня на всю жизнь тетей Аней. Я долго не понимал, да это мне было и не нужно, что они неродные сестры. Позже, когда не стало матери, да и я повзрослел и стал разбираться в генеалогическом материнском древе, то понял, что она мне не тетя. Но это не имело никакого значения.

Стало смеркаться, Рублево погружалось в сиреневые майские сумерки. Мы медленно брели по улице. Мама и тетя Аня поминутно останавливались, что-то вспоминали.

– Проходите, гости дорогие, – проговорила тетя Аня, пропуская нас в квартиру. Женщины быстро накрыли на стол, накормили меня и отправили спать, а сами остались на кухне. Какой тут сон! Мать была зенитчицей, и я ждал, что пойдут воспоминания фронтовых будней: охрана воздушных рубежей, сбивание немецких самолетов. Но пошла самая обычная женская беседа: «Замужем? Была ...неудачно... Детей бог не дал...»

– Ты у врача была? – сдавленным голосом спросила мать.

– Да была, – отмахнулась тетя Аня. – Ты представляешь, Нин, записалась на прием к профессору. Зашла в кабинет. Сидит представительная дама, на меня не смотрит. Спросила фамилию, достала дело, почитала, потом посмотрела на меня и спрашивает: «А вы никогда не простужались?» – Голос тети Ани прервался. Стукнул стакан, это тетушка выпила воды. – Представляешь, Нин, задать такой вопрос фронтовичке! Я поинтересовалась, читала ли она мою историю болезни, где пришта справка из госпиталя, в котором я лежала на обследовании. Профессорша покраснела, смутилась, зашуршала страницами. – «Ой, простите меня, вы фронтовичка!» – «Да, милая моя, – отвечаю, – с 1942 по 1945. – Верить, Нин, она чуть не расплакалась. Я ее успокаивала – тетя Аня усмехнулась. – Я все понимаю, кто будет зани-

маться болячками уборщицы со станции. Затем я у нее прямо спросила, смогу ли родить. Она отрицательно покачала головой. Сказала, что я настолько простужена, что ее задача сейчас меня подлечить, чтобы не было осложнений. А о ребенке не может быть и речи.

Тетя Аня замолчала. Матушка тоже, чувствуется, сникла.

– Помнишь, Нин, как мы из землянки осенью воду ведрами вычерпывали. Не войти было.

– А потом на нары из горбыля без сил валились, – снова раздался голос тети Ани.

– Да, – отвечала мать, – сил не было печку затопить.

– А чего ее топить, если дрова целый день в воде плавали, – усмехнулась тетя Аня. – Твою шинель расстилали и ложились рядышком, моей накрывались.

– Боже мой, Анна, как же было холодно, – сдавленно сказала мать. – Я после войны могла в бане сколько угодно просидеть. Не берет жар и все. Все мама ахала: как же ты намерзлась!

– Знаешь, – продолжала тетя Аня, – я про все это профессорше рассказала. Да еще добавила, что на передовой в туалет была проблема сходить. Штаны ватные на несколько размеров больше, да кирзачи с ног сваливаются. Пока со всей этой сбруей разберешься, тебя так просвистит.

– Ой, Анна, я сейчас разревусь.

– Так профессорша рыдала в голос! Она все настаивала, чтобы я в ее институт приехала. Очень ей хотелось для меня что-то сделать. А чего сделаешь? Детей не будет, а все остальное... Я сама осилю.

Разговор оборвался. Я лежал, и думал, как же они непохоже рассказывают о войне. К двадцатилетию Победы было выпущено много фильмов, где мелькали красивые девушки в хромовых сапожках, синеньких юбочках. На головках щегольские беретки. А здесь: ватные штаны, кирзачи...

Раздался голос тети Ани:

– Бог с ними, профессорами! Давай выпьем за тебя, подруга моя дорогая! Что у тебя все сложилось и получилось. Из письма я поняла, что у тебя двое мальчиков. А муж как? Фронтовик?

– Фронтовик, – ответила мать, – двадцать второго июня война началась, а двадцать третьего его призвали. Студентом был, последний курс в Шуйском учительском институте заканчивал.

Раздался звон стопок. Женщины выпили и снова замолчали. Я лежал в полной растерянности. Ну, дела! А как же боевое прошлое! Странные эти женщины. Я еще слышал, как матушка рассказывала об отце, что он был контужен, долго лежал в госпитале.

– Так здоровье-то у него не ахти? – спрашивала тетя Аня.

– Совсем не ахти, – вздохнув, ответила мать.

Так под эти бытовые разговоры я уснул в предвкушении завтрашнего дня. Тетя Аня сказала, что завтра пойдем на позиции, где сохранились остатки землянок.

В шесть часов бодрим маршем нас разбудило радио.

– Вот ведь! Забыла радио прикрутить, – раздался сонный голос тети Ани. – Нинка, ты куда? Давай еще поспим, – это она подскочившей матушке. Мне тоже не спалось. Мы в Москве, а я спать буду!

После завтрака женщины набивали сумку.

– Куда столько накладываем, Анна, – причитала матушка. – Неудобно как-то получается: я ничего не припасла.

– Ты еще посчитайся, – весело сказала тетя Аня. – Вспомнила же «Дай ДД»!

– Мам, – вмешался я, – что это у вас за пароль такой был?

– Пароль? – усмехнулась мать. – Действительно, был пароль.

– Так что это означало? – не отставал я.

– Не мучай мальчишку, – вмешалась тетя Аня, – все одно не разгадает.

– Ты и расскажи, – отмахнулась мать.

– Чего рассказывать, – сказала тетя Аня. – Расшифровывается очень просто: «Дай до-бавку».

– И все! – разочарованно произнес я. Снова облом. Нет никакой ценной для меня информации. Тетя Аня, заметив мое замешательство, рассмеялась.

– Это пароль такой... на кухне. – Я был окончательно сбит с толку.

– Нин, – сквозь смех спросила тетя Аня, – а ты, что, не рассказала сыновьям о нашей тайне?

– Да видишь, не удосужилась, – ответила мать.

– Витюш, – взяла инициативу в свои руки тетя Аня, – все просто. Я была поварихой...

– Час от часу не легче! А я думал...

– Что, не ожидал? – расхохоталась тетя Аня, увидев растерянность на моей физиономии.

– Да хочешь знать, это самая главная профессия на войне. Солдата накормить нужно было. В первую очередь. А потом войей дальше. Правда, Нин?

– Это точно, – отозвалась мать от раковины, где мыла посуду. – Как же хотелось есть! – воскликнула она.

– Вот видишь, Витюш, – кивнула на маму тетя Аня, – разве я могла оставить голодной подругу! Вот и придумали: «Дай ДД», чтобы никто не слышал и не видел, как я ей в миску лишней черпак каши положу.

Из радиоточки раздались сигналы точного времени.

– Ой, заболтались! – всполошилась тетя Аня. – Пошли, а то на встречу опоздаем. Наверняка наши уже ждут.

Как проходила встреча матери с однополчанами, пересказать невозможно. Объятия, слезы... Затем – путь на зенитную позицию. Дорога была неблизкая, но за разговорами время пролетело незаметно. Пока женщины готовились отмечать праздник, матушка и тетя Аня пошли на место, где стояла зенитная батарея, и остановились возле еще заметных ям.

– Вот оно, наше жилье, – грустно сказала тетя Аня. Мать стояла, и я видел, как она крепилась и старалась не разрыдаться. Какое-то время ей это удавалось, но справиться с собой она не смогла и заплакала. Сначала сдавленно, потом навзрыд. Без сил опустилась на колени и уткнулась в пенек. Я сделал движение, но меня удержала тетя Аня, сказав: «Подожди, она встречается с прошлым. Это вход в нашу землянку».

Матушка распрямилась, вздохнула, вытащила платок и вытерла слезы. Тетя Аня подошла к ней, обняла со словами:

– Ну что, подружка моя боевая, легче стало?

Мать улыбнулась:

– Сколько раз я во сне видела нашу землянку, девчонок. И вот она, наяву.

Тетя Аня грустно спросила:

– А ты помнишь, о чем мы мечтали, когда в сырых шинелях лежали, прижавшись друг к другу?

Мать печально улыбнулась и сказала:

– Помню, Аня, помню. Чтобы ночью в нашу землянку попал снаряд и накрыл бы всех спящих. Всех, разом! И конец мучениям. Я похолодел. Чтобы так думали восемнадцатилетние девчонки! Да, у войны есть женское лицо, только со слезами отчаяния на глазах.

Тетя Аня порывисто обняла подругу и быстро, через слезы, заговорила:

– А мы выжили, Нинка, выжили! Мерзли, голодали, но выжили!

Долго сидели подруги у памяти своей юности. Я и сейчас их вижу: тетя Аня сидит на пенке, а мама – возле нее, положив голову ей на колени. Сидели и молчали.

Раздались крики:

– Анна, Нина, где вы? Идите, все накрыто!

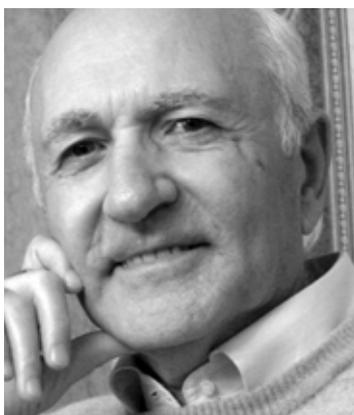
... Я еще не знал, что через несколько лет контузии, болезни, заработанные на фронте, отнимут у меня отца, а потом и мать.

– Вот мы и остались с тобой вдвоем... сынок, – скажет мне тетя Аня, когда я сообщу ей о смерти матери.

А потом уйдет и тетя Аня. Светлая вам память, фронтовые подруги.

Игорь ГАМАЮНОВ

Ястребиная кровь Голубевых

*О фронтовике дяде Ване,
буднях войны и синониме родины
(Экслибрис, 30. 04. 2015 г. Стиль жизни)*

Тот день я помню так, будто он был вчера. Или сегодня, и только что угас, ушёл, оставив после себя такую вот картинку.

...Мне – шестой год, я обожаю своего дядю Ваню Голубева, он кажется мне богатырём, освободившим всю нашу страну и этот уютный уголок земли (называемый то Бессарабией, то Молдовой). Враг дошёл было до самой Волги, но дядя Ваня с такими же богатырями прогнал его, спас от нашествия нашу саратовскую степь с затаившейся в её ковылях Питеркой, откуда и произрос крестьянский род Голубевых.

У дяди Вани глуховатый голос. Помню запах табака, которым была пропитана его новенькая, по случаю Дня Победы, гимнастёрка; вижу звякающие медали (они подают свой тихий голос, когда мой дядька тянется через стол, чокаясь с гостями), вижу орден Красного Знамени цвета запёкшейся крови (я мечтал притронуться к нему, но робел).

Взгляд у него прямой и строгий, глаза выпуклые, но всякий раз, обнаружив меня, щуплого, у себя под боком, он слегка улыбается, добреет, осматривает стол, гостей, двух девчонок, ёрзавших напротив – своих дочек Люську и Ленку, которым слал с фронта неуклюжие стихи, и, легко вздохнув, говорит:

– Ну что, бабоньки, спели бы что-нибудь нашенское, саратовское.

И бабоньки, его жена Люба и две его сестры (одна из них – моя мама), в крепдешиновых платьях с модными в те годы фонариками на плечах, коротко стриженные и слегка завитые, казавшиеся мне невысказанно, сказочно красивыми, пели под гитару «Степь да степь кругом», потом про рябину, которой не суждено к дубу перебраться, и, наконец, про тёмную ночь, когда только пули свистят по степи.

А за окном, в палисаднике цветёт ослепительно белым вишеником, реют под майским ветром ветки акации, кричат скрипуче-звонкими голосами скворцы, заглушая воробьиный трезвон, – это весна 1946 года катится по бессарабской земле, по улицам разбомбленного Кишинёва, по его сельским, уцелевшим пригородам (в одном из таких домов мы и сидели за столом).

Уже тогда я знал, что дядя Ваня командовал батареей, бесстрашно теснил захватчиков, был ранен, остался в Молдавии долечиваться и налаживать мирную жизнь, позвав к себе жену и сестёр. Там, в Кишинёве, я видел его рану, когда он приезжал к нам с мамой на совхозной полуторке, на улицу Шмидта, где мы жили в уцелевшем доме. Вот он, хромя, опираясь на трость, пересекает квадратный двор, выкладывает из сумки большой пакет, из кармана галифе – пакет поменьше («Это вам крупа да сахарку немного») и садится к окну, на табурет, со вздохом облегчения вытянув левую ногу.

– Перебинтуешь? – спрашивает маму. – Что-то я сегодня замучился, пока ездил по начальству бумажки подписывать. Весь день ноет, не зарастёт никак. Ну, герой, а у тебя как дела? – обращается он ко мне, но ответа не ждёт, потому что вопрос этот был своего рода приветствием. С кряхтением и стоном, тихо матерясь, он стаскивает сапог, помогает маме размотать пожелтевшие бинты и, морщась, наблюдает, как она, подставив таз, обмывает пониже колена багрово-фиолетовую продолговатую вмятину. Я же внимательно рассматриваю раненую ногу маминого брата, прикидывая, смог бы не умереть от боли, если бы в меня угодила такой осколице? Ну, размышляю, если дядя Ваня Голубев смог, то и я, хоть я и Гамаюнов, смогу, – ведь и в моих жилах течёт половина голубевской крови, а про неё дядька однажды, смеясь, сказал:

– Мы хоть и Голубевы, но кровь у нас ястребиная.

Потом, устав от кишинёвской послевоенной жизни (его без конца перебрасывали с хозяйственной работы на партийную, которая ему претила), он перебрался с увеличившейся семьёй (родился сын, мой

Семья Голубевых.

двоюродный брат – Витька) на левый берег Днестра, в полуукраинское-полумолдавское село Мокрое, возле города Рыбница, где и работал председателем колхоза до скончания своих дней.

Прошло время, и жизнь Ивана Семёновича Голубева завершилась. Его дочери прислали мне в Москву толстую тетрадь с записями, которые делал Иван Семёнович карандашом в короткие минуты тишины, зная, что война когда-то кончится, что сам он может не уцелеть и его родня захочет узнать, как всё это было.

А было так...

3.3.42. Заняли боевой порядок в деревне Коробки и высоту 64,1. (Под Ростовым. 1942 год – И.Г.) Производим разведку местности. Оборудуем НП (наблюдательный пункт – И.Г.) Связь была плохая.

7.3.42. Получили таблицу огня. Проверка пристрелки.

8.3.42. Наступление танков, пехоты. Активность с обеих сторон. Наступление захлебнулось.

10.3.42. Артперестрелка. Противник обороняется. Были потери – 875 человек.

11.3.42. Получили приказ о перемещении боевого порядка.

12.3.42. Заняли боевой порядок западнее Павловки.

13.3.43. Вели стрельбу, были прямые попадания в блиндажи противника. Он стрелял миномётным огнём. Убито из пехоты 5 красноармейцев.

16.3.42. Производили стрельбу по противнику. Активность проявляли наши самолёты. Вечером Качалкин зарыл убитого красноармейца прямо на НП.

18.3.42. Заняли старое место. Вели повторные пристрелки.

21.3.42. Суббота. Сменил бельё, очень было грязное. Ночевал на НП. Стреляли мало.

24.3.42. Связь работала очень хорошо.

25.3.42. Проводили в Ростов Маркина за дровами и ещё – кое-что купить. Привезли нам ларёк. Взял в нём разное на 73 рубля.

26.3.42. Начали наступление на высоту. Огонь был плотным. Ходили танки в атаку. Повторяли наступление, но опять откатились. Сидели на НП.

27.3.42. Маркин привёз вина на 80 рублей.

31.3.42. Ушёл на НП. Активность была слаба с обеих сторон. У нас осталось очень мало людей. Убитые валялись на полу.

Иван Голубев и его дивизион.

.5.42. «День международной солидарности...» Весь день двигались от

деревни Шаповаловка в совхоз Червона Рада. Застряли на переправе.

2.5.42. Движемся от совхоза к деревне Александровка. Вытаскивали застрявшую матчасть трактора-ми 2-го дивизиона. Дожди, холод, грязь. Скандалили из-за тракторов.

12.5.42. Противник отступил. Танки и пехота его преследовали, уничтожали огнём и гусеницами. Мы заняли НП в селе Песчанное. Но вот с юга показались танки противника, и самолёты стали производить бомбардировку наших танков и пехоты. К 13.00 получили приказ отойти на старый НП. Жуть как драпали. С основных НП вели огонь по танкам противника и его пехоте. Уничтожили много их танков. Но и наших много сгорело.

19.5.42. Комиссар Качалкин сообщил, что должен представить наших бойцов к награде. Отзыв о полку хороший. Даже сам Тимошенко похвалил.

... Я вчитывался в бисерную вязь карандашных строчек, вооружившись лупой, выискивал что-нибудь патетическое, что мы привыкли видеть в кинофильмах об этой войне, но ни одной плакатной фразы не встретил. Будни войны, упорное противостояние, чья-то ежедневная смерть – всё это не располагало к пафосу. Иван Семёнович писал обо всём этом кратко и точно. Без эмоций.

10.6.42. Мне присвоили звание капитана. Прицепили шпалы, а кубики сняли (знаки отличия – И.Г.) Это всё – в деревне Молодой. А утром противник открыл артподготовку и пустил авиацию. Потом пошёл в наступление. Мой дивизион вёл огонь, но получил приказ сняться. Снимались в спешке... Моя история – был контужен...Убиты: Чёботов, Януев, Шапиро, Санычев, Владимиров, Ильичёв... Мы отходим. Убит Качалкин – прямо под машиной.

...А когда бои затихали, он вспоминал семью – жену Любу и дочек. Сетовал: «Нет от них весточки... Где они сейчас?..» Они обнаружили себя письмом, и Иван Семёнович немедленно ответил им, сопроводив ответ стихами, посвящёнными жене: «Нет на свете краше моей Любы./Тёмнорусы кудри обвивают стан./ Светятся рубином милые губы,/ А в очах – радости бездонный океан./ Если Люба звонко рассмеётся,/ На душе у меня ясно и светло, /А когда песней весёлой зальётся,/То словно красное солнышко взошло».

Для него, крестьянского сына, семья была синонимом родины, которую он защищал.

Георгий КАЮРОВ

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Продолжение. Начало в № 1-4.

Жёлтый император

Глава десятая

Болезнь

Вечерами начало холодать. Солнце долго освещало скальный аул, тогда как в низине уже господствовала ночь. После работы Матвей возвращался в дом Эргаша и издали высматривал Риту. Девушка каждый вечер встречала его, но в этот раз он её не увидел. Молодого человека слегка покачивало, щёки горели и приступами бросало в пот. Он чувствовал, как силы покидают тело. Отсутствие Риты встревожило, но мочи не было даже шагу прибавить. Ворота еле поддались, Матвею пришлось приналечь на них всем своим весом. Девушка стояла под навесом у молочака¹, помешивая в казане деревянной ложкой с длинной ручкой. Она обернулась на скрипнувшие ворота и озорно заулыбалась, завидев приятеля.

- Я готовлю для тебя лагман², – весело сообщила Рита.
- Да, хорошо, – еле держась на ногах, проговорил молодой человек.
- Матвей, что с тобой? – она отложила ложку и, встревоженно глядя, подошла к нему. – Э-э, да у тебя жар. Ты заболел.
- Рита, успокойся, – Матвей крепко схватил девушку за руку.
- Подожди, – попыталась отстраниться та. – У меня есть кое-какие лекарства, кажется, и аспирин.
- Рита, подожди! – сцепив зубы, процедил Матвей. – Сядь рядом и слушай.
- Матвеечка, давай потом послушаю.
- Сядь! – рявкнул он. – Слушай меня внимательно. О моей болезни расскажи только женщинам в доме. Они сами поступят так, как надо. – Матвей перевёл дыхание.
- Может, всё-таки я сбегая за лекарствами? – Маргарита видела, молодому человеку становилось хуже.
- Никаких лекарств, – отрезал он. – Только скажешь женщинам и подними панику. И самое главное – будь готова.
- К чему? – не поняла она.
- Собираться домой, – растянул губы в улыбке Матвей и посмотрел на неё затуманенным взглядом. – Вот смотри, – он расстегнул штаны и опустил до колен.
- Матвей! Ты бредишь, – всхлипнула перепуганная Рита.
- Не брежу. Сядь и дослушай до конца, – он открыл бедро и отклонился. – Гляди.
- Что это? – ахнула девушка.
- Это клещ.
- Как он туда попал? – не понимала Рита, с широко раскрытыми глазами рассматривая коричневый шарик с крупную горошину, присосавшийся к внутренней стороне ноги.
- Я его посадил.
- Зачем?
- Потом поймёшь, – Матвей снова перевёл дыхание. – О клеще никому ни слова. Он его найдёт.
- Кто он? – терялась в догадках девушка.
- Кому надо, – Матвей улыбнулся сквозь прищур. – Я специально посадил его ближе к паху, чтобы правдоподобнее было. Запомни, больше паники и будь готова сорваться в любой момент, – и Матвей забылся, только лихорадка колотила его тело.
- Матвей пришёл в себя и не спешил открывать глаза. Он лежал на спине. Пошевелил руками, погладив подстилку. Кто-то заботливый, накрыл его грубой льняной тканью. Удушливый

¹ Молочак – очаг каминного типа для приготовления пищи.

² Лагман – горячее блюдо – лапша, заправленная овощами с добавлением мяса.

воздух горячим потоком проникал в самые лёгкие. Попробовал согнуть ногу в колене, но не получилось, она упёрлась во что-то твёрдое.

«Что это может быть? – задавался вопросами молодой человек. Матвей несколько раз сильно потянул носом. Наконец уловился аромат травяных отваров, и Матвей улыбнулся. – И как давно я здесь лежу? Значит, получилось, и знахарь взял меня к себе. Наверно, это его лечебница, в которой он хранит все свои тайны? Жёлтый император наверняка где-то рядом. Очень душно. Едва можно переводить дыхание».

Он решил через прищур оценить обстановку, стараясь не выдавать себя. Но стоило ему приоткрыть глаза, как они тут же округлились. Перед самым его лицом нависали неотёсанные брёвна, которые и не давали поднять ногу. Догадка пронизала всё его существо и переросла в неосознанный страх.

«Я в гробу. Они меня закопали заживо, – в его сознании стремительно мелькало предположение за предположением».

– Сволочи! – истошным криком вырвалось от отчаяния у Матвея.

– Прозевали! – рыкнули рядом с ним. – Быстро стаскивай его! – сильные руки вцепились в Матвея и вырвали из-под брёвен.

Матвею показалось, вместе с ним они вырвали и его сердце. Новый приступ истерического страха пронизал его, теперь от того, что неизвестные разговаривают рядом, да ещё схватили и тащат всё ниже и ниже.

Мгновение спустя он, тяжело дыша, сидел на жёстком топчане и озирался. Это была небольшая комната с бревенчатыми стенами и потолком. Единственным освещением служил слабо мерцающий фитиль керосиновой лампы. Не сразу его покинула вера в то, что он находится в аду.

– Как ты, парень? – склоняясь к нему, спросили мягким мужским голосом.

Преодолевая страх, Матвей медленно перевёл взгляд, чтобы увидеть вопрошателя. Перед ним стоял лекарь, а поодаль – его помощник.

– Нормально, – покачав головой, с облегчением выдохнул Матвей. – Испугался.

– Все пугаются, – согласился лекарь. – Тебе придётся ещё пару дней провести там. Готов?

– Дайте чуть-чуть отдышаться, – попросил Матвей.

– Нежелательно, но пару минут дам и вложим тебя обратно, – сосредоточенно взбалтывая мутную жидкость, пояснил лекарь.

Матвей спешил всё оглядеть. В самом дальнем углу стоял высокий столик. На нём лежала открытая книга. Она была очень толстая. Матвей не сразу разобрал, что это книга. Освещением в комнате служили всё те же керосиновые лампы. Прибавляя света и очаг, расположенный в нише стены напротив. Нишу выдолбили в скале. Она была настолько просторной, что здесь размещался очаг, место для работы лекаря и оставалась площадка для расставленных склянок с разноцветными жидкостями, с такими же пёстрыми мазями и травами. Помощник лекаря располагался в другом углу помещения.

– Вот, выпей, – лекарь протянул склянку с мутной жидкостью. – Это немного придаст тебе уверенности.

– Что это? – Матвей покрутил в руках колбу.

– Пей, – лекарь едва уловимо улыбнулся.

– Ну и гадость, – Матвей скривился и уже через мгновение почувствовал слабость в теле. Перед глазами поплыли предметы, и комната закачалась, а ещё мгновение – заискрилась и повеселела.

Сильные руки подхватили ослабевшего Матвея, подняли и вложили в нишу. Снова перед его глазами нависли неотёсанные брёвна, только в этот раз они раскачивались и поблёскивали разными огоньками. Матвей сопротивлялся мрачным мыслям, пытаясь думать о чём угодно, но в голову не лезла ни одна путёвая.

Глава одиннадцатая

Неожиданная встреча

Мargarита, прячась в густоте ночи, со своими вещами поджидала Матвея на условленном месте. Молодой человек опаздывал, и девушка волновалась, несколько раз порываясь вер-

нуться в дом Эргаша. Наконец Матвей появился.

– Что случилось? – возбуждённо зашептала она. – Почему так долго. Ещё чуть-чуть, и солнце выйдет из-за горы.

– Не мог ворота открыть, а когда перелезал через них, чья-то собака подошла и улеглась у ворот, – объяснял Матвей, бодрым шагом направляясь к свободе. – Я думал хозяйская, но обошлось.

– Ты здоров? – тревожно глянув на приятеля, поинтересовалась Рита. – Где твои вещи?

– Да всё в порядке, – отмахнулся молодой человек. – Тише. Поторапливайся.

– Ты не ответил, – настойчивым тоном переспросила Рита. – Стой, Матвей. Где твои вещи?

– Вот, – Матвей выставил небольшую матерчатую сумку. – Довольна? Идём.

– Нет. Никуда мы не идём, – удерживая его за руку, стояла на своём девушка. – Это не твои вещи.

– Послушай, Маргарита, ты взрослый человек и должна всё понимать, – юноша старался говорить проникновенно, чтобы с первого раза убедить девушку, но по её глазам видел, это будет сделать тяжело, если вообще возможно. – Я нашёл Жёлтого императора, но твоё присутствие здесь связывает мне руки. Я выведу тебя и вернусь. Когда ты окажешься в безопасности, мне будет спокойнее.

– Хорошо, – согласилась Рита. – Но я буду ждать тебя в ближайшем населённом пункте.

– Договорились, – вздохнув с облегчением, согласился Матвей. – Теперь идём быстрее. Совсем рассвело.

– Как же мы выйдем отсюда, – на ходу шептала девушка.

– Тише.

– Я не могу тише, – призналась Рита. – Когда я молчу, я ещё сильнее боюсь.

Они миновали несколько крутых поворотов, поднимаясь выше и выше, и оказались в небольшом тупике, в котором мальчишки играли с мячом.

– Здесь тупик, – воскликнула Рита. – Я знаю это место.

– Лезь, – не обращая внимания на возбуждённость девушки, приказал Матвей и разобрал несколько камней у подножия стены.

– Это ты сделал? – искренне удивилась Рита.

– Нет. Этот лаз проделали мальчишки, чтобы сбежать от родителей, – пояснил молодой человек. – Я только расширил его немного. Лезь. Не головой, а ногами вперёд. С той стороны обрыв.

– Как обрыв?

– Небольшой, – улыбнулся Матвей. – До плеч.

Молодые люди выбрались из селения на просторы пологого склона. Вдали, с другой его стороны, виднелись кустистые заросли, переходящие в лесной массив. Держась за руки, они стали спускаться, торопно перебирая ногами, чтобы не упасть. До кустов оставалось рукой подать, неожиданно Маргарита остановилась и, задышав, выпалила.

– Нет, Матвей, я не пойду. Я тебя не брошу. Смотри, как мы легко выбрались. Возьмём Жёлтого императора и так же уйдём.

– Посмотри! – хриплым шёпотом сказал Матвей, глазами показав на верхушку холма.

– За нами погоня! – ахнула Маргарита и побледнела. – Почему они так быстро кинулись! Ботир, негодник!

– Ты, что, ему всё рассказала? – изумился Матвей.

– Нет, – Маргарита осеклась. – Я только сказала, что скоро за мной придут и я уеду домой.

– Всё ясно. Твой ученик за нами следил, – на этот раз Матвей сразу с ней согласился. – Значит, собака – это не случайность.

Преследователь стал кричать, но молодые люди притворились, будто не слышат, и оглянулись, только когда укрылись в густых лесных зарослях.

– Он нас всё равно догонит! – в отчаянии прошептала Маргарита. – Надо возвращаться.

– Не догонит, – пробубнил Матвей, уверенным шагом прокладывая путь.

– Смотри, смотри, – ахнула Рита. – К нему присоединились и другие. Это всадники! Откуда у них взялись лошади?

– Похоже, догонят, – оценив обстановку, согласился молодой человек. – Поиграем немного, – он подмигнул девушке, и его спокойствие передалось и девушке. – Сделаем вид, будто ходим по лесу и собираем травы для моего гербария.

– Откуда у них кони? – изумлялась Рита.

– Прячут в горах, – спокойно объяснил Матвей, наблюдая за пологим склоном, на котором разворачивалась конная погоня. – Это единственный транспорт в этих местах. Не бойся. Мы их поугаем немного.

Но девушка всё-таки боялась. От страха у неё взмокли ладони.

– Очень хорошо, – пропел Матвей, пристальным взглядом оценивая происходящее на равнине. В его голосе появился задор. – Преследователи разделились, – комментировал он происходящее. – Где же ты? Ага, вот он. Очень хорошо. Вот что мы сделаем. Собирай растения.

– Какие? – удивилась Рита, не понимая, что задумал приятель. – Что мы будем с ними делать?

– Собирай! – приказал Матвей, сам быстро надёргивая первые попадающиеся под руку растения и передавая девушке. – Будут спрашивать, скажем – мы спустились в долину, чтобы собрать гербарий. Поняла? Криков никаких не слышали. Когда увидели всадников, испугались и решили спрятаться.

– Нас догонят, – едва сдерживаясь, чтобы не заплакать, пролепетала Маргарита. – Матвей, давай вернёмся, – взмолилась она. – Будет хуже.

– Не волнуйся, – успокаивал девушку Матвей. – Вернёмся. Всё будет хорошо. Мы поиграем немного. Слушай меня внимательно и делай, как говорю. Перебраться через вон ту каменную реку на лошадях им будет трудно. Потому они туда не пойдут. Почему же этот скачет в ту сторону? Он, что, не знает о камнях? – рассуждал молодой человек, анализируя складывающуюся ситуацию. – А теперь бегом!

Беглецы, забыв про страх и бессонную ночь, стремглав кинулись бежать через кустарник.

– Туда! – крикнул Матвей, указывая на крутой склон. – К той скале. Может, всё ещё получится.

Выбранный склон напоминал скат острой крыши, густо поросший кустарником, ветви которого переплелись и образовали почти непроходимую чащу. Упирался этот склон в скалу, которая служила границей горного хребта.

«Если бы у нас было хотя бы полчаса, – с досадой размышлял про себя Матвей, пристально всматриваясь в грозный пик скалы. – Мы смогли бы взобраться на скалу, и тогда ищи свищи, но погоня идёт по пятам».

– Туда, – снова крикнул Матвей. – Только постарайся меньше шевелить кустами, чтобы не привлекать внимание. В зарослях мы можем потеряться.

– Поздно! – вскрикнула Маргарита. – Вон они!

Утопая по самую холку коня, сквозь кусты к ним пробирался всадник. Заметив беглецов, он стал подгонять лошадь, но та и так как могла продиралась сквозь заросли, высоко задирая морду. Молодой человек разглядел преследователя, – это был жилистый коренастый подросток. Матвей мог бы с ним справиться, но на это потребовалось бы время, тогда подоспела бы подмога. Все шансы взобраться на обрыв были упущены. Очень быстро преследователь стащил бы их вниз. Прятаться в зарослях или бежать от верхового тоже было невозможно. Положение казалось безнадежным. Девушка видела, несмотря ни на что настроение у Матвея было приподнятым.

– Иди в ту сторону, как будто ничего не видишь, – присев в заросли, чтобы скрыться с глаз всадника, прошептал девушке Матвей. – Иди, говорю, чего ты стала как вкопанная.

Всадник видел перед собой только девушку. Он не сомневался в успехе и потому не спешил настигнуть беглянку. Эта самоуверенность дорого ему обошлась.

– Попробуй попетлять! – распорядился из кустов Матвей. – Но так, чтобы он заподозрил, что ты прячешься. Я попробую стащить его с лошади.

Когда Рита и в самом деле стала беспорядочно петлять в зарослях, всадник заволновался и пришпорил коня. Он был уже совсем близко и, предвкушая, как поймает беглянку, дико рассмеялся, тем самым ещё сильнее перепугав девушку.

– Ай! Мама! – завопила Рита.

Матвей услышал, как девушка побежала по зарослям напролом. Он в напряжении прислушивался к приближению топота копыт. Преследователь разразился зычным криком, входя в раж погони. Брюхо коня выскочило на сидевшего в засаде Матвея, и молодой человек отчётливо увидел пригнувшуюся фигуру всадника. Вероятно, он готовился схватить девушку.

– Пора! – дал самому себе команду Матвей, едва всадник проскакал мимо. Молодой человек стремительно бросился на преследователя сбоку. Всадник не успел опомниться, как в его ногу вцепились и с силой вывернули. Подросток завопил от боли, слетел с седла и тяжело ударился о землю. Матвей прыгнул на него и всем своим весом придавил коленом его грудь, накинув на лицо свою куртку. Потребовалось немного усилий, пока поверженный всадник не потерял сознание.

– Рита! – задыхаясь, позвал Матвей и, схватив девушку за руку, стал увлекать за собой.
– Пошли отсюда скорее.

Со всех сторон беглецов по-прежнему окружали заросли, а сзади уже доносились крики, доказывавшие, – остальные преследователи сжимали кольцо. Ещё несколько минут – и их окружат. Матвей спешил.

– Сейчас они наткнутся на этого малого, – нагонял он страху на девушку, чтобы она не теряла темп.

Матвей прекрасно понимал, не сумеют от них удрать, неизвестно чем всё это закончится.

– Потерпи, – поддерживал он девушку, едва переставляющую ноги и с бледным от страха лицом. – Селение уже близко.

– Да-да, мы успеем до него добраться раньше, – задыхаясь, проговорила Рита.

И действительно, обогнув следующий отрог, они увидели впереди каменный проход, по которому вышли на свободу. Матвей вёл Риту к хибаре на берегу озера, в которой сложены были пустые вёдра. В этих вёдрах он разносил воду по дворам. К хибаре вела узкая тропка в виде выступающего карниза на высоте трёх метров.

– Там мы будем в безопасности, – указал пальцем на выступ Матвей с притворной уверенностью.

Он понимал, предстояло ещё пройти по карнизу, а это на виду у преследователей. Из до-лины эта часть скалы хорошо просматривалась. Они обогнули уступ и пошли шагом, стараясь перевести дыхание перед самым главным испытанием. Из-за ограды им навстречу выскочила женщина. Молодые люди замерли как вкопанные. Женщина также не ожидала встретить кого-либо.

– Валентоха? – воскликнул Матвей и не смог скрыть своего удивления. – То есть Валентина Григорьевна? Как вы здесь оказались?

– Здравствуй, Шпагин, – спокойно ответила Румянцева. – А мы вот ходили посмотреть, как обеспечивается водой селение.

Валентина Григорьевна не сводила встревоженного, красноречивого взгляда с Матвея, и он догадался – это шанс.

– Да, мне сказали, что вы пошли на берег, – к удивлению Риты Матвей заговорил громко и так, как будто всё так и происходило. – Мы не сразу поняли, с какой стороны вы обойдёте.

Они добились ожидаемого эффекта. Следом за Валентохой появился старик, с трудом разогнувший спину. Он приставил руку козырьком к глазам, а потом заковылял к ним, сжимая в руке костыль.

– Да будет с тобой божья милость, дедушка! – задорно поприветствовал таранча Матвей.

– И с вами, молодёжь? – Старик поднял глаза к небу. – Да смилуется над нами Всевышний!

Матвей, желая заговорить его, чтобы при случае старик уверенно рассказывал, что они встретились и разговаривали, даже положил руку на его плечо, но старику не понравилось пани-братское прикосновение и он, подняв на молодого человека глаза, сказал:

– Да смилуется над нами Всевышний! Все наши молодые люди ушли ловить беглецов. Среди них была и девушка, – и он больно ткнул своим костылём Рите в плечо.

– Ой! – вскрикнула Рита, потирая больное место.

– Много беглецов? – поинтересовался Матвей, глазом не моргнув.

Он специально выступил на край уступа и, навесив над глазами ладони, осмотрел склон.

– Поймали, – Матвей показал рукой в сторону группы мужчин несущих кого-то. – Что им теперь будет?

– Ничего, – всматриваясь в толпу, проговорил старик. – Зашьют в пятки нарубленный конский волос.

– И что? – с ужасом в глазах Маргарита посмотрела на старика.

– Ничего, – снова спокойно ответил старик. – Не сможет наступать. Ходить будет как колченогая старуха, заваливаясь на внешние стороны ступни.

– Покажите мне свою работу, – попросила Валентоха, желая отвлечь от мрачных предчувствий молодых людей. – Дедушка, давайте вернёмся и посмотрим, раз работник нас нашёл.

Все четверо направились к хибарке. В селении царила тишина, и только негромко плакал младенец в каком-то дворе. Маргарита и Матвей переглядывались.

– Давно они его ловили? – Матвей старался выпытать побольше из старика.

– С самого утра. Наверное, часа три. В таких случаях время всегда тянется очень медленно.

– Как узнали?

– Ботир увидел, – спокойно отвечал старик.

– Гадёныш, – не удержался Матвей и, грозно глядя на Риту, показал кулак. – Убил бы его.

– Ничего, – поддержал старик молодого человека, не поняв, о ком тот вёл разговор. – Сейчас они ему поддадут, а потом конский волос зашьют и забудет о том, чтобы сбежать. Так и умрёт с ним.

– Я видел одного пленника такого, – прошептал Матвей, поймав встревоженный взгляд Риты, и покачал головой. – Я думал он больной, а это конский волос у него зашит.

– И что будем делать?

– Не волнуйся.

Они благополучно прошли по карнизу. Рита даже не обмолвилась словом, несмотря на то, что под ногами зияла пропасть на несколько десятков метров. Настолько девушка была потрясена известием о том, как наказывают беглецов эти дикари. Удивил и старик, прошедший по карнизу, словно по обычной дороге. Матвей поддерживал женщин. Сначала задумчивую Риту, а затем улыбающуюся Валентину Григорьевну.

– Вот мой фронт работы, – объявил Матвей, когда они подошли к хибаре.

– Что входит в твои обязанности? – прекрасно улыбаясь, поинтересовалась Валентоха.

– Наполняю ведра водой и разношу по домам, – объяснил Матвей и снова пристально посмотрел на женщину. Его не покидала тревога от её неожиданного появления.

– Высокоинтеллектуальное занятие для будущего хирурга, – съязвила Валентоха.

Вдруг из прохода в селение донесся крик. Сразу же из него вышел молодой таранч и направился к ним. Подойдя, он что-то сказал на своём языке, обращаясь к соплеменнику. Старик от-ветил ему, но Матвей ничего не понял из их короткого разговора. Даже со стариком этот малый объяснялся лишь кое-как. Но тому всё же удалось растолковать, о чём шла речь.

– Он говорит, председатель тебя зовёт к себе, – сообщил старик, – вместе с девушкой. – И он клюкой указал на Маргариту.

– Вместе пойдём! – сказала Валентоха и, никого не дожидаясь, пошла вперёд.

– Председатель говорит, только пленники, – недовольно хмыкнул старик, но Валентоха его не расслышала или сделала вид.

Молодые люди поспешили за ней. Следом шёл молодой таранч.

– Вы можете объяснить, как вы тут оказались? – сердито начал Матвей, поравнявшись с женщиной, но Валентоха со спокойной решимостью перебила его:

– Матвей, я рада тебя видеть. Ты возмужал. Делаешь успехи в медицине, – приятным го-лосом заговорила она. – Что это за девушка с тобой? – Валентина Григорьевна бросила взгляд на спутницу Матвея. – Ты, насколько я знаю, один отпралялся.

– Откуда вы знаете? – вспыхнул Матвей.

– Земля слухами полна, – всё так же улыбаясь своей надменной улыбкой, которую Матвей запомнил с самого детства на всю жизнь, ответила Валентоха.

– Я бы хотел знать! – отрезал Матвей.

– Сказал Пышкин. Я была у тебя в институте, – не моргнув, спокойно ответила Валентоха и после некоторой паузы звонко рассмеялась. – Ты всё такой же горячий!

– Думаешь, я поверю? – Матвей, схватив Валентоху за запястье, резко повернул к себе.

– Мне больно, – проговорила та, едва сдерживаясь, чтобы не крикнуть. – Ты не должен

мешать мне, Матвей. Я поступлю так, как считаю правильным.

– Правильным? – крикнул он. – Правильным ты считаешь следить за мной?

– Отпусти, – Валентоха вырвала руку. – Я за тобой не следила, но сейчас моё появление, как я понимаю, спасло тебя и вот эту девочку. Она, по-видимому, попала сюда из-за тебя?

– Кто его знает?! – огрызнулся Матвей, в душе соглашаясь, – она права.

– Они имеют на мой счёт рекомендации и некоторые распоряжения, – спокойно продолжала вполголоса Валентоха. – Так что тебе лучше умерить пыл и приберечь энергию для другого... – она сделала паузу, с улыбкой в глазах всматриваясь в напряжённое лицо молодого человека. – Я надеюсь, ты пригласишь меня к себе в гости?

– Путь сюда не близкий, – не унимался Матвей, его тревожило появление бывшей старшей пионервожатой интерната, в котором он оканчивал школу. – Кто тебя привёз? Тот следователь из участка?

– Может, он, а может, не он! – с отчаянием воскликнула она. – И кончим на этом.

Тем временем они подошли к дому председателя. Весь разговор Маргарита терялась в догадках. Она старалась из услышанных коротких фраз составить ясную картину того, что происходит, но не могла. Она ещё больше терялась в догадках – откуда у Матвея появилась здесь знакомая и, судя по их разговору – давняя. Рита с некоторым раздражением поглядывала на женщину. За всё время та только раз обратила на неё внимание и предпочитала с Матвеем разговаривать о ней в третьем лице, словно её и не существовало. В чём твёрдо убедилась девушка, так это в том, что эта новая старая знакомая Матвея может выручить их. И, может быть, их побег сойдёт им с рук.

Перед воротами председателя дома столпились мужчины. Это были те всадники, которые пустились ловить беглецов. Они угрожающими взглядами встретили молодых людей.

– Кажется, они ждут тебя, – съехидничала Валентоха, проходя первой в ворота.

– Посмотрим, – огрызнулся Матвей и прошёл следом, даже не взглянув на гневно зыркающую толпу.

В тени навеса их поджидал председатель. Он улыбнулся Валентохе и указал рукой, куда она может сесть.

– Учительница пусть идёт домой, – коротко приказал председатель.

Матвей повернулся к девушке, желая её взять за руку, но ей преградили дорогу два таранча и не давали пройти. Весь двор был затянут серой завесой дыма из мангала, он струями проникал из-под крышки, накрывавшей очаг.

– Отойти от неё! – крикнул таранчам Матвей.

– Матвей! – вмешалась Валентоха.

– Я сказал, убери от неё руки! – в два прыжка Матвей подскочил к мужчинам, и никто не успел опомниться, как двумя ударами отправил тех на землю.

Однако прежде, чем он успел отступить, его стиснули крепкие объятия. Тот, кто его схватил, оказался настолько сильным, что захваченный врасплох Матвей не мог вырваться. Узловатые руки спеленали его как железными ремнями. Маргарита бросилась к молодому человеку, но её удержала Валентоха.

– Вам лучше послушаться и уйти, – Валентоха сказала так громко, чтобы все слышали, а склонившись к девушке, шепнула: – Не волнуйтесь, с ним будет всё в порядке.

Маргарита повернулась к Матвею. В дымке он слабо различал выражение её лица, но голос её был спокоен, хотя, очевидно, это далось ей нелегко.

– Не беспокойся за меня, Матвей. Мне не страшно, но лучше мне уйти.

– Рита! – Матвей снова забился в цепких руках, но они не разжались.

Маргарита, провожаемая женщинами, вышла со двора и направилась в дом Эргаша. Валентоха торопливо прошла к столу и заняла место рядом с председателем, с вызовом поглядывая на Матвея. Только тогда удерживающий Матвея разжал руки.

Председатель молча указал ему рукой на свободный стул. Матвей, онемев от стыда, гнева и сознания своего бессилия, словно узник, наблюдающий за казнью своего друга, уселся на отве-дённное для него место, чтобы ещё раз посмотреть в глаза Валентохи. Его лицо горело, а её милое личико окаменело и взгляд стал ледяным.

Продолжение следует.

Алла СТУПИНА

Из сборника «Пока вскипит чайник»

*И пусть себе вскипает.
Это единственное время, когда можно творить.
После работы влетаю в квартиру, ставлю его на газ.
Немедленно напишу, пока не остыла.
Это не чайник кипит, это закипела я...*

Лёгкая рука

Утро. Только открылась аптека. У окошка фармацевта стоит старушка. Спокойно подхожу – очереди нет. Заранее спланировала, что мне купить, чтобы никого не задерживать. Фармацевт выглядит усталым и измученным. Проходит ещё минут пять, и я понимаю причину. Пожилая дама перелистывает страницы своей биографии – детство, юность и зрелые годы. Сколько ещё понадобится для этого времени?

Бабушка обладает великолепной памятью и речью. Оказывается, фармацевт, узнав постоянную посетительницу, имела неосторожность поинтересоваться здоровьем своей подопечной.

Полезный совет: будьте всегда начеку, задавая два вопроса: «Как здоровье?» и «Как дела?» Не рискуйте. Потому что вас уже взяли на заметку и при следующей встрече преподнесут чудом сохранившиеся памятные документы, новые истории, любовные письма от великих людей и фотографии младенческого возраста. На них хорошенький, пухленький и улыбчивый ребёнок. И кто мог подумать, что такое вырастет.

Рассказ продолжается, и прерывать вы его просто не смеее. Перед нами промелькнули картины революций 1905 и 1917 годов, Гражданской войны. Значит, до времён свободы и демократии ещё далеко. События идут строго в хронологическом порядке. Сколько же нужно сил и здоровья, чтобы это всё запомнить, а затем донести до слушателя.

Очередь заметно увеличилась. И тут старушка, оглянувшись назад, радостно восклицает: «Смотрите, какая у меня лёгкая рука! Никого не было, а сейчас что творится! Когда я прихожу, радуются продавцы в магазинах и на рынках. С моей лёгкой руки будет план и копейка на кассе. Нужно чаще к вам заходить. Жаль, не всегда хватает времени».

Фармацевт принимает сразу несколько жёлтых таблеточек. Это валерьянка. Бабушка забирает кучу своих рецептов и бодро выходит из аптеки. Стоящие в очень длинной теперь очереди провожают её взглядами. В глазах – удивление, восхищение и зависть. Некоторые больные даже почувствовали себя здоровыми.

Вот что значит лёгкая рука.

Написано по свежим следам. События не вымышлены.

